

Ксения Волянская

БЫВШИЕ И НАСТОЯЩИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. «ГОЛОС АМЕРИКИ» НА ПРАВОСЛАВНОМ РАДИО

ГЛАВА 1. ДОКТОР ГАЗЗ И СТОП-ЛИСТ

ГЛАВА 2. СКОЛЬКО ПЕДОФИЛОВ НАДО ИЗЛОВИТЬ И ПРИКОНЧИТЬ, ЧТОБЫ ДОСТРОИТЬ ХРАМ?

ГЛАВА 3. «РОССИЯ ВСТРЕПЕНУЛАСЬ... ВСТАЛА НА ЦЫПОЧКИ... НАВОСТРИЛА УШКИ...»

ГЛАВА 4. ПРАВОСЛАВНЫЙ СТАЛИНИЗМ, ПИАР МОНАРХИИ И «РЕВНИВЫЙ ШОКОЛАД»

ГЛАВА 5. ФАКЕБУК, ГОЛЫЕ СТАРЦЫ ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕН И ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЕРГИЯ ЦИ

ГЛАВА 6. «ВО ВРЕМЯ МОЛИТВЫ В ОРГАНИЗМЕ ЧЕЛОВЕКА РАССЛАБЛЯЮТСЯ ВСЕ СФИНКТЕРЫ»

ГЛАВА 7. «КУДА МЫ ИДЕМ, ЖАН? ГДЕ ЦЕРКОВЬ?» — «КАК ОБЫЧНО, НА СТОРОНЕ ПОБЕДИТЕЛЯ»

ГЛАВА 8. «ОПУСТИЛАСЬ ЛЮБОВЬ ДО НУЛЯ, В МИР ГРЯДЕТ БОГОХУЛЬНИК И СПОНСОР»

ГЛАВА 9. «ХРАМ ЗАКРЫТ НА СПЕЦСЛУЖБУ»

ГЛАВА 10. «ДЛЯ УВОЛЬНЕНИЯ МНЕ ВАШИ БЛАГОСЛОВЕНИЯ НЕ НУЖНЫ»

БЕГИ, ПОКЕМОН, БЕГИ!

ЭФИРНЫЙ, ИЛИ СКАНДАЛ НА РАДИО «БЛАГОДАТЬ»

ЧАСТЬ II. БЫВШИЕ И НАСТОЯЩИЕ

ТРУЖЕНИК РЕВНОСТЫЙ И НЕУДАЧНИК

«ВЫХОДОМ ИЗ МОНАШЕСТВА И ВСТУПЛЕНИЕМ В БРАК СНЯЛ МОНОПОЛИЮ СПАСЕНИЯ У МОНАШЕСТВА»

СМЕРТЬ КНЯГИНИ

РЫЦАРЬ ХРИСТИАНСКОГО ЕДИНСТВА НА ВЕРШИНЕ ПИРАМИДЫ ХЕОПСА
«СМОТРИ — НЕБО ТЕМНЕЕТ, С НЕГО ПАДАЮТ МЕРТВЫЕ ПТИЦЫ»
КАК РАССТРИГА И АНТИРЕЛИГИОЗНИК СТАЛ «КЛАССИКОМ ДУХОВНОЙ
ПРОЗЫ»
РАЗРУБИТЬ КРЕСТ ОКАЗАЛОСЬ СОВСЕМ НЕ ТРУДНО
ПРЕДПОЧЕЛ ХРИСТА СПРАВЕДЛИВОСТИ
ВОЛОСОК БЫТИЯ, ИЛИ ЖЕНА ЦЕЛИБАТА
БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ЕРЕТИК СЕРГЕЙ ЖЕЛУДКОВ

ЧАСТЬ I. «ГОЛОС АМЕРИКИ» НА ПРАВОСЛАВНОМ РАДИО

Записки радиоведущей

Эти записки для тех, кто слабо представляет себе специфику православного радиовещания.

На православном радио я проработала 14 лет — с первого дня его открытия. Пришла я туда робкой тетенькой в длинной юбке, с волосами, стянутыми в смиренный кукурик. К тому времени перечитала тонны православной литературы, была страшно неуверенной в себе и очень правоверной. Ушла весной 2017 года — в джинсах, с короткой стрижкой и полнейшим разочарованием в церковной системе, живущих в ней людях и с целым списком сомнений и вопросов по поводу собственной веры.

Начну с предыстории того, что произошло весной этого года, спустя 5 лет, когда в стоп-лист нашего радио попал замечательный уральский историк и просветитель Алексей Геннадьевич Мосин. Возможным критикам, любящим определять писания авторов «Ахиллы» как «нытье обиженных», сразу скажу, что рефлексия по поводу работы на православном радио и церковной системы в целом — лишь одна из малозначительных граней моего мироощущения. И при всем том, что мои отношения с начальством и некоторыми коллегами складывались непросто, обид я ни на кого не держу и искренне желаю когда-то родному радиоканалу процветания и долгих лет жизни.

ГЛАВА 1. ДОКТОР ГАЗ И СТОП-ЛИСТ

Запись из Живого Журнала. 7 февраля 2012 г.

Кто-то, наверно, думает, что работать на православном радио — это отдых для души и непрерывное духовное возрастание. Я даже знаю нескольких милых тётенок, которые прям так честно и думают. Я не стану их разочаровывать — пусть и дальше пребывают в блаженном неведении. Но здесь отведу душу.

Сегодня явно был не мой день. Еду на работу, звонит начальница и интересуется вкрадчиво, когда я уже буду. Узнав, что скоро, сообщает, что мне придется писать объяснительную для шефа-игумена, подробности, дескать, на месте.

Оказалось, что на меня переслали клязузу аж из Патриархии. За семью подписями, которые моя начальница разглядеть не успела, пока шеф этой бумажкой махал у неё перед носом. Преступление моё против православия заключается в том, что в передаче «Неделя в истории» я рассказала о докторе Гаазе. А он католик. И, следовательно, я проповедую католичество. Ну, а поелику я и так-то «Голос Америки», как меня шеф зовёт, то эта история, как он сказал — последнее китайское предупреждение. Хватит с него либерализма, никаких шмеманов и меней чтоб не было. На робкое замечание начальницы, что Гааз вроде как к шмеманам и меням отношения не имеет, шеф даже возражать не стал — когда он в гневе, он уже не разбирает, где там Гааз, а где Мень.

*Руководителю информационно-издательского отдела
игумену Димитрию Байбакову*

Объяснительная.

Передача, вызвавшая странную для меня реакцию кого-то из слушателей, прозвучала в эфире 1 сентября 2011 года. По четвергам у меня выходит передача «Неделя в истории», именно в ней был рассказ о докторе Гаазе. Передача не случайно носит название «Неделя в истории», а не «Неделя в церковной истории». Я рассказываю о людях, оставивших след в истории России. А то, что таким человеком был доктор Гааз, сомневаться было бы странно.

Из воспоминаний об открытии памятника доктору, которого русские православные люди называли «святым»: «Служило православное

духовенство во главе с протоиереем Александровского военного училища Н. И. Добронравовым, в сослужении священников Московской пересыльной тюрьмы Георгиева, Александровской больницы Виноградова, протодиакона Успенского собора Розова и диакона больничной церкви Смирнова. Наступила торжественная минута — мощный голос провозгласил: «рабу Божию Федору вечная память...»

Известно, что с большим уважением относился к доктору Гаазу митрополит Филарет (Дроздов), причисленный к лику святых. О том, сколько этим скромным доктором сделано для русских православных людей, говорить, наверно, излишне, эта информация, слава Богу, доступна. Думаю, что вряд ли быть иванами, не помнящими родства и забывающими добро, — это по-христиански. Рассказ о христианах других конфессий, творящих дела милосердия, должен, как мне кажется, пробуждать в православных людях не раздражение, а прежде всего желание делать не меньше, чтобы быть примером для других. Установка замалчивать добрые дела и подвижничество, заслуги перед Родиной, перед русской культурой христиан других конфессий, создает для нас неразрешимую проблему. Тем более, чье-то раздражение могут вызвать и люди, бывшие православными по рождению, но невоцерковленными — как быть с ними, тоже не упоминать?

Хотелось бы, чтобы впредь не было недоразумений, получить в открытом доступе список имён людей, о которых мы не можем говорить в эфире, потому что предсказать реакцию некоторых неадекватных слушателей не представляется возможным.

Надо знать характер нашего шефа, чтобы понять, что эта моя писанина была довольно нахальной, но в таких случаях адреналин у меня в крови уничтожает всякую природную стеснительность и осторожность. Вопреки ожиданиям, тогда меня не уволили. Но и список запрещенных имен, конечно, никто не дал, так и остался он незримо начертанным перед нашим мысленным взором. А передачу о докторе Гаазе я повторяла еще пару раз за эти годы, и больше никто не звонил и кляуз не писал.

И продолжение истории. Из фейсбука, 7 апреля 2017 г.

Подаю заявление об уходе с праврадио, где проработала 14 лет — просто журналистом, ведущей дня, звукооператором, монтажником. Вкратце история такова.

У нас в городе есть замечательный человек — Алексей Геннадьевич Мосин, профессор кафедры истории России УрФУ, преподаватель Миссионерского института. И есть у Алексея Геннадьевича не только талант просветителя (сколько мы на радио передач сделали — не сосчитать! Он еще и в школы ходит перед ребятами выступать, когда зовут и проч.), но и ярко выраженная гражданская позиция, которую он совершенно не скрывает. И эта гражданская позиция вкупе с христианской совестью заставили его выступить на суде над Русланом Соколовским в качестве свидетеля защиты.

Как только это стало известно моему начальнику, он написал нашему директору, что отныне Мосин — в «стоп-листе», а она уведомила об этом меня. В этот же день я, само собой, сказала об этом Алексею Геннадьевичу. Он решил написать об этом у себя в ФБ. (Я разрешила, почему нет — ведь это правда.) У него взяли комментарий местные порталы. Они же послали запрос в епархию, правда ли, что есть «стоп-лист».

На запрос, похоже, так и не ответили. Но могут ответить, что нет — почти что с чистой совестью. Да, формально его нет, хотя я не раз просила его составить и показать, чтобы задним числом мне не делали выговоров. Этот стоп-лист виртуальный, фамилии в него вносятся устно. В нем у нас: из почивших — оо. Александр Шмеман и Александр Мень, из здравствующих — оо. Петр Мещеринов, Георгий Митрофанов, Андрей Кураев, Андрей Дудченко и теперь — историк Алексей Мосин.

А сегодня начальник, встретив меня на лестнице, не поздоровался и лицо сделал суровое. И сказал, не глядя в глаза: «Вам стоит поискать другое место работы».

В качестве примечания к этой записи скажу парадоксальную вещь: вообще-то наше радио по нынешним временам — структура довольно либеральная, при всей внешней косности, по крайней мере была таковой при мне. Кроме единственного случая, который будет отражен в моих записках, никаких идеологических ценных указаний нам не давали. Никто не распорядился прославлять патриарха или местного митрополита, освещать каждый их чих (ну, давали по выходным трансляции служб, чаще патриарших, а иногда и самых обычных, и последние пару лет раз в неделю — проповеди Главного, и всё), никто не заставлял петь дифирамбы власти и президенту, восхищаться их политикой и клеймить пятую колонну, коварных американцев, бездуховную гейропу с еретиками-католиками и украинских фашистов. Мои

коллеги всем этим занимались исключительно по убеждению и вдохновению.

И кто виноват, что я оказалась не в струе, не в ногу, не в хоре, белой вороной, паршивой овцой, «Голосом Америки»? Спасибо и на том, что много лет, несмотря на то, что мне постоянно давали понять неуместность моих взглядов, мои передачи выходили в эфир, их никто не цензурировал, даже не требовали докладывать перед эфиром их краткое содержание. Благодаря этому я записывала большие и интересные беседы с умными людьми, за знакомство с которыми, опять же, должна быть благодарна своему статусу радиоведущей. Если я при этом не вырезала идеологически рискованные высказывания, то рисковала тем, что кто-то из бдительных слушателей пожалуется шефу – игумену (а потом архимандриту) Димитрию, создателю православного медиахолдинга, и меня будет ждать скандал, а возможно, и увольнение.

Но, видимо, отчасти права была когда-то одна дама-психолог, огорошив меня диагнозом: «адреналиновая наркоманка». Риск придавал моей работе некоторый драйв и азарт. Радостно было, что наши слушатели могут узнавать альтернативную точку зрения на историю, богословие и политику. Реже всего, конечно, на политику. История с моей попыткой дать в эфир рассказ киевского священника Андрея Дудченко о событиях на Майдане в конце 2013 года (которой будет место в моих записках) закончилась провалом, а передача «Как христианам быть миротворцами», в которой мы с Ксенией Кирилловой призывали не разжигать ненависть к украинцам, хоть и прошла чудом в эфир, была удалена из архива после звонков возмущенных православных, поэтому с политикой я больше не рисковала.

ГЛАВА 2. СКОЛЬКО ПЕДОФИЛОВ НАДО ИЗЛОВИТЬ И ПРИКОНЧИТЬ, ЧТОБЫ ДОСТРОИТЬ ХРАМ?

26 ноября 2009 г.

На работу я почти каждый день хожу через кладбище. Дорожка, по которой я иду, называется «бажовской», потому что в самом ее начале возвышается памятник над могилой знаменитого уральского сказочника, рядом с которым в десяти шагах – могила Петра Ермакова, убийцы царя, а чуть дальше – место паломничества – могила иеросхимонаха Константина Шипунова.

Вторая, параллельная дорожка, по которой идут на работу некоторые мои коллеги, а иногда и я, называется «страшной». Обычно по ней в перерывах гуляют с сигаретой сотрудники разных отделов нашего медиахолдинга. Хотя вообще-то они обе страшные: рано утром (я по воскресеньям на трансляцию иду к 9 утра) и вечером тут практически темно. В прошлом году примерно тут, где я хожу, ранние прохожие нашли труп. А в позапрошлом — тут в тётеньку, возвращавшуюся из храма, кто-то выстрелил... Я уж не говорю о стае бездомных собак, которые здесь давно тусуются. Прошлой зимой, когда они на меня накинулись, — слава Богу, просто с лаем и рыком, — целую неделю выбирала другой путь, а потом прежде чем выйти на пустынную дорожку, вытаскивала из сугроба пивную бутылку...

Кладбище очень запущенное, местами непроходимое из-за обильно разросшегося между оградками кустарника и бурьяна. Оградки советские, жуткие — ржавые высокие решетки, врытые словно для того, чтобы покойники не сбежали.

Взгляд скользит по памятникам, интересных эпитафий не встретишь, памятники в основном советского периода, а те, что дореволюционные, в основном со сбитыми надписями. А наемдни взор зацепился за надпись, которую столько раз видела: *«Артист Николай Алексеевич Щадин. 1895-1953. Светлой памяти горячо любимому мужу от любящих жены и Люси»*. Либо надпись неграмотная, либо тут очень трогательная и романтическая история, которая мгновенно возникла в моём воображении... Кто такая Люся? Если дочь — почему не написали: любимому мужу и отцу от любящих жены и дочери? Места не хватило? А мне представилось, что была у артиста, нестарого ещё мужчины, любимая женщина. Как говаривал Булгаков — тайная жена... Та самая Люся. Подруга, допустим, этой безымянной жены. Или сестра? А может, любящая жена всё знала и прощала? А после кончины общего любимого жена официальная и жена тайная слились в объятьях, оросили слезами друг друга и сочинили эту надгробную надпись? Может, всё было значительно проще и банальнее. Как бы то ни было — Царство Небесное артисту Николаю.

28 ноября 2009 г.

«Библия рассказывает нам о том, о чем мученики молятся на небесах. Они молятся о мести своим убийцам (Апок. 6,10). Мученики радуются тому,

что Бог наказывает за кровь их убийц (Апок. 19,1-4). Все небесные существа в восторге, когда Бог воздает злодеям за их злодеяния».

Это из ЖЖ убиенного недавно о. Даниила Сысоева, мысль эту он не раз высказывал. И вот что для меня загадка — это я совсем ничего в христианстве не понимаю? Или богословы, подобные о. Даниилу, верят в какого-то другого Бога?

17 апреля 2010 г.

Получила приглашение на выступление Патриарха в ДИВСе (Дворец игровых видов спорта). За пару дней до этого пошли слухи, что билетов роздано на 2 тысячи больше, чем мест. Советовали приехать за час, то есть в 15.00. Приехала. Толпа медленно затекает в центральный вход. После 10 минут такого медленного затекания откуда-то возникает дюжий охранник, перекрывает телом поток благочестивых граждан и кричит, что мест в зале больше нет, всё, можете не беспокоиться. И утрамбовывает в двери тех, кто впереди меня. Рядом стоящие пытаются куда-то пробиться и на что-то надеются, но я поворачиваюсь и с трудом вывинчиваюсь из толпы.

На площади есть экран, пока на нем идут всякие ролики. Пристраиваюсь у ограды. Отсюда меня пытается выгнать милиционер, но это не так-то просто, я и без того раздражена, поэтому заявляю, что у меня больная спина и я никуда не отойду. Однако через 20 минут стояния поняла, что мне это не под силу, а ждать еще долго, и поехала домой. Посмотрела по Союзу, на диванчике.

28 апреля 2010 г.

С утра гляжу в телевизор (потому как градусника нет) — на улице +1. Мухи белые летят. Вечером еду с работы — град. Величиной с горох, пожалуй. А когда к дому подходила — уже солнышко и роскошные облака на голубом небе. Даже неприятное ощущение от творящегося в родной епархии куда-то улетучилось. Ну пускай себе. Крестные забеги, вся эта новосовковая чиновничья возня, а может, просто весеннее миссионерское обострение — радость бытия не отнимут.

Поясню. В апреле 2010 года в Екатеринбурге прошел съезд родительских комитетов России.

Выразили категорическое неприятие «искусственного раздувания темы насилия в семье». Что забавно читать сегодня: обратились к властям с настоящим требованием «прекратить деятельность службы «детских омбудсменов» как неконституционного органа, деятельность которого основана на принципе приоритета прав детей над правами родителей и учителей и направлена на внедрение этого принципа в семейные отношения, что ведет к вседозволенности и безнаказанности, культивированию безответственного и потребительского отношения к близким, детской неуправляемости, росту детской преступности».

И еще: «екатеринбургская епархия проведет беговой марафон от Храма-на-Крови до Ганиной ямы». На фоне всего этого разгорелось противостояние между горожанами и епархией – владыка Викентий заявил, что надо восстановить храм Екатерины на площади Труда. Народ возбудился, был большой митинг протеста, конечно же, заклеянный «богоборческим». Разумеется, на нашем радио не предполагалось никакой дискуссии, было рекомендовано пиарить постройку храма.

Да, родительские комитеты (наш, во всяком случае) — это был в те годы (сейчас не знаю, не слежу) такой цирк с конями, что закачаешься. Руководитель городского комитета, г-н Неталиев, корявоговорящий дядя, с дефектами дикции, частенько вещал у нас в эфире. Любил пугать мировым правительством и демократами. Но самым фееричным было, конечно, одно его выступление 2008 года, когда у нас бурно обсуждали новости о педофилах. Родительский комитет тогда встал на защиту бывшего спецназовца, забившего до смерти, как писали, педофила, посягнувшего на его племянницу. В связи с этим Неталиев в эфире нашего радио объявил: «500 тысяч за голову педофила!» То бишь убившему или искалечившему педофила гражданину выплатят полмиллиона от благодарных родителей.

Знакомый поп по этому поводу подсчитывал, сколько педофилов ему надо изловить и прикончить, чтобы достроить храм...

2 октября 2011 г.

Недавно ходила на встречу с журналистами и блогерами нового владыки — Кирилла (Наконечного). Произвел довольно приятное впечатление, говорит по-человечески (а не как Викентий — церковнославянизмами и путая падежи), доброжелательный такой, простой, на столе стояли пирожки и

вода, очень мило всем предлагал. Прожевала пирожок, воспользовалась тем, что сидела ошуюю и позвала в эфир.

Р. С. Да, дэспоты умеют производить приятное впечатление. Наткнулась спустя столько лет в Живом журнале на такую анонимную запись под рассказом блогера об этой встрече: «Ну-ну, а то что Владыченька грубо нарушает Трудовой кодекс, заставляя сотрудников епархии писать заявления об увольнении с открытой датой – это, конечно, не обсуждалось, да и правильно, что там людишки всякие, главное оптимизация доходов». Да, это и в самом деле не обсуждалось. Прочитала и вспомнила, что кто-то рассказывал мне тогда, что почти всех сотрудников епархиальных отделов заставили писать такие заявления, и они были все в ужасе, что с ними будет, кого сократят, кого помилуют.

А я запомнила из первых дней воцарения нового владыки смешной эпизод. Я тогда работала как королева — в отдельной комнате. Конечно, народ ходил туда-сюда: то нагреть еду в микроволновке, то взять диск из шкафа, да и грибок там разъел стены, но мне там было хорошо. Одно из окон выходило в зимний сад, устроенный для владыки Викентия. Иногда мы со своего третьего этажа могли наблюдать владычные трапезы с гостями – не сказать, чтобы сказочные, осетров и устриц не видала. Правда, сверху и видно было не так хорошо. Но вот в один прекрасный день прихожу я в свой «кабинетик», а окошко в зимний сад наглухо заклеено белой бумагой. Сказали: новый владыка распорядился. Смешно, конечно, стало – что же там хотят скрыть от народа?

ГЛАВА 3. «РОССИЯ ВСТРЕПЕНУЛАСЬ... ВСТАЛА НА ЦЫПОЧКИ... НАВОСТРИЛА УШКИ...»

Первое время на нашем радио все шло в прямом эфире. В связи с этим было много казусов. Я это веселое время не застала, потому что первые годы работала по договору: приходила раз в неделю и записывала православный календарь на семь дней. Как ни странно, эта рубрика пользовалась популярностью. Я старалась, перелопачивала кучу книг, не просто читала житие в сокращенном варианте, а перелагала современным языком, материал брала из нескольких источников: Федотова, иг. Дамаскина (Орловского), Тальберга и Дворкина, часто цитировала митр. Антония и дьякона Андрея Кураева.

Для меня было сюрпризом, что многим слушателям нравился мой голос: мне он в записи казался чужим, детским и смешным. Коллеги рассказывали мне о звонках православных товарищей, которые интересовались, где меня можно увидеть, приходилось их отшивать, докладывая, что я замужем. Как-то раз приехала пожилая матушка, вызвала меня поговорить на лавочке возле работы. Очень расстроилась, узнав, что я не юная незамужняя девица-платочковица: хотела посватать меня за своего сына.

Православный календарь шел в эфире много лет, некоторые выпуски я повторяла полностью, некоторые заменяла, правила. Потом я от него отказалась, но никто не горел желанием делать его за меня, и стали просто ставить повторы из разных лет, соотнося с церковным календарем.

Когда моя коллега ушла в декрет, я стала ведущей дня. Первые дни тряслась как осиновый лист: читала новости дрожащим голосом, а уж «Беседы о вечном» в прямом эфире — это был вообще сплошной выплеск адреналина.

Сначала мои передачи монтировали девочки-звукооператоры, постепенно я освоила основные аудиопрограммы и стала справляться сама. На самом деле, это совсем нетрудно, и меня всегда удивляло, что не все коллеги хотят сами монтировать свои записи, ведь это так удобно — ни от кого не зависеть. С другой стороны, благодаря их лени, я могла подрабатывать к своей миниатюрной зарплате лишние копейки, монтируя передачи коллег.

21 ноября 2011 г.

Уж который год, подрабатывая на родном радио монтажом передач, периодически, вместо того, чтобы тихо и тупо делать своё дело, натыкаюсь на хрень и бред и иду к начальству с объяснениями, почему это бред и хрень и почему ЭТО нельзя пускать в эфир. У меня ощущение, что начальство уже утомилось. Вот сегодня опять в беседе нашей ведущей о сквернословии с дамой — преподавательницей вуза — обнаружила глубокомысленное рассуждение о том, что сквернословие портит генетический код. Я всё это вырезала, предварительно поговорив с автором и директором. Не могу сказать, что меня поняли, скорее уже не знали, как от меня отвязаться. Просто думаю: может, бесполезно, может, молчать уже? Ибо «не покусьись своею немощной рукою»... и далее по тексту.

29 ноября 2011 г.

Монтируешь порой, монтируешь что-нибудь не своё и так домонтируешься, что услышишь нечто совершенно невероятное. И думаешь: может, показалось? Ну не может же быть?..

Может, и было. А поскольку я тогда монтажом этих программ не занималась, оно благополучно проскочило: «Какой высокий удел дается православной женщине, — вещает некая дама-психолог, — она для мужа старцем является!»

7 декабря 2011 г.

У нас был в гостях сладкоречивейший из попов — Артемий Владимиров. И я вынуждена была исполнять профессиональный долг — быть звукооператором прямого эфира, наслаждаясь его мозговыносным красноречием.

Перлы на память:

Вопрос ведущей, конечно, про Пояс Богородицы (который тогда привозился в Россию): «Как вы расцениваете это удивительное явление — толпы, очереди и проч?» Ответ: «Да, да... Вся Россия восторгалась... встала на цыпочки... наострила ушки...»

Это не стёб. Всё это говорится сладким шепелявым голосом, на полном серьёзе, хотя и с обычной благостной улыбкой. Очень хотелось нажать специальную кнопку, которая позволяет переговариваться с сидящими в студии и таким же сладким голосом добавить: «Да-да, и хвостиком завиляла...»

Еще цитата Сладчайшего из эфира:

«Пресловутые разговоры о свободе печати равносильны разговорам о свободе проституции, свободе растления малолетних, свободе преступного криминала».

Еще был вопрос: «Как сделать так, чтобы муж не гулял?» Ответ мудрейшего: «Чтобы семьи не распадались, нужно мужа стараться раз в две недельки обязательно приводить на исповедь, но прежде, конечно, надо его повенчать, дабы он принес клятву верности и любви».

Наши дамы от сладкого жеманного батюшки млели как кошки на мартовском солнышке. Все, конечно, срочно понадевали платки, а то у него

есть манера напяливать свою скуфью на бесплаточных женщин. И я тоже нацепила шарфик.

Слушать его разглагольствованиа — всё равно что жевать зефир вприкуску со сладким чаем, а в сладкий чай ещё от души сгущёнки налить.

Наши девочки-звукорежиссеры всегда казались мне богинями эфира. Когда я смотрела на их работу за пультом, мне казалось, что это труднее, чем быть ведущей: ну, посидела, поболтала с батюшкой, если он не дурак, так только наводящие вопросы задавай, он сам все скажет. Дураков я отсеивала после одной записи, и у меня, как и других ведущих, образовалась своя колода попов, которых я тасовала в эфире.

А у звукооператора масса работы: надо «накидать» или «забить» эфир на сутки вперед, подобрать музыку, не накосячить нигде, иначе эфир встанет, когда ты уже дома, придется все бросать и скакать на работу; красиво запустить и увести прямой эфир, чтоб в начале музычка и в конце, чтоб она затихала, а не обрывалась, принять звонки слушателей, вычистить ошибки из новостей.

При этом тебя еще постоянно дергают ведущие. У нас их традиционно пять, и двое из них не умеют ни запись настроить в соседней студии (у нас это называется «посадить на запись» или просто «посадить», со стороны смешно звучало: «посади нас с батюшкой»), ни скинуть свою передачу из диктофона или с флешки. А в студии обычно душно, и окон там нет, и коллеги часами чешут языками в фойе, распивая чаи, пока ты пашешь в поте лица.

Но пришло время, и жизнь подтолкнула меня к тому, чтобы освоить и эту премудрость. Девочки меня любезно учили, отвечали на мои панические звонки: «Что делать?! Эфир не идет! А на левом экране вверху мигает красный кружок!» В конце концов я смогла подрабатывать в выходные на трансляциях богослужений и заменяя девочек на время отпуска.

16 января 2012 г.

Читая в эфире воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), натыкаюсь иногда на любопытные вещи. Например, я думала, что слова Господа об ампутации глаза и руки правоверными христианами как ЦУ никогда не воспринимались, а только как поэтическое преувеличение. В

отличие от многих других слов, которые, напротив, были восприняты традицией как повод для возлагания на ближних неудобноносимых бремени, а не как призыв к совершенству. Но, оказывается, не только среди сектантов, но и среди православных встречались отдельные энтузиасты... Вот пример: владыка Евлогий рассказывает о хиротонии, в которой участвовал: *«Присутствовали лишь епископ Фаддей и старший брат архимандрита Аверкия – епископ Пахомий (викарий в Чернигове), которого приятели прозвали «циклопом». Будучи студентом Казанской Духовной Академии, в припадке фанатического исступления он обжег себе глаз на лампадке. Этот порыв изуверской ревности о спасении обезобразил его физически, лишил его на этот глаз зрения, но душа у него осталась по-прежнему прекрасная. Прямолинейный, добрый человек, он добродушно отшучивался, когда кто-нибудь напоминал ему о причиненном себе увечье».* Ну слава Богу, что себя лишил, а других не порывался...

15 февраля 2012 г.

Продолжаю домучивать «Несвятых святых» Шевкунова. Лет 15 назад читала бы взахлёб, эдакие «Православные чудеса XX века» для интеллигенции.

Остаётся ощущению поверхностности и легковесности. Позабавила история о пропитой православным писателем (коего ни страницы не осилила) Николаем Блохиным Библии, которая вернулась к о. Тихону благодаря усердному чтению мантр — Символа веры и 50-го псалма. Искренне и наивно полагала, что в такое верят лишь старушки тёмные и неофитки. Похихикала раз над подругой, которая посоветовала мне читать Символ веры, дабы обрести утерянный паспорт. А оказывается такая языческая практика благословляется. Век живи, век учись.

Убил рассказ о скончавшейся без покаяния и причастия вдове обновленческого митрополита Введенского, который предварялся набившими оскомину словами о «грехе раскола, который не смывается» и далее по тексту. Во-первых, никогда не понимала, почему эта фраза Иоанна Златоуста считается истиной в последней инстанции, всё же это не Священное Писание. Во-вторых, непонятно, какое отношение бедная вдова имела к греху учинения раскола. Любила, поди, своего супруга, и чего нам её судить? Всегда меня потрясает эта готовность православных от имени Бога объяснять обстоятельства кончины ближних...

Что порадовало в книге — не всё ж ворчать — это рассказы о любимом мною и почитаемом епископе Василии (Родзянко), которого имела счастье видеть, и истории из жизни иеромонаха Рафаила (Огородникова), ибо имела честь беседовать с его братом Александром, знаменитым диссидентом.

23 февраля 2012 г.

У православных людей очень любопытные понятия о нецензурной лексике. Я заметила: чем ортодоксикознее человек, тем он более странный. А чем больше церковный стаж собеседника, тем больше шансов, что человек может — к слову, замечу, — и в тему! — употребить словечко, от которого ударятся в истерику ультраревнителю... Помню свой шок, когда услышала от Кураева в прямом эфире (моем с ним) слово на букву «б» (речь была о Мадонне, певице). Для повтора вырезать пришлось.

А вот на работе у меня есть коллега, который совершенно искренне считает неприличным слово «фигня». И — «собака». Да, когда диктует мыло, так и говорит: «чего-то там, собачка, мейл точка ру». Хотя соглашусь, что диктовать адрес нашего начальника, действительно, может быть непросто: «Байбаков собака» — такое не всякий язык легко произнесет.

А если ему говоришь: «слушай, посмотри, пожалуйста, чего-то вот эта фигня не работает...» — он с лукавым видом ответит: «чего, чего? Не слышу!» И так и будет не слышать, пока не исправишь неприличную «фигню» на приличную «штучку».

Подруга моя работает в церковной лавке. Была недавно в полном недоумении, услышав заявление своей сменщицы, что слово «проститутка» — нецензурное. А давеча зашла на Предание.ру и в комментах к лекциям прочла (с сохранением орфографии):

Гость: «Прошу прощения, но хочу обратиться к администрации сайта и к его гостям. Следите пожалуйста за выражениями!!! Как пример, на этой странице употребляется нецензурная лексика, а именно «озвучка» и «фиговая». Дорогие Братья и Сестры, если Вы неверующие и невоцерковлённые, но приходите на этот сайт в поисках Бога, не забывайте пожалуйста где Вы находитесь, следите за своим языком, и уважайте русский язык!!!»

28 февраля 2012 г.

Поняла, почему у меня от чтения многих патеричных историй в голове осталось лишь несколько. И одна из них любимая — про старца, который прикрыл ученика от братьев-ревнителей. Обнаружил у него женщину в келье, а тут на пороге монастырская полиция нравов. Старец бабу в сундук, и на него сел. Ревнители всё обшарили, старец им ещё и соврал, не моргнув глазом, что давно тут и никаких баб не видал, это у вас, мол, искушение.

И чем больше живу, тем чаще приходится убеждаться, что выбор между ложью по любви и правдой — он даётся сложнее всего. Врать или утаить правду — получается плохо. Скажешь правду — тоже получается плохо. Тут я и Шмемана вспоминаю, любимое рассуждение о добрых и добродетельных людях. Он там приводил в пример Толстого и Чехова. Чехов был добрым, а Толстой добродетельным. Поэтому мне и Чехов мил бесконечно, хоть и ходил в бордели. А Толстой он, конечно, глыба, но не мил, нет. Потому что Чехов бы соврал легко по доброте и любви, как тот старец, а Толстой вряд ли. Вот только все эти рассуждения никак не помогают в жизни делать выбор. Потому что надо ещё понять: а по любви ли правду не говоришь или из страха, или ещё каких-то левых соображений...

ГЛАВА 4. ПРАВОСЛАВНЫЙ СТАЛИНИЗМ, ПИАР МОНАРХИИ И «РЕВНИВЫЙ ШОКОЛАД»

20 апреля 2012 г.

На Пасху шеф нам вместо премии подарил по маленькой коробочке креативных конфет Dove. Каждая конфетка завернута в фантик с предсказанием. Очень православно. Например: «Он сейчас думает о тебе» или «Сегодня у тебя шанс изменить жизнь к лучшему». Тут я вспомнила, как в музее на выставке к войне 1812 года видела чудные дореволюционные фантики от конфет, обертки от кофе и шоколада, на обратной стороне которых были коротенькие познавательные тексты о важных битвах войны, о военачальниках, героях и проч. Очень тонкое знание человеческой природы — жуёт дитя шоколадку и историю изучает. Вот бы, думаю, курс ОПК сделать на фантиках. Катехизис, жития, чудеса, цитаты из святых отец. Хорошо бы усваивалось вместе с серотонином.

Из разговора на работе: «В Ивановской-то новый настоятель, отец Л. Меняется все. На Пасху так красиво столы стояли на площади, все

организовано так хорошо было. И батюшка вышел, так хорошо все объяснил людям, чтоб хоть понимали...» — «А что объяснил-то?» — «Так вот, что скорлупу надо сжигать от освящённых яиц»...

8 мая 2012 г.

Чем дальше мы уходим от войны, тем больше она мифологизируется и вместо трагедии превращается в патриотическую оперетку. На днях монтировала беседу коллеги с батюшкой к дню Победы. Оный батюшка, не моргнув глазом, транслировал легенду про митрополита Гор Ливанских Илию Карама, коему явилась Божья Матерь и велела передать срочный меседж советскому правительству. Тот передал сие митрополиту «Алексею Симановскому» (так и было сказано), а тот лично тов. Сталину, который проникся и взял под козырек: дескать, так и сделаем по слову Богородицы — храмы откроем и попов выпустим. Ну и прочее в том же духе.

И наши, православные, мифы чем лучше советских? Те утверждали, что все шли в бой с криком «За Родину, за Сталина», а наши — что все были поголовно верующими, все молились, да еще иконы крестными ходами носили.

13 мая 2012 г.

Знакомая женщина про поездку в Дивеево: «Так хорошо съездили, так хорошо... И чугунок нам на головы надевали, и мотыгу прикладывали»...

22 августа 2012 г.

Вчера рассказала своей глубоко и давно церковной подруге историю с Пусси Райот. Не то чтобы она совсем ничего не слыхала, но подробностей не ведала, так как, работая в двух местах, не успевала следить за развитием событий. Подруга изумилась реакции ортодоксических товарищей. «Странно, — сказала она, — они разве не помнят историю, как Господа не приняли в самарянском селении, и Его ученики воспылали праведным гневом а-ля отец Чаплин, а Христос их жестко обломал и сказал: „Не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать“?»

И правда, то ли не читали, то ли забыли, то ли игнорируют сознательно...

12 сентября 2012 г.

Очень вредно работать звукарём на праврадио. Молоко не молоко, а что-то надо давать за вредность. Потому что подбор так называемых внебогослужебных песнопений — это труд, изматывающий нервную систему, особенно если не превратился в циника и жалеешь слушателей. Ставить их в эфир можно тогда, когда не ставится «богослужебка», которая иногда разбавляется инструменталкой.

С инструменталкой тоже морока, потому как не всё формат. Например, однажды пришло письмо из Америки с жалобой на то, что — о, ужас — на праврадио звучат мелодии из американских фильмов. То бишь Морриконе. Правовверные американцы включают наше радио, чтоб окунуться в атмосферу Святой Руси, а тут всякая развратная музыка. Культурный шок.

Я стараюсь периодически что-нибудь вносить в базу радио, чтоб хоть как-то разнообразить наш заунывный эфир. Радует очень Элизбару (кельтская арфа) — такая красота и, в целом, наш формат. Ещё у нас хорошо «пошёл» Рик Уэйкмен, которого изначально мне на диске преподнёс один добрый иеродиакон, вместе с дивной Дивной Любоевич, которой у нас не было до этого.

Ну, а с правшансоном у нас беда. Романы — иеромонах и архидиакон, Светлана Копылова, чета бардов Михайловы, некий иерей Геннадий Ульянич, матушка Людмила Кононова, Юлия Славянская, отец Олег Скобля — у нас уже давно все от них устали, хотя за неимением лучшего заполняем ими эфир. Слава Богу, потихоньку ушла Жанна Бичевская. Сначала я категорически умоляла не ставить её в те дни, когда я была ведущей. Потом она вообще на нет сошла. У Копыловой был симпатичный первый альбом, потом пошли графомания и занудство. Давеча, роюсь в базе, обнаружила её зажигательную песню, пропагандирующую телегонию. Выкинула.

Более-менее разнообразить завывания на тему покаяния, слёзного моления, свечей, крестных ходов, крестов, куполов и колоколов можно благодаря песням на стихи поэтов Серебряного века Владимира Щукина. Иногда ставлю любимую Камбурову, Дольского, Кима и Окуджаву, у которого в категорию «внебогослужебки» попадают разве что «Виноградную косточку в тёплую землю зарю» и «Молитва». На днях похулиганила, пустила в эфир Шевчука — «Ворону». А сегодня, радостная, слушала на работе Елену Фролову, у которой скачала несколько альбомов. Много, конечно, «не нашего», про любовь, но есть и то, что пройдёт.

5 ноября 2012 г.

На форум «Единство — оружие нашей победы», который проходил в Екатеринбурге, был приглашён в числе прочих г. Александр Проханов. Его выступление дал у нас на радио мой коллега. Послушала. Всё тут было — и «русские — бригада Господа Бога, которая осуществляет свои мессианские цели», «космическая миссия», «идея русского оружия, защищающего райские смыслы», «святость, которая передается в наши танки», «глубинные имперские коды», «стратегия рывка с подавлением либеральных СМИ» и «Сталин жестокой, кровавой, но праведной рукой», «были репрессии, было насилие, но была возгонка героизма, было создано поколение людей, которые потом, через несколько лет, закрывали грудью амбразуры», «формируется пятая империя» и «молитва «Отче наш» предполагает создание Царства Божия на земле», «идеология Победы» и прочие безумные глаголы.

Никто не встал, не возмутился. Так противно это всё. На нашем радио я уже чувствую себя белой вороной. Кругом государственники, монархисты и даже вот сталинист один. А я — «агент Госдепа», только что-то не платят, не знают, видимо, что я на них работаю.

После передач в день памяти жертв политических репрессий звонила тетенька-сталинистка и возмущалась. Надо, мол, единять, а мы разъединяем, ведь Сталин-то — неоднозначная фигура.

(Проханова вообще любят в нашей епархии: то приглашают на Ильинские чтения, то митрополит встречается с изборцами в честь открытия регионального отделения в Екатеринбурге. Но особо дружен со сталинистом Прохановым епископ Нижнетагильский и Серовский Иннокентий, который в декабре этого же 2012 года почтил своим присутствием заседание Изборского клуба в Ульяновске. В газете «Завтра» Проханов с умилением повествовал о том, как владыка Иннокентий на джипе возил его по своей епархии, как ели они длинных копченых рыб и утешались разговорами о пасхальном воскрешении России.)

5 января 2013 г.

«Пришел слуга и изрубил елку в куски — вышла целая связка растопок. Как славно запылала она под большим котлом! Дерево глубоко-глубоко вздыхало, и эти вздохи были похожи на слабые выстрелы... А ель, испуская

тяжелые вздохи, вспоминала ясные летние дни и звездные зимние ночи в лесу, веселый сочельник и сказку про Клумпе-Думпе, единственную слышанную ею сказку!.. Так она вся и сгорела».

Каждый год вижу свалку лишних, не пригодившихся елок возле Иоанно-Предтеченского храма. В этом году лишних немного. Но непонятно, почему их нельзя раздать прихожанам, ведь не всем елка по карману. Мы маме за 500 рублей купили самую маленькую и не особо пушистую. А в этот раз на кладбище возле храма увидела костер из каких-то коробок, а под ним — свежую елку. Так жалко. Андерсеновская хоть деток порадовала, а потом ее сожгли, а эта ни за грош погибла. Надеялась увидеть служащего, который этот костер развел, и спросить, зачем жечь елку, но он уже ушел. Нет, духовным людям, конечно, не до елок, это мелочи. Я сентиментальная дура.

8 января 2013 г.

Сегодня ходили всем коллективом поздравлять шефа с днем рождения. Как обычно, аляфуршетно угощались соком и вкуснейшими пирожными, а также получили в подарок по коробке конфет, но это все мелочи. Главное — я сподобилась, наконец, лицезреть знаменитых игуменских котов: двух мейн-кунов и одного симпатичного дворового Восю. Все они живут у шефа на втором этаже. Говорят, запах по утрам... специфический. Мейн-кун Адам (с ударением на первый слог) грозно глядел со шкафа — чистая рысь. А девочка, его невеста годовалая — Ферджи — позировала нам на фоне патриарха, а потом играла на полу ленточками от коробок с пирожными. Ужасно милое создание. Шеф сказал, что на пенсии планирует разводить мейн-кунов. Я намекнула, что неплохо бы своим продавать котят со скидкой. Но шеф пока замялся с ответом.

17 января 2013 г.

Сегодня у нас на радио было собрание. Случается это раз в несколько лет, кстати.

Начальница передала ЦУ шефа. Весь этот год мы должны усиленно — каждый день, а желательно в каждой передаче — пиарить монархию и династию Романовых. Ну, 400 же лет! Циклы, рубрики, всё максимально. Нам должны спустить сверху список вопросов, которые мы должны задавать батькам в конце каждой, вне зависимости от темы, передачи «Беседы о вечном». Типа «как вы относитесь к монархии», но ответ должен быть: «да-

да, монархия форева, гип-гип ура, Боже, царя храни» — и ни в коем разе ничего иного.

Я вякнула, что вообще-то не подписывалась заниматься пропагандой, на что получила дивный ответ: а зачем шла в журналистику, если не собиралась? Хороший вопрос! Но забавно, что даже в перестроечные годы мне ни разу не пришлось ничего пропагандистского писать. Наверно, повезло, я ведь поработать после универа не успела, писала только на практике. Но совсем уж не думала, что на православном радио мне придется заниматься пропагандой, наивная чукотская девушка. Теперь ломаю голову, как выйти из этой ситуации, не потеряв морду лица...

23 января 2013 г.

Монтирую передачи центра материнства «Колыбель». Хорошие люди, дай им Бог здоровья. Но как же меня бесит, когда я слышу чуть не каждый раз: «Укрепляя семью, мы укрепляем государство», «от того, насколько будут крепкими наши семьи, зависит, насколько крепкой будет наша матушка-Россия».

На этом месте я бы схватилась за револьвер, но у меня его нет, и я хватаю шоколадку, чтоб заесть эту каку. «Пойду-ка, — думает православный мужчинка, — помирюсь, что ль, с Машкой, а то нехорошо, матушка-то Россия ослабнет... Да и супружеский долг надоть бы тоже... во имя укрепления...» Это даже уже не смешно.

Перечитываю «Путешествие антиохийского Патриарха Макария в Россию». Напомню — это середина XVII в. Рассказ о том, как москвиты берут в плен татар и что с ними потом бывает. Мечта Энтео!

«При приближении к ним татар они тотчас хватают их караван, будут ли это мужчины, женщины, девочки или мальчики, уводят в свою страну и продают на рынке уничижения за десять, пятнадцать или двадцать пиастров. Поэтому у каждой богатой женщины бывает пятьдесят, шестьдесят (рабынь) и у каждого важного человека — семьдесят, восемьдесят (рабов). Они их не оставляют так, но тотчас (дивно как — К.В.) обращают в христианство, хотят ли они или нет; их крестят даже насильно. Если потом увидят, что они хорошо себя ведут и усердны к вере, то их женят между собой и детям дают наилучшие имена. Мы заметили

в них набожность и смирение, каких не встречали и среди лучших христиан: они научились тайнам веры и обрядам и стали такими, что лучше и быть нельзя».

29 января 2013 г.

«И привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии. И Он первым бросил в нее камень и сказал: заповедь новую даю вам — геев, блудников и прелюбодеев побивайте камнями. Лицемеров же, пьяниц, лихоимцев, чревоугодников, воров, злоречивых и хищников берегите — ибо у Отца Моего обителей много» (евангелие от Энтео).

12 апреля 2013 г.

Приедет к нам на той неделе диссидент Александр Огородников. Сидел за антисоветскую пропаганду, на самом деле — за христианский самиздат и проч. — что-то около 8 лет, в том числе на Пермской зоне. Несколько лет назад его наши местные «кочетковцы», братство св. Екатерины, приглашали, мне с ним тогда и беседу удалось записать.

Но это предисловие, а суть вот в чем. Неделю назад ко мне зашла директор и попросила взглянуть на объявление, присланное епархиальным отделом культурного наследия, чтобы его читать в эфире. Тут я и выпала в осадок.

«Встреча с единомышленниками.

Православный Джеймс Бонд — Александр Огородников.

Служка, вызовы в КГБ, псевдонимы, шифрованная запись телефонных номеров, обыски — все это было его жизнью. Он удирал от «хвоста», прыгал с третьего этажа, избил агента КГБ, следившего за ним. 7 лет лагерей за религиозные убеждения. Масштабной социальной деятельностью оказал помощь более 2 миллионам человек.

Пригласительные билеты в отделе культуры Екатеринбургской епархии».

6 мая 2013 г.

Пасхальный сюр.

Наш прекрасный шеф-игумен, благоухающий туалетной водой «Ревнивый шоколад», поздравлял нас нынче с Пасхой, угощал всякими вкусностями. И с милой монашеской непосредственностью рассказывал армейскую байку: он пошел в армию уже из мединститута, и кто-то его подкалывал там: «Вот

зачем нужны психотерапевты (а шеф на психиатра учился)? Лучшая психотерапия — это женские сиськи! На одну ляжешь, другой прикроешься — и никакой психотерапии не надо!» Перед этим шеф так же непосредственно шутил по поводу комплекции своих сотрудниц, заявляя, что ему всегда по душе были кустодиевские женщины — к чему, собственно, и была рассказана байка.

Кругами около нас ходил роскошный мейн-кун Адам и подбирал с пола какие-то крошки.

16 мая 2013 г.

«Глава Русской православной церкви пробудет у нас четыре дня. Два из них — четверг и пятница — отведены для отдыха, адаптации (в Китае богослужения приходилось вести при +37 градусах), личных встреч и посещения уральских храмов инкогнито» («Областная газета», Екатеринбург).

18 мая 2013 г.

Сидела сегодня на радио — была трансляция патриаршей службы. Так странно видеть по телевизору Патриарха в окружении мрачных мужчин в костюмах. Один всё время был вплотную, то шептал что-то в микрофон, то большим пальцем делал какие-то знаки коллегам. Остальные стояли спиной к алтарю, сверлили глазами толпу. Чего так бояться в храме, среди народа? Какого-нибудь террориста-одиночку? Так вроде христианам не надо смерти бояться... Толпы? Что сметёт от избытка любви?..

ГЛАВА 5. ФАКЕБУК, ГОЛЫЕ СТАРЦЫ ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕН И ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЕРГИЯ ЦИ

Удивительно все-таки, как по-разному выглядит одно и то же внутри и снаружи. Только получив возможность посмотреть на наше радио со стороны, я поняла, что оно парадоксальным образом осталось последним островком относительной свободы в православном медиапространстве. Конечно, в первую очередь связано это с тем, что медиахолдинг, включающий в себя ТК «Союз», радио «Воскресение» и «Православную газету» — вотчина прежде всего о. Димитрия (Байбакова), а не епархии. А

один человек, который пытается контролировать три СМИ, не сможет это делать даже чисто физически, при всем желании.

Наша непосредственная радионачалница не обладает профессиональными амбициями, поэтому все эти годы у нас всё шло потихоньку, вразвалочку, без особых потрясений и перемен. Никаких тебе планерок, летучек, разбора полетов, подковерных интриг – скорее пансион семейного типа, где находят тихую пристань люди, которые в силу инерции, лени, комплексов или возраста уже не могут себе найти более денежную или более перспективную работу. Неспешные чаепития с духовными и не очень духовными разговорами, ранние уходы с работы, да и сама работа — скорее удовольствие, чем напряжение. Но благодаря всему этому ведущие могут самостоятельно, с минимальным контролем сверху, выбирать собеседников (за исключением тех, что в стоп-листе, а их все-таки мало), темы для бесед, придумывать себе рубрики и наполнять их. Конечно, работает внутренний цензор – у кого-то суровый, у кого-то – более либеральный, но он есть у всех. Например, ты понимаешь, что если гость ругает политику Путина, в особенности внешнюю (внутреннюю можно, если очень осторожно), то у тебя будут неприятности, тебе вынесут пятое «последнее китайское предупреждение». Само собой, что духовные темы тоже трогаются только очень трепетными перстами, вернее, устами. Но тут уже срабатывает внутренняя цензура у священников, они отлично чувствуют, что можно, а что опасно говорить в эфире.

Помню, когда еще наши слушатели писали письма в редакцию, были возмущенные отклики на мою передачу, в которой батюшка посмел говорить о том, что Бог – прежде всего Любовь, а не Справедливость. Хотя об этом часто говорил и Осипов, очень почитаемый о. Дмитрием и часто звучащий и на Союзе, и у нас. Но, видимо, что позволено Юпитеру, то не позволено другим, а может, батюшка перешел черту, сказав, что это кощунство – говорить, что «Бог наказывает». Еще одного попа когда-то отлучили от эфира за похвалы «Гарри Поттеру», а преподавателя семинарии – за то, что говорил о необходимости перевода богослужения на русский язык.

Чаще всего ходили в эфир священники, любящие поразглагольствовать (есть такой типаж), и в основном, конечно, о патриотизме, духовно-нравственном воспитании; последние годы – обязательно о том, как все ненавидят Россию,

как Запад загнивает, а мы встаем с колен. Но мне с такими тошно и скучно. Удавалось записывать передачи с адекватными батюшками, может быть, без особого драйва, но с человеческими интонациями, без назиданий, елея, сиропа и пугалок. Последние годы часто записывала по скайпу священников из других городов, порой на довольно опасные темы, но Бог миловал, никто не жаловался, а начальство или не слушало, или смотрело сквозь пальцы.

Самое опасное – когда звонили или писали возмущенные слушатели. Вот тогда гневался шеф, и следовали оргвыводы: на эти темы говорить нельзя, или этого человека в эфире быть не должно. То есть цензура была исключительно постфактум, а разве это не редкость по нынешним-то временам? Вот и подумай, оглянувшись – оазис, воистину оазис толерантности и либерализма!

19 мая 2013 г.

Люди делятся на тех, кто знает ответы на все вопросы (или знает, где их найти), и тех, для кого вопросы остаются всегда, даже после чтения томов святых отцов и философских трудов. После чтения — вопросов обычно ещё больше. История праведного Иова и его френдов всегда современна — знающие ответы никогда не поймут тех, кто задаёт вопросы...

2 июня 2013 г.

Кто бы со стороны посмотрел, что мы на радио пишем... Вот, например, ролики примерно такого содержания, рекламирующие радио «Воскресение»: «10 лет с любовью несём слово Божие». Выглядит это у нас на экране в сетке вещания так: «промо — давать каждый день, чередуя во все дырки».

3 июня 2013 г.

У прот. Бориса Старка в книге «По страницам синодика», которую я скачала и даю в эфир в «свои» четверги, есть любопытные истории. Как он венчал пару — советского парня, оставшегося во Франции после войны, и девушку — прислугу в богатом доме. А потом он крестил их ребенка, а крестным был — Жерар Филипп! Отцу Борису очень понравился и он, и его жена Анни. Он пишет, что, конечно, Жерар католик, но глубоко верующий христианин. Но не пишет о том, что сомневался, может ли католик быть крестным. А потом еще упоминает о старушке-католичке, которая попросила её отпеть в

православном храме, когда умрет... И он выполнил ее просьбу. Интересно, сейчас возможен такой экуменизм? Или в запрет сразу?

Забавно, что на православных ресурсах эту книгу о. Бориса выкладывают с купюрами, стыдливо вымарывая сомнительные фрагменты, свидетельствующие об экуменических взглядах автора.

20 июня 2013 г.

После записи передачи вместе с о. Z. заходим в церковную лавку, ему надо купить уголь и наклейки с крестами для освящения квартиры, меня уговорил зайти за компанию. Хожу, смотрю книжки. Отец Z. терпеливо ждет, пока освободится продавщица, пожилая дама с лицом измождённой козы. Наконец, дама свободна. Отец Z. говорит, что ему нужно. Дама ищет, попутно спрашивает одетого в цивильное, юного и интересного отца Z.: «Вы священник?» Он подтверждает ее предположение. Но что-то, видимо, в его облике заставляет её сомневаться. Может, смущает моё присутствие — зашли явно вместе, дамочка стриженная, без платка, да еще в брюках. Продавщица интересуется, где служит о. Z. Он подробно объясняет, но она снова испытующе смотрит и опять спрашивает: «Так вы священник?» Лицо отца заметно каменеет, но он, изо всех сил стараясь выглядеть доброжелательным, расстёгивает куртку и достаёт наперсный крест.

«Могу вам рясу показать!» — немного нервничая, говорит он. Тётке, наконец, становится неудобно за свою недоверчивость, она протестует: «Что вы, батюшка, не надо, не надо».

Потом, довольная знакомством, просит его освятить её квартиру — когда она будет полностью укомплектована иконами. Отец Z. даёт телефон, а дама уже обращается к нему на «ты».

— Да, — говорю, — не похож ты на попа, не похож...

— Надо быть пьяным и наглым, тогда будешь похож, — горько замечает о. Z.

24 июня 2013 г.

На работе искала что-то нужное в православном календаре на этот год. Впечатлилась, что у нас допускается к изданию Издатсоветом. Я бы рекомендовала сжечь. Вот пара перлов:

«Когда мать думает, решает вопрос: убить своего ребенка или нет, — младенец как бы догадывается об этом: у него начинает биться сердце,

ибо он предчувствует какую-то опасность. Это уже доказано современной медициной. И если этот несчастный ребенок всё-таки родится, то в его сердце не будет любви к родителям».

Интересно, автор понял, что сказал? То есть если женщина подумала об аборте, лучше уж довести дело до конца — всё равно родится чудовище, не любящее родителей.

Про отношение к животным. Интервью неизвестно кого неизвестно с кем. Этот некто рассказывает случай, как один плохой чувак приказал охраннику застрелить бездомных собак:

«У него была единственная дочь 4 или 5 лет — чудный и необычно красивый ребенок. Вскоре она заболела и стала таять прямо на глазах. Через несколько месяцев после убийства собак из дверей его квартиры вынесли гроб единственного ребенка».

Миссионэры, блиин...

(Погуглила и обнаружила этот душеспасительный рассказ на каком-то непонятном сайте, и там есть еще реплика жены плохого чувака: «Теперь Бог нас накажет». Но забавно, что жена названа мусульманкой.)

12 июля 2013 г.

Фейсбук еще не на слуху. Наш диктор читает новости: «В социальной сети Факебук...» Сразу вспомнила байку, еще советскую, как диктор прочитал: «Раздедук (Pas de deux) из балета «Лебединое озеро»».

16 июля 2013 г.

Вот почему мне кажется, что это чистейшей прелести чистейший образец, когда кто-то рассказывает, как ему Государь явился, один или с семьей. Потому что, как мне думается, люди они всё ж благородного воспитания, и кабы явились кому, так попросили бы не только о них вспоминать, а и не забывать про верных слуг, с ними погибших. И думаю (пусть в меня кидают помидоры), что подвиг слуг был выше — если можно мерить подвиги. Потому как у них-то был выбор, им предлагали уйти, но они остались. Царскую семью убили бы в любом случае, как бы они себя ни вели.

Меня коробит, когда говорят, что царь принес семью в жертву. По-моему, они рады были бы уехать, и в Крым хотели, и в Англию готовы были, да кто ж им дал бы. А наша зацикленность на особах царской крови просто поражает.

Слуги — люди простые, чего их канонизировать, и вообще вспоминать про их существование...

Вместе с князем Сергеем Михайловичем в Алапаевске убили его секретаря Федора Ремеза. Его в наших епархиальных новостях называют упорно: «один верноподданный». Не заслужил человек, чтобы помнили его имя.

16 июля 2013 г.

Монтировала беседу своей коллеги с небезызвестным Юрием Воробьевским, который рассказывал с воодушевлением байки о голых старцах-невидимках, живущих в горах Афона, главная задача которых — отслужить последнюю литургию перед концом света (очевидно, они еще и бессмертные).

Еще был пересказ секретного разговора старца Паисия с его учеником: «Не очень-то интересуйся этими нагими аскетами». — «А почему?» — «Потому что есть на Афоне еще более высокий образ святости. Но если бы я рассказал тебе о нем, ты бы попал в психушку».

В конце — про электронные документы страшилки, про американца, который не мог сойти на берег Афона из-за того, что в него вшит чип. Причем хитрый такой, знает, что есть документ последнего Архиерейского собора, хоть и мутный, и корявый, но ясно говорящий, что отдельные граждане не должны себе присваивать право «выносить определения о совместимости или несовместимости того или иного явления с верой Христовой и христианским образом жизни», — поэтому говорит, что, дескать, не стоит об этом на широкую публику, а вот вы на выставке православной подойдите ко мне, и я вам все-все расскажу.

Где-то в шкафу у нас стоит коньяк, пожалуй, пойду, плесну в чай. Может, проснется чувство юмора...

23 июля 2013 г.

Мне на днях рассказали, что на нашей ярмарке «От покаяния к воскресению России» в секторе, где еда, БАДы и шмотки, сидели китаец и китайка с какой-то своей диагностикой, причем людям нравится, ибо слабые места организма диагностика правильно показывает. Ну и попутно объясняют причины болезни — энергия ци не так циркулирует. Не, я ничего не имею

против китайской медицины, но как энергия ци с православием сочетается, пока не осознала.

26 июля 2013 г.

Еще фраза из передачи о православной выставке-ярмарке: «Это и интересно, и душеполезно, и приобрести что-то можно, и помолиться».

26 июля 2013 г.

Услышанное на работе: «Надо молебен благодарственный заказать... А то будешь жаловаться — всё ещё хуже станет!»

6 августа 2013 г.

В тягостных раздумьях. У меня есть рубрика на радио: «неделя в истории». Хочу рассказать об отце Павле Адельгейме. Но как говорить об его биографии после 1995 года, когда исповедника веры стал травить епископ Евсеий?.. О времена, о нравы! Надо учиться эзопову языку...

(В итоге сформулировала обтекаемо: «сложные отношения с епархиальным начальством». Может, кто-то заинтересуется, а в интернете все есть. А вот в 2015 году, когда делала «Неделю в истории» про покойного отца Михаила Шполянского, решила рискнуть и сказала, что, как и многие праведники, о. Михаил был гоним, упомянула, что его запретили ни за что ни про что, а потом выкинули за штат, и его статью «Церковь земная: разрывы и обрывы» назвала. Так что те, кому понравился «Мой Анабасис», звучавший у нас на радио, могли найти и просветиться.

Пронесло, никто не жаловался.)

8 августа 2013 г.

Зацените заголовок: «Централизованное ликование». Это должно войти в анналы! Новость с нашего сайта от 7 августа: «Екатеринбург вспомнит царевича Алексея в день его рождения централизованным ликованием».

18 августа 2013 г.

Прекрасное из «Путешествия антиохийского патриарха» — о патриаршей милости и доброте. Сторонникам канонизации одного святителя на заметку.

На обеде у Алексея Михайловича — людоеды (лопари): *«Патриарх (Никон) стал расспрашивать их об их образе жизни, о том, как они теперь приехали, и об их богопочитании. Они рассказали ему все, о чем мы сообщили, (прибавив), что прибыли из своей страны пешком, а олени везли их арбы. Он спросил их: «Чем вы воюете?» — «Луком и стрелами», — отвечали они. «Правда ли, — спросил он, — что вы едите человеческое мясо?» Они засмеялись и сказали: «Мы едим своих покойников и собак, так почему же нам не есть людей?» «Как вы едите человека?» — спросил он. Они отвечали: «Захватив человека, мы отрезаем ему только нос, затем режем его на куски и съедаем». Он сказал им: «У меня здесь есть человек, достойный смерти; я пошлю привести его к вам, чтобы вы его съели». Они начали усиленно просить его, говоря: «Владыка наш! сколько ни есть у тебя людей, достойных смерти, не беспокойся наказывать их сам за преступление и убивать, но отдай нам их съесть; этим ты окажешь нам большое благодеяние»».*

30 августа 2013 г.

Может ли «Доктор Живаго» звучать на православном радио? Озаботились давеча на работе. Вопрос на засыпку. Буду перечитывать, надев ортодоксикозные очки.

19 сентября 2013 г.

Часто слышу на работе: «как можно такое говорить о нем, ведь он БАТЮШКА!» А у меня есть дурная привычка: если я слышу чушь, и мне говорят: «а так сказал отец N», я говорю: значит, отец N. сказал чушь. Чем несказанно шокирую коллег.

29 сентября 2013 г.

Мама разбирала архив и нашла ксерокс моего письма, опубликованного в Известиях в марте 2003 года. Я напрочь забыла, что кипела праведным гневом по поводу пресловутой выставки в Сахаровском центре. Могла ли я себе представить, что через десять лет буду против закона о защите оскорбленных чувств...

3 октября 2013 г.

Фразы, без которых не состоится правильная православная беседа на православном радио:

- «Духовно-нравственные ценности»,
- «западные люди живут ради потребления»,
- «со всех сторон на нас»,
- «информационная война»,
- «растлевают нашу молодежь»,
- «без крепкой семьи нет сильного государства»,
- «наш президент Владимир Владимирович Путин»,
- «в советское время у людей еще оставались моральные ценности»,
- «что нам делать, батюшка с...» (атеистами, неверующими, либералами, молодежью, меньшинствами и т.п.),
- «почему нам врут про нашу героическую историю?!»,
- «очерняют, нападают на нашу Церковь, нашего патриарха, пишут неизвестно что, поливают грязью»,
- «ничего не знают, даже как в храм ходить»,
- «Россия вымирает, нам надо вспомнить о традициях», etc...

Наверно, многое забыла.

ГЛАВА 6. «ВО ВРЕМЯ МОЛИТВЫ В ОРГАНИЗМЕ ЧЕЛОВЕКА РАССЛАБЛЯЮТСЯ ВСЕ СФИНКТЕРЫ»

24 декабря 2013 г.

Читаю ЖЖ Кураева, просматриваю гневные – зачастую – комментарии, и думаю, что сейчас все это очень мало меня трогает, во всяком случае, не ранит. К мысли о том, что «и в Церкви все не так, все не так, как надо», я уже привыкла, меня не раздражают люди, выносящие сор из избы, – не вижу ничего хорошего в том, чтобы копить его по углам. Но людей, пишущих гневные комменты в адрес Кураева, понять могу. Знаю, что могла писать такие же «много лет тому назад».

Помню 1998 год, скандал с епископом Никоном. Это был первый удар по моей инфантильной церковности. Помню, как я не могла заснуть после того, как почитала разворот не то газеты «Подробности», не то «Совершенно секретно» с признаниями семинаристов про епископские домогательства. Мне было очень плохо. Мой мир рушился, он разделился сам в себе и его части воевали друг с другом. А я не знала, что с этим делать. Мне хотелось не верить. Встретила одного священника нашего монастыря, которому я

доверяла, мы присели где-то у дома на скамейке, и я спросила, как относиться к этому всему. Из того, что он говорил, помню только его убежденность в правоте обвинителей. При этом наш настоятель выражал полную уверенность в никоновской невинности и рьяно его защищал. Когда скандал был позади, каких только версий происшедшего я не слышала — от недовольства клириков запретом принимать участие в предвыборной агитации до дележа рынка ювелирных изделий. Спустя лет десять заслуживающий доверия источник, наблюдавший все это изнутри, подтвердил, что слухи о епископе были, увы, правдой. Но что при всем том в Никоне были и некоторые положительные качества — он, в отличие от Викентия, пришедшего ему на смену, не презирал белое духовенство.

У меня, кстати, до сих пор хранится листочек, который раздавали в храмах: прощальное слово к возлюбленной пастве «смиренного епископа Никона». Речь была построена очень грамотно с точки зрения психологии: сетование на доверчивых и падких на гадкие слухи людей и призыв к прихожанам беречь нового владыку — епископа Викентия:

«Но не дайте Высокопреосвященнейшего Владыку Викентия на растерзание нападающим на Церковь Христову волкам в овечьих шкурах! Если Вы отдадите Владыку Викентия на поругание им, то я не держу даже с содроганием помыслить, что ожидает Вас по Страшном Суде Божиим, который грядет неумолимо».

Именно в связи с этой историей впервые, как мне кажется, прозвучала так любимая в последние годы нашим иерархам жалобная песня об информационной войне против Церкви:

«Я грешен во всех грехах и могу, и должен, и восклицаю со святыми отцами: «Я грешен во всем!» Но я не еретик и не богоотступник! Я думаю, что когда средства массовой информации со слов игумена Авраама заявляют, что я являюсь Антихристом, то им не удастся обмануть народ православный этими словесами и ярлыками безответственными. И да не удастся — я верю в это твердо! — обмануть Вас средствами массовой информации, льющим по заказу грязь на Церковь Православную!»

Будь у меня время и ресурсы, я бы хотела покопаться в этой давней истории, чтобы понять, наконец, что же это такое было...

А через два года случился еще один эпизод, скорее уже комичный, но тоже подточивший мою наивную веру в непогрешимость лиц духовного звания. Появился в монастыре, прихожанкой которого я была, новый молодой иеромонах с пламенным именем Серафим. Сообразно своему пламенному имени, он произносил чрезвычайно пафосные обличительные проповеди в стиле: «покайтесь, жалкие грешники, близко Страшный суд!» Несмотря на то, что я в то время всерьез лелеяла мечту, что мои сыновья вырастут и станут монахами, этот иеромонах симпатии во мне не вызвал, видимо, градус ортодоксикоза к тому времени стал снижаться. Помню, что на исповедь я к нему ни разу не ходила. А потом этот самый Серафим с другим иеромонахом этого монастыря отправились в Чечню – окормлять наше доблестное воинство, и я брала у них интервью для журнала «Власть», ибо тогда подобные вояжи еще были в диковинку.

Надо сказать, что первое время, когда монастырь вернули РПЦ, возле церкви стоял двухэтажный деревянный барак, в котором и обитали немногочисленные иноки. А к тому времени они жили уже в здании храма, на втором, кажется, этаже, в так называемых кельях. В то веселое время подняться туда могли – по делу, конечно – прихожане и прихожанки, без всяких гендерных барьеров. И вот я пошла передать иеромонахам журнал с нашим интервью.

В келье о. Серафим был один, на нем были брюки и рубашка вместо подрясника, он что-то уронил на пол и полез поднимать, при этом как-то по-мальчишески посмеиваясь в густую бороду. Борода отчаянно диссонировала с этим лукавым веселым взглядом, в котором (тут мне стоило мысленно перекреститься) мне ясно увиделся совершенно немонашеский интерес к моей скромной персоне. Нет, ничего захватывающего и щекочущего нервы дальше не было, кроме того, что я уже не могла с тех пор смотреть на о. Серафима как на батюшку. Особенно забавно было вспоминать его грозные обличительные проповеди. Помню, я тогда подумала, что такое яркое несоответствие между образом человека в рясе и человека без оной – не к добру. И оказалась права. Хотя, к добру или нет – вопрос, конечно, спорный. Довольно скоро иеромонах пропал из виду, а потом мне кто-то сказал, что он ушел из монастыря и женился на певчей.

С тех пор свободный проход к монашеским помещениям был перекрыт железной дверью с кодовым замком. Хотя, хоть убейте меня, не понимаю,

каким образом это может предохранить иноков от мирских соблазнов – там же наверху кухня, где работают женщины, а сами монахи могут свободно ходить, куда хочется.

25 января 2014 г.

Ну почему так часто сугубоправославные производят впечатление людей малоадекватных? Православная певица восторженно рассказывает о собственных песнях: «Тогда моя душа так близко к Богу подходила, что родилась песня «Благодать небесная». Когда я запела своему батюшке — он всегда с закрытыми глазками слушает, — и он вдруг как закричит: «Ой, это благодать, это она, она просто опустилась с неба!!!»

Ужасно неприятны эти сладенько-восторженные интонации, «мой батюшка» с «глазками», что-то в этом нездоровое, словно пьешь глицерин, такой сладкий, склизко-приторный...

30 января 2014 г.

(По российским городам возят Дары волхвов)

«Нет, нет и еще раз нет! — отрезала Мария, сурово глядя на плачущую вдовицу с больным ребенком на руках. И любовно погладив шкатулку с дарами волхвов, добавила: — Вы еще меня потом поблагодарите!»

Мысли на морозе о том, как сохранилась предивная святыня.

5 февраля 2014 г.

Записала беседу с ректором Миссионерского института проф. Натальей Александровной Дьячковой: «Псевдоапологетика в выступлениях Василия (Фазиля) Ирзабекова». Безумству храбрых поём мы песню, как грится...

Ирзабеков — тот самый дяденька, который учит, что русский язык — это пятое Евангелие. Господина Ирзабекова с его полубезумными идеями очень привечал ТК Союз, поэтому я и боялась пускать в эфир эту передачу. Но видимо авторитет ректора все-таки уберег меня.

15 февраля 2014 г.

Наброски нового символа веры:

«Верую в Русскую Православную Церковь, ее Патриарха и иерархов, а также официальных спикеров, ибо слово их всегда истинно.

Верую в то, что Россия — богоизбранная страна, народ ее тоже богоизбран, но креативный класс, либералы, модернисты, атеисты — не народ, а уродливые паразиты на державном теле государства.

Верую, что за пределами России — содом и гоморра, что издревле коварные враги воюют против неё, желая стереть её с лица земли, как единственную носительницу истинной веры, а русских детей отдать геям и лесбиянкам.

Верую, что всё добро, которое делают неправославные — на самом деле плод сатанинской гордыни или коварства.

Верую, что всех, кроме нас (имена), ждет ад.

Верую, что адские мучения вечны — ибо что это за рай, где праведник не может насладиться зрелищем мучений грешника.

Верую, что всё, что делается для блага государства — есть добро, что родина — это государство, а государство — это Путин, что осуждать его — смертный грех, а осуждать Патриарха и духовенство (исключая либералов и модернистов) — сугубо смертный грех.

Верую в то, что грехи блудные — страшнее всех других, и грешников следует побивать камнями или казнить. Казнить — лучше.

Верую, что выносить сор из избы — восьмой смертный грех.

Верую, что брюки на женщине — мерзость перед Богом, и мужчина без бороды теряет духовность».

20 февраля 2014 г.

Сегодня досталось мне монтировать беседу с о. Дмитрием Смирновым. Навпечатлялась. На кого рассчитана его риторика? По-моему, на людей, полностью отключивших мозг.

Его спрашивают: «Вот вы против детсадов, за то, чтобы женщина дома сидела, а как же прожить?» — «А дом построить, — отвечает, ничтоже сумняшеся, — жить на земле, тогда можно много детей содержать, у нас плодородной земли много».

Я фигею, дорогие товарищи. Это ж насколько далеки эти московские попы-чиновники от народа, чтоб такое всерьез вещать. На вопрос, как быть матери-одиночке, ответа не было. А потом было порекомендовано молодым мужчинам работать на трех работах, чтоб жена сидела дома с детьми. То

есть и дом строить, значит, и на трех работах. И, видимо, чтоб на стройку дома ездить — машина нужна. И это всё должно быть у молодой семьи — деньги на участок, на машину, и здоровье у мужика, чтоб на трех работах и дом строить. А сколько участок земли стоит, этот господин вообще в курсе, а стройматериалы? А если все его послушают и уедут жить натуральным хозяйством, кто ж будет детей учить, кормить, кто будет стоять у станков, работать в торговле и на оборонную нашу промышленность — кругом же враги!

Уж на что мои коллеги лояльны к духовенству, но тут и они в легком недоумении эти перлы обсуждали.

1 марта 2014 г.

Сто лет прошло, и ничего не изменилось, наша власть с воодушевлением даже не наступает, а прыгает на те же грабли. И опять под лозунгом «защитим братьев-славян». А какой был патриотический подъем, прям как сейчас у некоторых: у Зимнего дворца – стотысячная масса на коленях со склонёнными национальными флагами... И чем кончилось?

7 марта 2014 г.

Нам говорят: вы не любите Россию, если вы против военного вмешательства в дела другой страны. Если вы видите в оппонентах людей, а не бешеных псов, которых надо давить. Если вы не тоскуете по сильной руке и холодной войне. Если вы хотите знать настоящую историю своей родины, а не красивую сказку.

15 марта 2014 г.

Была на антивоенном митинге. На работе, конечно, не афишировала, а интересно – уволили бы? Нас было мало — в масштабах города. Но утешительно сознавать, что ты не псих-одиночка.

16 марта 2014 г.

Россияне опасаются потерять свои накопления. Ну хоть в чем-то мне легче — накоплений ноль. Все госдеповские печенки немедленно проедаю.

13 марта 2014 г.

Сегодня опять пыталась не допустить ошибок в эфире, с половинным успехом. Экскурсовод епархиального паломнического центра рассказывает

про Валаам, раз пять повторяет: «Иоанн Дамаскин». Подхожу к коллеге, которая беседовала с тетей. Говорю: а может, тетя ошиблась, оговорилась, ведь на Валааме вроде был игумен Дамаскин, а Иоанн Дамаскин — это знаменитый преподобный восьмого века? «Ну, не знаю», — отвечает коллега. Я говорю: «Может, ты ей позвонишь?» Звонит, та спохватывается: да, сморозила не то, убираем «Иоанна». Убираю.

Дальше слышу про Владимирскую икону, которая находится в храме «Никона на Столпе при Третьяковской галерее». Не, может, я чего-то не знаю, но храм вроде Николы в Толмачах. Иду к коллеге. Такое ощущение, что она не рада меня видеть. Да пусть, говорит, остается, она же экскурсовод, ей виднее. Ну и оставили.

Вообще, сколько раз зарекалась — не встречать, пусть идет в эфир, не моя же передача, это я, как звукарь, подрабатываю, мое дело убрать эки-бэки и прочий мусор, а не редактировать. Ощущение ответственности за то, что идет в эфир на родном радио, а может, тщеславие? Но какое тщеславие — на меня смотрят как на выскочку, а мои замечания воспринимают с обидой. С другой стороны — основной контингент наших слушателей никаких ошибок, даже грубейших, чаще всего не замечает. В конце концов начинаешь думать: гори оно все синим огнем, буду отвечать только за свои передачи.

16 марта 2014 г.

Я вот думаю о легитимности власти с точки зрения православия. Вот Царь-страстотерпец (если, конечно, православные его еще таковым признают после того, как Вождь его кровавым обозвал) — он, небось, что-то понимал в легитимности власти. Читаю я в эфире мемуары баронессы Софьи Буксгевден, фрейлины императрицы, и попался мне сегодня отрывок, что Николай II молился в церкви, когда на ектениях стали провозглашать вместо него самого Временное правительство. Я уж не говорю, какой пример для владык земных: сказали человеку, что будет гражданская война, кровь, если не отречется — и он отрекся. Можно, конечно, задним числом упрекать: а вот не отречся бы, потопил в крови волнения, пересажал и перестрелял оппозицию, и было бы хорошо. Ну, может, и было бы, мы этого не знаем. Мы лишь можем смотреть: а как святой поступил в ситуации, когда, как ему сказали, народ не хочет видеть его царем?

17 марта 2014 г.

Какие современные слова. Виктор Астафьев, открытое письмо землякам, май 2000 г.:

«Горькое чувство стыда, неловкости и беспокойства заставило меня взяться за перо в связи с поднявшейся в последнее время волной злобы, захлестнувшей наш город и земляков моих. Как будто люди совсем забыли заповеди Христовы и из них главную из главнейших: «Не судите, да не судимы будете»... Не поддавайтесь темным сатанинским силам, русские люди! Постарайтесь жить по справедливости, быть милосердными... друг к другу и нетерпимыми ко злу, разрушающими души. Не гневите Господа!»

Если поменять «город» на «страну» — будет читаться как написанное сегодня. Гражданская война уже в умах и сердцах. С обеих сторон люди «выходят из берегов», легко переходят на оскорбления, грубую площадную брань, обещают запомнить поимённо «всех, кто поднял руку» или «вышел на марш».

20 марта 2014 г.

Телеканал «Дождь» провел опрос «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней» — разразился скандал, депутаты Петербурга предложили прокуратуре закрыть канал. Записала беседу «Могут ли быть запретные для обсуждения исторические темы». Поводом, конечно, была ситуация с «Дождем». Позвала в эфир доктора исторических наук Алексея Геннадьевича Мосина.

13 апреля 2014 г.

Страстная. У нас на радио упорно говорят, что вот, мол, последняя неделя Великого поста пошла. Я даже не знаю, стоит ли говорить, что это не так. Раньше, что-то такое услышав, ходила, объясняла. Но уже устала от роли «самой умной», я в конце концов не директор. И не редактор я брату моему. Промолчу...

21 апреля 2014 г.

Эх, госдеп ты мой, госдеп,

Где моя зарплата?!

Мне хватает лишь на хлеб

И платить за хату!

8 мая 2014 г.

Бессонница. Фейсбук. Чужие голоса. Френд-ленту я прочел до середины. Второй подряд — и тоже волкодав, и также беззащитны наши спины. Куда как страшно нам с тобой, и воют волки за стеной, и размножаются трихины.

10 мая 2014 г.

Стиль фэбэшных бесед: «ты сволочь, мразь, жалкий путиноид» — «на себя посмотри, нацист, тварь, майдаун убогий». Третий: «ребят, ну так нельзя, ну надо же как-то по-человечески...» Первый, сокрушенно: «Ну как с таким по-человечески? Он меня не слышит». Второй, обиженно: «Пойми, он не слышит меня, с ним иначе не получится...»

28 июля 2014 г.

Сижу сегодня за пультом. Прекрасное из новостей: про какой-то детский правлагерь, и там что-то патриотически-историческое, про времена преп. Сергия: «В каждом звене были князья, воеводы и десантники».

12 октября 2014 г.

Забавная повседневность. Из вырезанного мною при монтаже — православный фитотерапевт-гомеопат:

«Копорский чай — это наследие нашего Александра Невского. Иван-чай этот ферментировала для Александра Невского его мать и вскаривала его все детство, и потом, когда он вырос, он его готовил для всей своей дружины. Александр Невский, отходя ко Господу, в городе Городец, в середине тринадцатого века, призвал своего келейника Ивана и благословил его готовить на всю монашескую братию вот этот чудный напиток. И передал мешочки с чаем. Нам всем завещал пить копорский чай. Всю православную Русь он благословил. Слава Богу, что мы не утратили этот рецепт. Он из веков до нас дошел! Сохранился! Величайшее чудо, я считаю!»

Вспоминаю, как первый раз встретилась с этой тетей: монтировала ее вещания про благотворность молитвы для физического оздоровления: «Во время молитвы в организме человека расслабляются все сфинктеры».

Со временем расшифровки передач с этой лекаркой стали регулярно появляться в правгазете. Оно и понятно: народ такое любит, основная масса звонков на радио была — вопросы замечательному врачу Игорю Борисовичу,

который совершенно бесплатно приходил в эфир и популярно рассказывал о болезнях и их лечении, и этой вот фитотерапевтке-гомеопатке. Я мечтала, что какой-нибудь медик возьмет на себя труд прослушать десяток ее передач и написать анализ всего этого, на мой взгляд, в лучшем случае малопрофессиональных, а может быть, и опасных рекомендаций. Например, советы лечить рак шарлатанским «сбором отца Георгия из 16 трав», безмолочной диетой, капать в глаза морковный сок и отвар, лечить серьезные болезни восковой молью, принимать преднизолон без всяких назначений, запугивание мифическими «каловыми камнями» и «гноеподобной материей», отравляющей кровь, и, само собой, дрожжами, куда же без них. Но дама процветает, продолжает рекламировать себя на нашем радио и в правгазете (не знаю, платит ли она за рекламу, но скорее всего, что да). Наверняка неплохо зарабатывает на пузырьках с настойкой осинового коры и тополиным маслом, которые впаривает доверчивым православным в своей «Монастырской аптеке».

ГЛАВА 7. «КУДА МЫ ИДЕМ, ЖАН? ГДЕ ЦЕРКОВЬ?» — «КАК ОБЫЧНО, НА СТОРОНЕ ПОБЕДИТЕЛЯ»

Самая важная передача на любом православном радио – это, конечно, беседы с Батюшками. Я нарочно пишу это уютное слово с большой буквы. По определению, Батюшка, приходящий в эфир, должен вещать на любые темы, от богословских до политико-экономических. Редкий батюшка говорит: «Нет, вы знаете, я в этом ориентируюсь плохо, ничего сказать не могу». Обычно на радио приходят попы, которые думают, что могут судить обо всем «очаи веры» и ничтоже сумняшеся дают рекомендации, как воспитывать детей и мужа, молиться, поститься, что читать, смотреть, а что ни в коем случае, разъясняют политику партии и правительства, осуждают бездуховный Запад и учат, как правильно любить Родину.

Десятки батюшек побывали у меня в эфире – прямом или в записи, некоторые из них становились частыми гостями, с некоторыми встречаться повторно не возникало желания. Труднее всего с выпускниками семинарии, они в большинстве своем не умеют «переключать регистры» и говорят в микрофон, будто стоят на амвоне, пересыпая тяжеловесную корявую речь церковнославянизмами. Приятнее всего было иметь дело с батюшками, говорящими «человеческим» языком. Чаще всего это те, кто до

рукоположения окончили светские вузы и успели поработать и пожить обычной, не поповской жизнью. Со некоторыми сами собой устанавливались неформальные приятельские, иногда дружеские отношения по «розановскому» принципу: «Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком... И всё понятно».

Со временем замечаешь, как многие попы привыкают носить благочестивую маску: с правильными православными они ведут себя соответствующим образом, идя навстречу их ожиданиям, а в приятельском или дружеском кругу расслабляются и позволяют себе дышать и говорить без маски то, что думают. Порой эти два образа так разительно отличаются, что диву даешься. Ну и жалко их становится, конечно...

А для себя я делила батюшек на две основные категории: тех, кто знают ответы на все вопросы, и тех, кто позволяют себе сомневаться и признавать, что вера не дает готовых ответов. Даже интонации у этих двух типов разные: победительно-уверенные у одних и раздумчиво-мягкие у других. Вторые, конечно, встречались редко.

26 июня 2014 г.

Паки о либерализме. Из книги П. Басинского «Святой против Льва»:
«Образованная часть русского общества... воспринимала приходских священников как своего рода низшую касту и относилась к ним в лучшем случае пренебрежительно, а порой и с явным презрением. Скажем, приглашенного в барский дом батюшку после исполнения им службы, как правило, не сажали за общий стол, высылая ему деньги и закуску. Любопытно, что на это постыдное обстоятельство — не сажать батюшек за общий стол — обратил внимание не кто-нибудь, а Толстой в разговоре с военным прокурором А. Жиркевичем. «Но лично я делал иначе и всегда приглашал священника за общий стол, думая, что поступаю ЛИБЕРАЛЬНО», — вспоминал Толстой». Да фу на него, на этот либерализм. Может, пора вернуться к традициям?

27 июня 2014 г.

Смотрю французский фильм «Запрещенные священники» 1973 года, с Робером Оссейном. Война, режим Виши. Диалог друзей, двух священников в запрете. «Куда мы идем, Жан? Где Церковь?» — «Как обычно, на стороне победителя».

28 июня 2014 г.

Забывая расписание на завтра, имела неосторожность включить на минуту передачу детской редакции «Познайка». Детишки общаются с дядей, который был в разведроту. Православный такой дядечка. Мальчик его спросил: что делать, если видишь раненого врага, он просит пощады, и что? Дядечка просвещает, что разведчики раненых не оставляют, а используют. Например, минируют. Мальчик-ведущий интересуется, а как же совесть, нормально живого человека минировать, оставлять умирать? Дядечка говорит, что раненых не минировал, только мертвых, но то, как он это говорит, не оставляет ни малейших сомнений, что в минировании раненых врагов он не видит ничего особенного. Это такое типа духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения.

29 июня 2014 г.

Я уже рассказывала, что подрабатываю звукооператором на трансляциях, поэтому вечером в субботу и утром в воскресенье сижу на радио. Вчера на службе в Ново-Тихвинском женском монастыре Екатеринбург присутствовал какой-то московский чиновник, поскольку привезли частицу мощей св. Евфросинии Московской. Выразался забавно: «Я тут как представитель г. Беглова, который помогает Патриарху укреплять Церковь», «святой Сергий Радонежский», «почитание этих святых мужчин», «остовы духовности нашего государства».

15 июля 2014 г.

А мне как-то раз написали «пирожок» по мотивам моего страшного сна про шефа.

иду подставив щеки ветру

весна помада декольте

завивка блин отец игумен

простите батюшка грешна

А сон был такой. Сажу я вроде как в кабинете чьем-то, на работе. И вдруг слышу за дверью голос шефа-игумена... И страх хватает меня ледяной дланью. Ибо осознаю, что в джинсах, нечестивой одежде... Ну не успела переодеться. А шеф говорит: «Женщина в брюках — мерзость перед Богом...» И лицо у него при этом делается брезгливое и злое. А уж про

джинсы что говорить. Горе мне, окаянной! Смотрю — кладовочка... бегу, закрываюсь в ней и дрожмя дрожу, слыша шуршание за стеной и понимая, что ОН вот-вот может меня обнаружить... держу со своей стороны ручку... И просыпаюсь!!!

20 июля 2014 г.

Я сейчас один страшный вещь скажу. Вот если мне скажут — Россия перестанет называться Россией, будет какой-нибудь там провинцией, придатком, фиг знает чем, но не будет никогда Великой, Духоносной империей... и никто не будет её бояться, трепетать и благоговеть. Но при этом будет мир, и не будет людоедских законов, и не будут гибнуть люди на войне, и не будет железного занавеса, и у власти будут неамбициозные люди, просто хорошо выполняющие работу, которую им поручило общество... То и ну его, патриотизм этот, куда подальше.

28 июля 2014 г.

А мы сегодня с одним батюшкой записали передачу про «еретика» Г.К. Честертон. За Гааза на меня уже донос писали в патриархию, теперь вот я пала еще ниже. Одно утешение — может, авторитет протоиерейский меня прикроет.

1 августа 2014 г.

Очень симптоматично, что в правновостях сплошь и рядом: «в этом году мы ОТМЕЧАЕМ столетие Первой мировой войны». Чем отмечаем? Конечно, всякими военно-патриотическими лагерями для православного юношества, чем же ещё, не проповедью же пацифизма. А кстати, есть православный милитаризм, а православного пацифизма нет?

19 августа 2014 г.

Начальник-архимандрит держит кота на работе. Нет, вроде мило, и кот славный, рыжий, хвост пушистый. Но вот вчера пришла я пораньше на работу. После того, как кот провел выходные в одиночестве. И амбре настигло меня уже при входе, и всё усиливалось по мере подъема. Ну мне-то ладно, мне выше, на третий, а тем, кому на второй, к коту и продуктам его жизнедеятельности, работать и дышать этим? И все покорно терпят. Так что нравы начальников и покорность подчиненных — это две неразрывно связанные вещи, увы.

25 августа 2014 г.

Какая всё же странная формулировка — молиться, чтобы Господь остановил кровопролитие. Как будто Господь всё это устроил.

26 августа 2014 г.

Я иногда в недоумении — как общаться с людьми, которые в розово-неофитской стадии, на каком языке? То есть как общаться с собой минус двадцать лет? Трудно. Такое ощущение, что в головах этих людей, очень славных и милых, — органчик, воспроизводящий «Радио Радонеж» и Закон Божий, а своих мыслей нет совсем.

28 августа 2014 г.

Переслушала тут хит «Надо слушать радио Радонеж» и осознала потерю. Господа, а куда делись масоны, которые «ведут ужасную подрывную работу»? Ведь еще лет 5-10 назад они лидировали в списке врагов православия? А теперь американцы вырвались на первое место. Что бы это значило? У меня есть версия — масоны заняли все ключевые посты во всех ветвях власти. И строго следят, чтобы ни одно упоминание о них не просочилось в печать. Шифруются.

Спустя несколько лет можно сказать, что я ошибалась. Конспирология — очень даже живучая штука. Недавно мне рассказали, что один господин из церковной структуры отозвался об «Ахилле» так: «Все думают, что это гиперпроект, что за ним стоит мощное масонское лобби и финансируют их из-за рубежа».

29 августа 2014 г.

Перефразируя Розанова: «Нужно разрушить геополитику. Бог больше не хочет геополитики, залившей землю кровью, обманом, жестокостью».

16 сентября 2014 г.

Сегодня о. Н., который вот уже несколько лет приходит ко мне на радио на «Беседы о вечном», переслал письмо, полученное им от редактора городской газеты из Кемеровской области. Редактор слушала наш с о. Н. цикл по первохристианским текстам, и ей так понравилось, что она хочет — в светской газете! — давать пересказ этих наших бесед.

Я поражена, конечно, потому что всё это чистая импровизация, и, как мне кажется, уровень этих бесед не такой, чтобы пересказывать их для далеких от Церкви людей. Вот несколько абзацев из ее письма:

«Нужно сказать, что были в моей газете и очень умные, нужные и полезные православные беседы и публикации. Но ваш цикл бесед решает, на мой взгляд, ряд принципиально важных задач и имеет ряд преимуществ.

Сегодня подавляющее большинство из нас – неатеисты. Я буду говорить за сограждан, коих 130 тысяч человек + 25 000 жителей района, но думаю, и по всей России так. Город небольшой, и к тому центральная его часть по-деревенски мала, но окружена шахтерскими поселками, до которых от 20 до 35 км. И в каждом есть православная церковь или часовня. А вот прихожан немного. Даже в центральной части города в большом храме в часы службы – пустота. Скажем прямо, большинство сознательно не желают воцерковления...

Это реалья дня сегодняшнего — не все любят, понимают и стремятся слиться с РПЦ в том виде, в котором она существует сейчас.

В этом смысле Ваш цикл бесед замечателен тем, что обращает к истории христианства, к тому времени, которое для большинства из нас светло, если не свято. Первые христианские общины... Апостолы, святые, пророки... Чем жили эти люди, о чем думали... Я не знаю, мне кажется, одно лишь живое представление об этом сегодня имеет очищающее душу воздействие...

Просветительское воздействие. Проще говоря, ну где, когда и кто рассказывал рядовому обывателю, откуда что взялось, так подробно и главное простым языком... Кто и как вообще с нами говорит в церкви?»

Конечно, приятно, что кому-то интересно, а то порой ощущение полной бессмысленности нашей работы...

17 сентября 2014 г.

День памяти епископа Василия Родзянко. Он приезжал к нам в Екатеринбург в 1993 году. Встреча с ним была в ДК автомобилистов, бывшем Свято-Троицком единоверческом храме (сейчас восстановлен). Я тогда была на пике своего неофитства, мало в чем разбиралась, но страшно интересовалась

всем, что связано не только с христианством, но и вообще всем тем, что принято называть «духовностью». Например, незадолго до этого была счастлива, купив «Розу мира» на встрече в том же ДК с вдовой Даниила Андреева.

На вечер я пришла с большущим «репортером» — это тогда были такие профессиональные кассетные магнитофоны для записи, весила эта штука килограмма два, кажется. Выступление владыки я записывала, наверно, собиралась дать кусочек на каком-то местном радио, но теперь не помню, получилось или нет, а кассета у меня долго хранилась. Ничего особенного, запоминающегося владыка не сказал, по крайней мере, в памяти ничего не отложилось. Но весь его чудный облик оставил неизгладимое впечатление на всю жизнь. Я надеялась записать с ним хотя бы небольшое интервью, и когда после выступления на сцену стали подниматься люди, я тоже подошла со своей просьбой. Владыка с кем-то говорил, а когда повернулся ко мне и спросил, чем может помочь, меня совершенно потряс его взгляд: он смотрел на незнакомую ему девушку так, как смотрит дедушка на любимую внучку, с такой, знаете, стариковской терпеливой нежностью. Интервью мне взять не удалось, кто-то из сопровождающих сказал, что владыка устал, и его увезли.

На следующий день тоже была встреча с ним, и я привела к концу своего трехлетнего сына – мне хотелось, чтобы его благословил святой. Я была совершенно уверена в святости вл. Василия, еще более укрепились в этом, когда посмотрела фильм «Моя судьба», и продолжаю быть уверенной в этом и сегодня.

Недавно мне случайно попала в ЖЖ интересная публикация: кто-то выложил еще несколько лет назад сканы записок с вопросами владыке Василию с этого вечера. Нашла и несколько своих. Жаль, не помню, ответил ли мне владыка Василий.

ГЛАВА 8. «ОПУСТИЛАСЬ ЛЮБОВЬ ДО НУЛЯ, В МИР ГРЯДЕТ БОГОХУЛЬНИК И СПОНСОР»

16 октября 2014 г.

Забавная повседневность. Один из спикеров нашего радио, батюшка: «Блудить нельзя никогда, пока не выйдешь замуж или не женишься». Дядя Фрейд нашел бы, что об этом сказать.

12 ноября 2014 г.

Люди добрые, а это нормально такое читать в «Азбуке веры»? Может, я придираюсь? (Это я малую копейку зарабатываю, читая для ТК Союз.)

«ВАСИЛИСК – ядовитый змей, обитавший в пустынях верхнего Египта и Палестины. Своим свистом василиск устрасал и прогонял других животных, а дыханием опалял всех. По учению святых отцов, он причинял вред и своим взором, т.к. имел огненные глаза, в которых содержался яд».

Помню слышала по Союзу батю, который про кентавров вещал на полном серьезе, что типа они в четвертом измерении. Мне даже понравилось.

(Нашла этот кусочек у себя в архиве. О. Владимир Соколов рече: «С помощью специальной техники, при специальном освещении фотографируют вокруг человека окружающий мир, а там есть и кентавры, и грифоны, и тролли, и все прочее».)

13 ноября 2014 г.

В православной гимназии, где учится дочка коллеги, завтра праздник, сказали — день народного единства. Девочкам велено прийти с красными бантами. Че-то я задумалась...

19 ноября 2014 г.

Из разговоров православных тетенок.

— А у нас дом старый, так в подвале живут американские тараканы, к нам заползают.

— Ужас какой! Говорят, американские летают?

— Нет, милостью Божьей — не летают...

20 ноября 2014 г.

Звонил сейчас на радио молодой человек из Верхней Пышмы. Рассказывал, что на предприятиях г-на Козицына (гендиректор УГМК — Уральской горно-металлургической компании), самого крутого у нас благотворителя, строителя и восстановителя, давно и тесно дружащего с епархией, а теперь митрополией — массовые увольнения. Причем увольняют людей, придравшись на медосмотре к чему-нибудь. «Вы представляете, больных увольняют! И как же, — говорит, — заводчан воцерковлять, они же видят,

что происходит, видят, как священники дружат с этими мафиози. Как же так, святые-то люди обличали...»

Кого, говорю, обличали, со времен Иоанна Златоуста? Разве что Арсений Мациевич, закончивший жизнь в одиночке, да и то не за сирых и убогих вступался, а за отбираемые церковные земли в первую очередь... А парень все сокрушался растерянно: а если будут гонения, кому все эти роскошные храмы будут нужны, зачем это все и куда мы катимся?

Наивный... Наверно, думал, что я ему сейчас что-то отвечу.

30 ноября 2014 г.

Идет трансляция литургии из Болгарии. После службы долгое и нудное награждение орденами. И полная апостасия — речь только что с амвона толкала болгарская тетенька без платка! Вот, даже братья-славяне заразились тлетворным западным бесплаточковым духом.

1 декабря 2014 г.

Нет, это ужас, когда детский хор поет «Мне не справиться с этой тоской»...

6 декабря 2014 г.

Что это такое — «честь и достоинство нашей православной веры»? Я совсем перестала понимать, что говорят в проповедях...

10 декабря 2014 г.

Второй день работаю за ушедшую в отпуск коллегу-звукорежиссера. Ну и подготовку собственных дней, когда я ведущая, тоже никто не отменял — а это две передачи 30-40 минут, которые я и записываю, и монтирую, и несколько маленьких передачек 10-20 минут, плюс подготовка и чтение новостей. И вот я подумала: а в случае чего я бы одна вполне могла работать на нашем радио примерно неделю — за журналиста-ведущего и за звукорежиссера. А если ставить повторы из архива, так и больше. И швец, и жнец, и на дуде игрец.

18 декабря 2014 г.

Как вы думаете, почему нам разрешено рано уйти с работы сегодня? Думаете, на всенощную в канун дня Николая Чудотворца? Не угадали. Слушать Владыку и Повелителя (прямая линия с Путиным).

22 декабря 2014 г.

Про кризис: «Господь не для того Россию держит на этой земле, чтобы люди, в ней живущие, погибали от самодовольства». Так-то! (Православный психотерапевт В. Боровских на нашем радио.)

25 декабря 2014 г.

Я давно приглашаю в эфир сотрудниц и сотрудников нашей епархиальной Службы милосердия, восхищаюсь ими, они подвижники, конечно. Но вот есть вещи, которые меня смущают – прежде всего, это очень явный миссионерский уклон их деятельности. И особенно это смущает, когда речь идет о больницах, и особенно — детской гематологии. Мне кажется, что нельзя активно проповедовать людям, которые психологически надломлены и беззащитны. Ответить на вопросы — да, дать книгу — да. Но в первую очередь душевная поддержка — посидеть с ребенком, пока мама бежит по делам, почитать ему сказку или рассказать, за руку подержать, выслушать родителей, побыть с ними рядом, может, помочь в общении с медперсоналом. Но не устраивать катехизацию родителей прямо в больнице, не давать им ложной надежды: вы молитесь, исповедуйтесь, причащайтесь — и вашего ребенка Бог исцелит. А если не исцелит?

Не знаю, имею ли право об этом рассуждать. Я ни разу не была в самом отделении, только много лет сдавала кровь для этих детей. Но мне ближе подход Нюты Федермессер — никакой проповеди рядом с тяжелобольными и умирающими. Если сами выражают желание — помочь, позвать священника, поговорить. Но если нет — не проявлять инициативу. Легко, конечно, рассуждать, сидя на диване, скажете вы — и будете правы.

17 декабря 2014 г.

Сын рассказал сцену в магазине: подходит к кассе старичок лет 75 с бутылкой перцовки и значком с изображением Сергия Радонежского на куртке и спрашивает, нет ли в продаже презервативов по 20 рублей.

Просто жизнь во всем многообразии.

7 февраля 2015 г.

Наше радио, разговор с учителем истории. «Я противник того, чтобы про какой-то период говорить, что было все только плохо или только хорошо».

Вопрос ведущей: «Даже о красном терроре?» Ответ: «Да, и о красном терроре, о любом».

12 февраля 2015 г.

Вчера православное издательство «Сибирская благозвонница» прислала бандероли ведущим нашего радио. Нас порадовали DVD, очевидно, списанными. Мне достался «Золотой век» и «Бульвар спасения» с Пирсом Броснаном, коллеге — «Поли Шор мертв» («светские львы через призму вечных ценностей») и «Блюбарелла супервумен». Коллега пришла в изумление от аннотации на обложке: «Гитлеру — пипец!» «Это что, юмор такой?» — жалобно вопрошала она.

24 февраля 2015 г.

Звонил сейчас на радио дяденька, который 26 лет назад «отрекся» от документов. Так и жил без них как-то, а сейчас сложности появились, и он жаждет помощи юриста. Сказал, что православный христианин. Не хочет получать пенсию. Раньше я думала, что это по большей части старообрядцы от документов отказывались. Но знакомый батюшко рассказывал, что еще в начале 90-х старушки, бывало, каялись на исповеди, что получают пенсию от безбожного государства...

26 февраля 2015 г.

Монтировала беседу коллеги с местным профессором-философом. Рассуждал про психологию толпы, потом перешел к тому, что «надо мобилизовать народ верно отнестись к политике Путина — Путин призывает к аскезе, а народ — он черная дыра, его трудно организовать, и это проблема для власти». Ведущая очень серьезным «мобилизационным» голосом: «Наш президент Владимир Путин, он ведь на пресс-конференции сказал: „Нам нужно трудиться! Трудиться и еще раз трудиться!“»

До этого философ выдал, что чудо в Кане Галилейской — результат внушения, на самом деле они пили воду. Тут же был рассказ о Флобере, как он про смерть госпожи Бовари писал.

Вообще, всякий раз думаю, монтируя этого товарища: а хоть что-то понимают в его псевдонаучной ахинее какие-нибудь красноуфимские или каменско-уральские бабушки? Герменевтика и антиномии разума, порок гностицизма, целевая установка акта мысли, логический интерес, работать

эмпатийно... Когда у меня на записи кто-нибудь пытается так умничать, я прошу подумать об этих вот бабушках. И ладно бы только заумные слова, так ведь по содержанию это нечто мутное, путаное и неудобоваримое.

5 марта 2015 г.

Сегодня услышала от одной чудесной православной девушки фразу: «Наш проект имеет хорошую идеологическую направленность — мы расскажем о том, как воспитывали детей в царской семье». Я вздрогнула. Попросила переговорить, заменив «идеологическую» на «педагогическую». А через пять минут девушка вторично заставила меня вздрогнуть. Речь шла о сборе денег на лечение маленького мальчика, который плохо ходит. «Хотелось бы, чтобы он вырос и стал ЗАЩИТНИКОМ ОТЕЧЕСТВА И ГРАЖДАНИНОМ СВОЕЙ СТРАНЫ». Нехорошо, конечно, но я не нашла на тот момент сил, чтобы объяснять девушке, что она ляпнула чушь. И мне кажется, она не поняла бы меня. Я просто вырезала этот фрагмент из записи...

5 апреля 2015 г.

Удивилась сегодня вполне адекватной, хотя и стилистически неряшливой, по традиции, проповеди владыки нашего. Говорил о том, как иудеи мечтали о сильном государстве, и мы, мол, сейчас мечтаем, а о христианстве забываем. И вот, мол, некоторые идут воевать за русский мир, и чувствуют одобрение и поддержку, а тот, кто хочет жить по-христиански, наоборот, оказывается в одиночестве. Год назад совсем другая была риторика.

7 апреля 2015 г.

Я просто в ступор иногда впадаю. Тема передачи из рубрики «Беседы о вечном» на православном радио в Великую Пятницу: «Сущность капитализма». У микрофона протоиерей Александр Миняйло. Ноу комментс.

9 апреля 2015 г.

Думала, что я уже достаточно закаленный человек. Но сегодня что-то «неасилила». Высказала коллеге мнение о ее собеседниках в эфире. Хотя это совершенно бесполезно. Но услышала от одного профессора, что детей не надо учить английскому языку, а потом от другого, что надо прощать близких и детей, но нельзя прощать врагов, а врагов Церкви надо уничтожать... и что-то не смолчала. Это реальность: де-факто раскол уже есть, и водораздел четкий — есть те, для кого важнее Евангелие, и те, для кого важнее Путин,

Ильин, кто угодно, а Евангелие — так, что-то малосущественное, требующее уточнений и корректировки.

15 апреля 2015 г.

«Вот приехал посол США, и Ройзман с ним встречается. А вы спрашиваете, кто у нас пятая колонна», — изрек ректор института бизнеса протоиерей Миняйло, попивая чай у нас в холле. Забавно, видимо, новость о том, что с послом встретился и наш митрополит, до него еще не дошла.

21 апреля 2015 г.

Весьма пропутинский батюшко в передаче о поминовении усопших говорит об ужасном состоянии наших кладбищ. Ведущая: «А на Западе у них все обустроено, как в парке можно гулять». Батюшко: «Так может, поэтому у них и жизнь лучше?»

Ага, обычно про то, какие они бездуховные, а тут вот проговорился нечаянно.

3 мая 2015 г.

Из жизнеописания свт. Николая Сербского: «После прихода к власти Тито, владыка перебрался в США». Вопрос на засыпку сторонникам теории перманентной православной цивилизации: что ж не в СССР, а в империю зла, оплот мирового империализма, бездуховную пиндосию?

7 мая 2015 г.

Ужасное удобное слово — Промысл Божий. Прелесь что за слово. Всё так чудесно объясняет. Победа — Промысл, и Сталин — Промысл, и вот сейчас слушаю, что Путин тоже Промысл. В этом убежден один протоиерей в нашем эфире. Последнее время постоянно, в каждой почти передаче слышу от попов дифирамбы Путину. Не от тех, конечно, кто ко мне приходит в эфир, я таких не зову.

14 мая 2015 г.

«Америке пока ядерный кулак не показали, она не опомнилась. Праздник Победы прошел, так прилетели тут же на переговоры». Батюшко Владимир Зязев пришел на запись, пьет чай у нас в холле и митингует: «Патриарх должен был с Президентом рядом идти! *(в шестви и Бессмертного полка)* Это его просчет!»

17 июня 2015 г.

Мучаюсь с беседой коллеги. Православный поэт: «опустилась любовь до нуля, в мир грядет богохульник и спонсор». Сильно, конечно, глыбоко.

Вообще, наше радио всегда было притягательно для православных графоманов. В среде верующих прочно укоренилось убеждение, что если ты написал нечто относительно складное, где «крестом» рифмуется с «Христом», а общий смысл, хоть и туманен, но благочестив, ты должен непременно поделиться с братьями и сестрами по вере своим творчеством. И, надо сказать, православных «поэтов» у нас привечали и эфир им давали. Я старалась держаться от них подальше и, если на меня кто-то выходил, сплавляла жаждущих славы своим коллегам.

Последнее время звездой поэтического небосклона нашей епархии стал протоиерей Виктор Явич, юрист не только в прошлой, но и в нынешней жизни. Именно он выступал в суде с обвинениями против блогера Соколовского и привел туда в качестве свидетелей и своих прихожан.

С образцами его творчества можно периодически знакомиться на большом стенде около Иоанно-Предтеченского храма (который находится рядом с нашим радио). Пишется это в таком духе:

Ты сегодня детство вспоминаешь —

От того так радостно в груди.

И на храме буквы читаешь,

Что тебе советуют: зайди!

Ты зайди сегодня — это срочно,

Посмотри до самых до небес

И увидишь абсолютно точно,

Что Господь воистину воскрес!

Или вот этот шедевр духовного сладострастия:

Ты разреши потрогать лики,

Пусть не руками, а дыханьем

Чтоб на иконе видеть блики,

Как будто солнце утром ранним.

Еще не знает прикоснуться

*Куда и, как увидеть точно,
И Богородице проснуться
Поможет маленькая точка.
И лучик убежит к Младенцу,
И пробуждение возникнет.
Ты разреши, чтоб полотенце
К иконе праведно приникло.
Благослови кувшин наполнить
И сохрани в нем капли солнца,
Чтобы мгновение запомнить,
Как лучик падает в оконце.
Подай цветы из долгой чаши
И помоги им быть над нами,
Чтобы забилось сердце чаще —
Икона мироточит в храме.*

Когда читаешь нечто подобное, всегда удивляешься тому, что рядом не нашлось ни одного здорового человека, который сказал бы: «Батюшка, уважаемый, не позорьте свои седины. Всё, что Вы пишете – увы, лишено даже признаков поэзии. Это бездарно, это скучно, это пошло. Занимайтесь юридическими вопросами, молитесь, но не используйте служебное положение для того, чтобы пиарить свою так называемую „поэзию“». Но здоровых не находится...

ГЛАВА 9. «ХРАМ ЗАКРЫТ НА СПЕЦСЛУЖБУ»

7 июня 2015 г.

Считаю важным зафиксировать на память. Ольга Седакова была в музее святости и исповедничества на ул. Куйбышева (Екатеринбург). После экскурсии и перед записью маленького интервью пили чай, разговаривали, и Ольга Александровна сказала: «Одно из самых страшных моих впечатлений последнего времени — это праздник Кирилла и Мефодия в Москве на Красной площади. Вы не видели? Ну, я вам скажу — счастлив тот, кто этого

не видел. А мне рассказали. Патриарх с двумя блондинками по бокам. Одна жена Медведева, другая — тоже какая-то начальственная дама, и он поет «забота у нас простая, забота у нас такая»... После я уже посмотрела в записи. И это было с такой пышностью обставлено, как бракосочетание государства и Церкви. Патриарх сказал, что это первый церковно-государственный праздник. Сами Кирилл и Мефодий были представлены в речи патриарха как просветители и создатели азбуки. То, что они равноапостольные — вообще не упоминалось. Для чего они эту азбуку создавали — об этом не было речи. Ни о чем христианском не было речи. И все это шло на волне великой России, патриотизма, просвещения... Потом стали петь всей площадью, и духовенство пело, в основном песни Пахмутовой, в конце спели «Пусть всегда будет солнце». Это было страшное и, может быть, эпохальное событие. У меня такое ощущение, что Церковь, которую я любила с детства, Церковь, уже не очень сильно гонимая, но скрытая, — что Ее сменила какая-то другая религия. Где не упоминается даже имя Божие...»

К сожалению, в эфир дать эти слова не смогу...

7 июня 2015 г.

В прошлое воскресенье митрополит Екатеринбургский Кирилл закончил проповедь благодарностью за совместную молитву, особенно о Патриархе Кирилле: «Храни его Господь, и Церковь его Святую Православную». Я, кажется, что-то пропустила. Церковь уже не Христова, а патриаршая. Век живи, век учись. И это не просто оговорка, боюсь.

18 июня 2015 г.

Еще важное. Ольга Седакова на встрече в музее святости:

«XX век был великим веком христианства, и в России, и везде. Здесь были прямые гонения, при нацизме не было прямых гонений против Церкви. На Западе в связи с этим пересматривают понятие мученичества. Если убивают священника не за то, что он священник, а за то, что он прятал евреев, можно ли считать его исповедником? Они считают, что да. Католики нашли такую формулу — эти люди противостояли духу ненависти. Они не формально веру исповедовали, а жили не так, как велели. И вот это новое мученичество, я боюсь, это то, что нас ждет».

23 июня 2015 г.

Вчера была на интереснейшей лекции в Белинке (областной научной библиотеке им. Белинского): директор Государственной публичной исторической библиотеки Михаил Дмитриевич Афанасьев — «Библиотека как место памяти».

Один из интересных фрагментов, который в эфир дать не смогу:

«О несчастных крымских библиотекарях. Такое ощущение, что местные прокуроры — не местные, приехали откуда-то с материка и наводят там порядок. У нас несколько книг по голодомору оказались в списке экстремистской литературы, а в этих библиотеках по голодомору не несколько книг, а много. И прокуратура там просто зверствует. Причем даже наши правила, когда мы говорим о том, что надо просто промаркировать эти книжки и выдавать под расписку человеку, там прокуратурой не принимаются — они говорят, что надо изничтожить эту литературу, причем не только те книги, которые включены в список. Керченская библиотека пыталась оспорить в суде, у нее это было по поводу исламской литературы, но в итоге ее оштрафовали».

24 июня 2015 г.

Из серии «теперь я видела всё». Наш шеф архимандрит приходил в желтых шортах, угощал огурцами, выращенными на собственной фазенде.

Сейчас повествует, как по утрам плавает в бассейне с фильтрацией и подогревом и читает потом, загорая, Евтушенко.

7 июля 2015 г.

У меня в детстве был такой ночной кошмар. Чаще всего возникал он даже не во сне, а в дрёме при высокой температуре. Это были облака. Вроде ничего страшного, да? Они ж мягкие, белые, пушистые и безобидные. Но они росли и пузырились, понимаете? Это были облака-гиганты, и они пузырились, как каша в известной сказке, которая в итоге чуть не потопила целый город. Они росли и вот-вот могли полезть мне в глаза. И ничего страшнее мне никогда не снилось.

Некоторые люди мне видятся как раз облаками в штанах. Впрочем, поверх штанов у них есть еще подобие платья. И некому сказать: «горшочек, не вари».

9 июля 2015 г.

Если бы у меня был пистолет, я бы тянулась к нему всякий раз, слыша словосочетание «духовно-нравственный». А сейчас мне предстоит монтировать беседу с местным «философом», озаглавленную «О духовно-нравственной ситуации». Ощущения как перед ФГС, которую я, впрочем, за всю жизнь так ни разу и не сделала.

10 июля 2015 г.

Мои горизонты всё расширяются. Сегодня наш шеф в канареечной джинсовке, лимонных джинсах и белых кедах. И вот думаю: ежели бы экстравагантность духовенства ограничивалась только модным парфюмом и кислотными прикидами — оно было бы лучше.

3 августа 2015 г.

«Против нашей страны щас идет стрррашная война», — слышу очередной раз страдания нашего отца Владимира Зязева. Вот это мироощущение вокруг у большинства, это уже аксиома, как «мы — великая держава». Будто, как в примитивном американском сериале «Купол», накрыл нас кто-то сверху прозрачным колпаком и заразил 85% населения вирусом.

3 августа 2015 г.

Читала объявление, которое начинается обращением: «Отцы, братья и сестры!» Коллега-звукооператор, далекая от церковной лексики, спрашивает:

— Хм, почему так странно — «отцы», кому это?

— Да это попам, — говорю, — они отдельно, не братья же они.

Диагноз, между прочим. Мало встречала отцов, которые прихожан не с амвона, а в личном общении называли бы «сестра» или «брат», тем более, чтобы так относились.

6 августа 2015 г.

«Храм закрыт на спецслужбу». Так отвечали пришедшим в храм женского Ново-Тихвинского монастыря, когда там венчали дочь олигарха Алтушкина с сыном монастырского батюшки. Слово-то какое — «спецслужба»! Песня!

17 сентября 2015 г.

Из последних новостей: Церковь призвала ответственно относиться к экологии. На кладбище, которое рядом с епархиальным управлением, уже две недели пилят деревья, говорят, по приказанию владыки. Уже 150 уничтожили. И я бы поняла, если бы тополя — они имеют дурную манеру падать при сильном ветре. Но сосны и березы в самом соку, нестарые? Напротив окна две чудные березы вчера спилили. Варварство какое-то.

6 октября 2015 г.

«А в одном дореволюционном церковном журнале я прочел недавно такое открытое письмо очень известного тогда архиерея: «С ужасом прочитал я сейчас в вашей газете, что мне готовят в этом текущем году 25-летний юбилей... У нас, архиереев, юбилей каждое воскресенье: нас встречают в церкви, водят под руки, провожают, приветствуют: и по-славянски, и по-русски, и по-гречески. Довольно этого». Один старый архиерей на докладе консистории о том, «когда владыке угодно будет назначить юбилей?» написал резолюцию: «когда сойду с ума». (Это из журнала 1910 года.)» Сергей Фудель

30 октября 2015 г.

День памяти жертв политических репрессий. Побывала сначала у храма Большой Златоуст, записала немного для репортажа, потом добежала до Ленина, 17 (здание ГУВД, раньше НКВД-КГБ). На такой большой город, конечно, мало людей пришли почтить память жертв режима. Человек 30 было у храма, примерно столько же в сквере.

От Златоуста многие прошли со свечами до того самого дома, где в 30-е расстреливали в подвалах людей. Проходили через металлодетекторы. А под памятником Ленину поблизости митинговали параллельно коммунисты. Было очень холодно и ветрено, шел мокрый снег...

Интересную вещь узнала. Акцию «Возвращение имен» теперь не только Мемориал будет проводить, но и епархия. Отдельно. Почему не вместе? А потому, как мне сказали, что у Мемориала «все политизировано». Зачем опять эти разделения, скажите? Мало других разделений и противостояний, так и на этой теме будем обострения устраивать, делить поминающих на своих и чужих?

30 октября 2015 г.

Заговорили о канонизации Боткина. Другие слуги почему-то не заслужили. Ну это ладно. Но вот мне интересно: как плавно и изящно будет меняться риторика. Ведь за все эти годы о несчастных слугах практически никогда не упоминалось. Нарочно просмотрела нашу правгазету за 5 лет, к Царским дням не нашла ни одной публикации. (У меня было две передачи о них.) Царская семья, царственные страстотерпцы, а Демидова, Харитонов, Трупп и Боткин — это так, неинтересные нецарственные особы. А по-моему, их-то в первую очередь надо было прославить. У них был выбор, и они его сделали осознанно.

30 октября 2015 г.

Страшно как в наших новостях: «Завтра мощи отправятся в Нижний Тагил».

(Даже родилось стихотворение по поводу:

по заснеженной дороге

мощи топали в Тагил,

в чемодане – некрологи

от зачатья до могил.

вдруг навстречу, слюни свесив,

чу! — живые мертвецы:

порожденья мракобесий,

адских недр беглецы.

обступили, жаждут крови,

(а какая ж в мОщах кровь? –

не читали книг церковных,

не знакома им любовь).

мощи, долго не лукавя,

святомёт из-за плеча.

тут победа православья –

зомби ножками сучат.

и сказали тихо мощи:

«ах вы, нежить, дурачье!
я и вы по виду тощи,
но оружие тут — чье?»
по заснеженной дороге
мощи топали в Тагил.
зомби дули на ожоги,
гнили, кто еще не сгнил...
автор — Алексей Плужников)

19 ноября 2015 г.

Будни звукооператора. Беда с речью у людей, беда. Кто умудряется избегать слов-паразитов, тот страдает утомительной избыточностью, говорит вместо «обострение отношений» — «обострение своих межличностных отношений», вместо «в браке» — «в супружеском браке» и прочую лабуду. А еще в эфире люди экают (это самое безобидное), говорят на семинарском языке — то есть «научает» вместо «учит», «воспитует» вместо «воспитывает», и — шмыгают носом в микрофон на фоне речи собеседника.

26 ноября 2015 г.

Очень мне странно, когда православные начинают дундеть про фальсификацию истории, дескать, только о славных страницах говорим, а о позорных молчим, не то будет оскорбление чувств. Вот что делать, когда в «Детской книге войны», которую сейчас читаю в эфире, такие строчки в дневнике мальчика, пишущего в оккупированном Кременце:

«20 сентября. Немцы заняли Киев и Полтаву — такие объявления висят сегодня в городе. По этому случаю в соборе будут служить молебны. Черт бы их всех побрал. Передушил бы их всех, попов и остальных, с сердечным наслаждением. Сволочи!..»

А я оставила, пусть люди думают головой.

1 декабря 2015 г.

Странно всё-таки, что в списке грехов нет пофигизма. Есть такой грех, и особенно склонны к нему верующие. Большинству совершенно фиолетово, что там сказал г. Чаплин про войну, сказал — ну и сказал, жираф большой,

ему видней. А Кураев — ну его же уволили откуда-то там, чего его слушать. Если нам рассказывают про большого босса, что дела его злы, нам легче сказать себе: «не злословь начальствующего». Пусть и дальше дурит народ, куда как легче верить, что он праведен и хорош. И я — такой доверчивый, незлословящий, тоже очень хорош.

8 декабря 2015 г.

Если бы православные в 90-е годы послушались духовных наставников, казавшихся многим радикальными фундаменталистами, которые еще тогда прозрели коварную суть зомбоящика, и повыбрасывали бы оные на помойки — сейчас бы не имели такого количества верующих, покалеченных пропагандой.

17 декабря 2015 г.

Паки про календарные споры. Ага, отлично, перейдем на григорианский календарь, будем отмечать все вместе. И?.. Внешний мир возликует и возрадуется? Да нет, внешний мир в лице неверующих, но хоть изредка читающих или слушающих т.н. церковных спикеров, скажет: и что это мы тут празднуем? На земли мир, говорите? В человеках, говорите, благоволение? Ну-ну. А что ваш Чаплин говорит? Про то, как воевать хорошо? А главный ваш, с замашками то командарма, то партработника? И никакой идиллии не выйдет. Простите.

ГЛАВА 10. «ДЛЯ УВОЛЬНЕНИЯ МНЕ ВАШИ БЛАГОСЛОВЕНИЯ НЕ НУЖНЫ»

10 апреля 2016 г.

На днях была в одном из любимых мест: ботаническом саду. Там здание института экологии, куда я очень люблю ездить. Записывала про белок с одним биологом для своего цикла «Всякое дыхание да хвалит Господа», я его придумала несколько лет назад. Сначала с подружкой, которая занимается верховой ездой, записала про лошадок, потом с орнитологом — про птиц в городе, теперь добралась до белок любимых. Интересно, что в институте зоологи изучают белок в дикой природе, а вот городских — почему-то нет, а я уверена, что это не менее интересно, а главное, они ж под боком у них. Они там раскормленные, ничего не боятся и довольно балованные, их и грецкими орехами кормят, и кедровыми, семечки у меня не взяли.

После передачи про птиц звонили с благодарностью слушательницы, просили почаще что-нибудь такое делать, устают все-таки от «духовки». И вот почему при всех минусах я так долго не хотела искать ничего другого — где еще я могу сама придумывать цикл, который мне интересно делать, самой искать темы, при этом знакомиться с замечательными людьми, и при этом ничего не писать — я этого так не люблю! И на каком радио под разговорную передачу дадут 40 минут? Сколько умных и хороших людей за эти годы записала благодаря радио: о. Андрея Кураева, художника, увы, уже покойного, Льва Токмакова, Ольгу Седакову, вдову литературоведа Виктора Рутминского Наталью Толочко, Андрея Десницкого, Александра Огородникова, Юлию Кантор, замечательных екатеринбургских историков: Алексея Мосина, Владимира Ляпина, Владимира Земцова. Вот и думай, может, ради таких плюсов стоит потерпеть минусы в виде «черного списка» и периодических наездов начальства...

12 августа 2016 г.

У меня такое чувство, что если бы некие враги — масоны, мировая закулиса, — захотели бы сделать так, чтобы подвиг новомучеников был совершенно обесценен, то и они ничего лучшего бы не придумали, чем заслать в церковные структуры методистов, пишущих «модули» и «программы» по «внедрению» опять же «программ». Вот это вот всё: *«Встраивание модуля в учебный процесс организаций общего образования и в систему дополнительного образования продиктовано необходимостью сфокусировать внимание обучающихся на подвиге соотечественников, пострадавших за веру Христову и верность Церкви в первой половине XX века, с целью формирования целостного представления об их подвиге народа России в контексте истории Отечества»* (это я в новостях вижу). От этого хочется убежать подальше и забыть. И несчастным ученикам будет точно так же тошно от этих модулей, как школьникам позднесоветского времени от коммунистической героики.

16 августа 2016 г.

Я опять про стилистические расхождения подумала, как это точно. Послушав меньше минуты г. Ткачева, я поняла, что не могу больше. У меня еще и интонационные расхождения. «Пердеть на печке» — извините, не моё. Вы скажете — а как же о. Павел Груздев, тот вообще матерился. Да ладно. Вы просто послушайте Ткачева, Смирнова, Чаплина и проч. А потом для

контраста — владыку Антония, отцов Александра Меня, Павла Адельгейма — и вы поймете, что это разные религии. Дело, повторю, даже не в стилистике — а в интонации. Ткачев — это такой пахан, который пропесочивает членов своей банды. Примерно из той же оперы Смирнов — но там еще и величайшее презрение к слушателям. Надо заречься вообще их слушать.

28 августа 2016 г.

По поводу архиерейских и патриарших служб. Вспоминается, как в стародавние времена присутствовать при туалете какой-нибудь аристократической особы было привилегией. Вот эти публичные одевания производят впечатление чего-то женственно-претенциозного, при этом барственного и вульгарного. Простите, если оскорбила чьи-то чувства.

1 сентября 2016 г.

Проходила я сегодня мимо мини-садика, и слышу вот это наше вечное: «Строимся!» Кому повезло, как мне, не слышать этого в дошкольном детстве, тот в школе наслушался, а мужики потом в армии. Люди делятся на две категории: те, что строятся с восторгом и воодушевлением, и те, которые строиться не хотят. Ну, еще те, что строятся обреченно и уныло, и те, что с чувством омерзения, но все равно — строятся.

2 сентября 2016 г.

Почаще говорите правду начальству. Оно запоминает это надолго, намного дольше, чем льстивые комплименты. Вчера шеф (архимандрит Димитрий Байбаков) рассказывал моим коллегам, как (уже больше 10 лет назад!) какая-то дама (дай Бог ей здоровья!) ответствовала на шефские критические замечания (а надо знать шефа, чтоб понимать, как они делаются): «Я думала, что пришла работать к священнику, а оказалось — к фельдфебелю». В его голосе до сих пор сквозила детская обида.

4 сентября 2016 г.

По поводу Храма-на-Крови, где бедный картонный дурилка выловил покемона. У службы милосердия есть проект «От сердца к сердцу». Инвалиды и многодетные делают всякие поделки, их продают, часть вырученных денег идет творцам. Место проекта в церковной лавке, направо от входа. А несколько месяцев назад их засунули в какую-то конуру далеко от входа, до которой никто из потенциальных покупателей не доходит.

Продажи резко упали. В огромном здании духовно-просветительского центра и на территории соборов места тоже не нашлось. Дарили митрополиту чудесные штуки, сделанные в рамках проекта, сторожили его на службах, чтоб в ножки кинуться, — без толку. Не знаю, как сейчас дела у них, нашли что-то или нет — но история показательная.

А причем тут покемоны? Сами решайте.

9 сентября 2016 г.

Люди всё же загадочные существа. Людей, способных доносить на ближних, не так уж много. Но уж если закон взял кого-то в оборот и сунул в СИЗО — всегда большинство кричит: «Так и надо! Заслужили! Поделом! Пусть спасибо скажут, что мягко обошлись!» И вот это странно. Ведь мало у кого в семье не было или нет сидящих, отсидевших, пострадавших от Системы, сосланных, раскулаченных. Ну, казалось бы — не пожелай ближнему своему тюрьмы. Но нет. Мы же любя, для его же блага.

С упоением расшаривают какое-то видео, где глупый мальчишка несет циничный бред. Не смотрела и не буду. Какой бы бред он ни нес — это слова, и за произнесение слов сажать нельзя. Общественное порицание, штраф, посещение психологических тренингов, уборка мусора на улицах — но не СИЗО и не колония.

И вот еще хочется спросить: люди, у которых пострадали родственники от советского режима, они — имеют права? Или их безнаказанно могут оскорблять прохановы, чаплины и прочие, имже несть числа? Но даже их не надо сажать. Им просто надо запретить публичные выступления. Пусть заведут канал на ютубе, как тот пацан. И как смотреть и слушать пацана не пойдет вменяемый человек, а пойдет, так плюнет и уйдет, так и к ним придут только такие же безумцы, как они.

Вставка из марта 2017 г.

В Екатеринбурге продолжается суд на блогером Русланом Соколовским. Приходят свидетели, называющие себя верующими. Вот цитата одного из таких оскорбленных в чувствах верующих: «Любовь ко Христу — это самые личные чувства. И он оскорбил меня — назвал Господа покемоном. Я не знаю, кто такой покемон. Я знаю, что это игра, которая несет негативность!»

Еще цитата: «Свидетельница: «Называть покемоном Бога нельзя. Это больше, чем сквернословие. Просто нельзя и все!» Соколовский: «Вы обиделись на шутку, что Иисус — покемон?» Свидетельница: «В храме нельзя шутить»».

Я написала небольшую сказку в качестве ответа на весь тот фарс, который творится от лица веры и верующих.

БЕГИ, ПОКЕМОН, БЕГИ!

Отец Духоскрепкин позвонил отцу Путиславу и позвал на чашку чая. Отец Путислав, любитель выпить, знал, что если отец Духоскрепкин зовет на чашку чая, то это именно чашка и именно чая, а не эвфемизм, как если бы звал отец Либералий, у которого всегда можно было рассчитывать на добрый стакан Блэкджека со льдом. Поэтому никуда отец Путислав не пошел, сказался занятым. Но на следующий день Духоскрепкин отловил Путислава в дежурке после службы.

— Слышь, отец, поговорить надо, — зловещим шепотом сказал он и похлопал диван рядом с собой, приглашая собрата присесть.

Путислав вздохнул и присел.

— Тут такое дело, понимаешь, — глаза отца Духоскрепкина бегали, руки тербели окладистую седеющую бороду. — Я всякое на своем веку видал, но такого... И что делать, куда бежать — не знаю. Никогда ни с кем не советуюсь, с тобой первым. Ты с компьютером дружишь, в танчики играешь, и вконтакте разбираешься, а я в этом не силен, ты знаешь.

Отец Духоскрепкин глубоко вздохнул, как перед прыжком в холодную воду, и сказал:

— Тайну исповеди тебе придется открыть!

— Дак не первый раз, — заржал отец Путислав, — помню-помню, как ты мне рассказывал про девицу, что ходила летом без трусов и исповедовалась, что ее это возбуждает!

Духоскрепкин махнул рукой:

— Это не считается, ты ж не знал, про кого я говорю, прихожанок много, примет я не называл. А сейчас придется, без этого никак.

— Совсем никак? – весело подмигнул Путислав.

— Вот тебе смешно, брат, а мне не до смеху совсем. Потому как либо я с ума сошел – и тогда служить мне нельзя, либо я в своем уме — и тогда надо принимать меры.

И вот что выяснилось. Вчера во время всенощной, когда отец Духоскрепкин вышел исповедовать, подошел к нему странный молодой человек.

Толстенький, в ярко-желтой рубашке. И поведал, что он – не человек, а покемон (слово это заморское, непонятное батюшка по слогам произнес и почему-то шепотом). Что он не знает, кто его в храм прислал, но он совсем даже не хочет никого смущать и не хочет, чтоб его здесь ловили, а хочет тихонько спрятаться, пожить тут и чтоб его никто не нашел.

Сумасшедшим молодой человек совсем не выглядел, хотя иногда чуть-чуть подпрыгивал во время исповеди. Но глаза имел умные и взгляд осмысленный.

— Ну, ты как знаешь, а я бы позвонил Николаю Иванычу, — сказал отец Путислав, и лицо его сделалось очень суровым, а бородка клинышком воинственно вытопорщилась.

Духоскрепкин занервничал.

— Нет, знаешь, я бы не стал так сразу Николаю Иванычу...

— Дело твое, — отец Путислав упруго встал с дивана. — Тогда я сам позвоню.

— Нет, погоди, — вскричал Духоскрепкин и попытался ухватить собрата за подрясник, — надо сначала разобраться! Николай Иваныч же сразу – спецоперацию и всё! Придется переосвящать храм и вообще!

— Зря ты мне все это рассказал, — Путислав брезгливо выдрал свой подрясник из дрожащих рук Духоскрепкина, — теперь я сам, если не доложу, буду под статьей.

— Но тайна исповеди! – жалобно простонал несчастный Духоскрепкин.

— А ты мне не исповедовался, — подмигнул жестокий Путислав.

— Отец, ну дай мне один день, не звони! Я что-нибудь придумаю! – взмолился Духоскрепкин.

— Один день! – отрезал Путислав.

Вечером взволнованный Духоскрепкин без звонка завалился к отцу Либералию. За хороший совет он готов был сколько угодно раз заменить его на литургии. Отец Либералий часто выпивал – исключительно в миссионерских целях, ибо возглавлял миссионерский отдел, и часто звонил вечером отцу Духоскрепкину с просьбой отслужить вместо него. Правда, и Духоскрепкину как-то раз пришлось прибегнуть к его помощи. Матушка купила эротическое белье и решила показать мужу в аккурат перед отходом ко сну – после чтения отцом молитвенного правила. Духоскрепкин не понес этого искушения и в панике позвонил собрату: выручай, родной, оскоромился я, бес попутал. Отец Либералий долго ржал и прикалывался, но пошел навстречу.

После рассказа Духоскрепкина о покемоне, отец Либералий тоже хохотал, но, узнав про реакцию Путислава, посерьезнел и встревожился.

— Парень, конечно, с приветом, в покемон-гоу переиграл и крышка поехала, но его надо спасать, а то не ровен час Николай Иванович со своими костоломами его ловить придут.

— Надо, надо спасать, я и сам понимаю! — вскричал благодарный Духоскрепкин. — Я уж не рад, что Путиславу рассказал, но я ж думал, что это у меня крыша поехала, я ж не знал!

Утром Духоскрепкин обнаружил покемона под канунным столиком. Вернее, покемон сам выглянул оттуда боязливо, когда батюшка шел в алтарь.

— Придумал я, как тебе помочь, — сказал Духоскрепкин, — хочешь остаться — переодевайся и будешь на подсвечниках, пока бабНина болеет. Только сначала я должен выяснить, не злоумышленник ли ты, не еретик ли, и главное – не бунтовщик ли.

Духоскрепкин завел юношу, желтая рубашка которого обзавелась уже несколькими масляными пятнами, в дежурку, где переодевался дьякон Охлопотов, неловко прыгая на одной ноге. По случаю жары он служил в одном льняном подряснике, а джинсы просто снимал, чтоб не париться. Попы неоднократно пеняли ему на то, что прихожане могут увидеть его волосатые щиколотки и оскорбиться в религиозных чувствах, и дьякон пошел на уступки – побрил ноги до середины икры, чтоб никого не смущать.

Покемон не обратил никакого внимания на фривольного дьякона, хотя Духоскрепкин чуть со стыда не сгорел за собрата, болтающего в воздухе

полуобритой ногой. Батюшка подождал, пока зловредный Охлотопов уйдет, и провел допрос с пристрастием, выяснив, что покемон – не еретик, так как он вообще не знал ни одного догмата, значит, и неверно верить не мог. Не злоумышленник – так как был рыхл телом и довольно неловок, и не бунтовщик – так как не знал даже фамилии того, против которого мог бы бунтовать. По крайней мере, когда Духоскрепкин упомянул фамилию, знакомую каждому с младенчества, покемон спросил, кто это, и ничем не выразил неприязни к высокой особе.

Духоскрепкин успокоился, выдал покемону бабнинин черный халат, повязал ему по-старушачьи платочек, выдал отвертку и тряпочку, показал, как чистят подсвечники, и пошел отдышаться в дежурку – служил сегодня не он, а отец Путислав. Духоскрепкин тревожился — выглядел покемон в бабинином халате не очень аутентично. Слишком круглая большая голова, глаза навывкате, рыжие толстые дреды, которые батюшка еле затолкал под платок. Духоскрепкину недолго пришлось сидеть и тревожиться на диване. Совсем вскоре он с ужасом услышал, что в храме что-то происходит – раздались вопли, грохот, и через несколько секунд, в течение которых батюшка, кряхтя, поднимал свое грузное тело, ворвался охранник с безумными глазами: «Отче, что там творится!!»

Духоскрепкин выскочил, быстро сбежал по лесенке, повернул направо и увидел апокалиптическую картину. Со сверхъестественной быстротой юноша-покемон в развевающемся черном халате, из-под которого торчало нечто вроде желтого хвоста, носился туда-сюда по храму, в том числе по стенам, очень аккуратно, не задевая иконы, а за ним, неуклюже подпрыгивая, бегал алтарник Костик, держа в вытянутой руке смартфон.

Отец Путислав стоял на солее с воздетыми руками и громко кричал что-то грозное и обличительное. Несколько бабушек, несмотря на жару приковылявших на службу в будний день, застыли с открытыми ртами, а местный дурачок Максимушка радостно приплясывал, стуча голыми пятками. Все это невероятное действие продолжалось буквально минуту, а потом юноша-покемон, совершив какой-то невероятный кульбит, вывалился в открытое окно, а отчаянный Костик прыгнул на подоконник и чуть не сиганул за ним, да помешал Духоскрепкин, схвативший того за тощие ноги в узких по молодежной моде джинсиках.

Позже, когда все пришли в себя, Духоскрепкин услышал как минимум три версии случившегося. По версии старушек-прихожанок, все началось во время малого входа. Свечница (в роли которой выступал покемон, но об этом никто не знал) вдруг взяла в руку потухшую свечку, надула толстые щеки и дунула на огарок огнем, как дракон. Бабушки, стоявшие рядом, испуганно вскрикнули и закрестились, а алтарник Костик задрал стихарь (при этом свеча выпала у него из рук и покатила по солее) выхватил откуда-то телефон и с криком «вот ты где, вражина!» огромным прыжком сиганул к свечнице. Ну и дальше пошла потеха, которую и наблюдал примчавшийся из дежурки Духоскрепкин.

Вторую версию изложил Путислав журналистам сетевого издания «Вау.ру», которые на другой день обратились за комментарием по поводу поползших по городу слухов о загадочном и соблазнительном происшествии в соборе. Духоскрепкин был рядом, так что все слышал. Ничего загадочного, по словам отца Путислава, не произошло. Просто в храм проник юный провокатор, нанятый, ясное дело, госдепом и пятой колонной, переоделся в свечницу и пытался прикурить от свечки. Его наглая выходка была вовремя замечена алтарником Константином, семинаристом-первокурсником, пламенным патриотом и членом молодежного крыла партии «Слово и дело Патриарховы». Доблестный юноша скрутил и задержал наглеца, но был коварно повержен электрошокером, а подлому провокатору удалось скрыться.

Третью версию Духоскрепкин выслушал от отца Либералия, который предварительно собрал все показания и вынес вердикт: все вы чокнутые, вот тебе и весь мой сказ. Был толстяк с желтухой и дредами, сбжавший из психушки. Наши старушки – они все в деменции, мало ли, что им привиделось. Костик – у того глюки конкретные, он травкой балуется, это всем известно, да ночи напролет в покемон-гоу играет, по городу носится. А Путислав — тому всюду враги мерещатся, вот кукушка и сломалась прямо во время службы. Он и стал катализатором массового психоза.

История дошла до митрополитуса, но по дороге перевранная еще несколько раз. Преосвященнейший ничего не понял, но разозлился, что скандал попал в прессу. Поэтому на всякий случай дал всем разгону: Костика изгнали из алтаря на три месяца, велел чистить подсвечники, отцу Путиславу запретили общение с прессой, а отца Духоскрепкина, на которого в итоге свалили всю

вину, отлучили от собора и отправили настоятелем в деревню Каквинские Печи, чему, на удивление, он был рад безмерно.

В деревне жило 87 человек, в храм ходили шесть старух и один дедок. Но зато не было ни Николайиваныча, ни Путислава, ни митрополитуса. И даже когда матушка надевала эротическое белье — это никак не влияло на размеренный ход деревенской жизни. Только в свой помяник отец Духоскрепкин записал «о здравии Покемония», искренно молясь за того и благодаря за дарованную благодать и свободу.

11 сентября 2016 г.

Нравится мне телеканал Союз. Протестанты — еретики, но мультик про Суперкнигу мы у них сопрем (интересно, как там с авторским правом?). Армяне тоже еретики, но музыку Каспаряна будем подкладывать под цитаты Брянчанинова. Ну, надо же эфир наполнять, понятно.

16 сентября 2016 г.

ФБ обнаруживает четко, что история о вавилонской башне — очень актуальная. Вроде один язык, а люди совершенно не понимают друг друга. Видят что-то свое в чужих постах и с этим своим полемизируют на грани истерики. Холивары, сотни комментов — из-за того, что одна дама-блогерша превратно поняла другую. На стороне каждой — легион френдов. Лишний раз порадуешься своей непопулярности и скромности объема фб-пространства.

И еще вывод — никто так яростно, как очень верующие люди, не отстаивает свое право быть злым, склочным и обидчивым.

21 сентября 2016 г.

О причинно-следственных связях и их причудливости в народном сознании. Рассказ Алексея Александровича Зыкова, почетного председателя областного общественного движения «Семьи погибших воинов».

Приехал он в деревню под Вологдой в 70-е, кажется, годы. Нашел где-то старые ходули и развлекался. А бабушки местные ругаются и не позволяют. Почему? А потому что перед войной молодежь тоже на ходулях ходила.

23 сентября 2016 г.

«Если не знаешь, какому святому молиться — молись Богу.

Если не нравится, как одет тот, кто рядом — на распятие глянь, как одет Тот, кто на кресте.

Если не понимаешь, что читают и поют — приходи в понедельник, среду и субботу — по этим дням службы на русском языке».

Было бы хорошо, если бы нечто в этом роде было среди объявлений в храмах — вместо грозных окриков, чего и кому нельзя.

25 сентября 2016 г.

Доехали на велосипедах до Поросенкова Лога, где никогда не были. Солнышко, желтые листья сияют последней красой, метрах в двадцати друг от друга кресты. Один на месте обретения останков царской четы, Ольги, Татьяны, Анастасии, Евгения Боткина, Ивана Харитонов, Алексея Труппа, Анны Демидовой, другой — там, где летом 2007 года нашли останки Алексея и Марии. Место как было, так и осталось болотистым — я провалилась одной ногой в лужицу, пришлось посидеть на скамейке и посушиться — рядом с пожилым дядечкой, который в этом месте вроде сторожа, в летнее время, как он сам сказал.

Старик оказался словоохотливым, сходу стал меня просвещать, что царя убили евреи.

— Ну, а кто же еще? Они же тогда у власти-то были!

Мои возражения особого эффекта не произвели.

— Они хотели еврейское государство устроить!

Я чуток спорила, но довольно лениво — пусть, думаю, дед сам выскажется.

Потом он рассказал, что ему делали операцию, «башку пробрили», была опухоль, потому что работал где-то в холодильном цехе, короче, работа вредная, вот и онкология. Так что я сделала скидку на это дело. Потому как дедок приветливый к тому же.

— Сейчас-то знаешь, кто нами правит?

— Обама?

— Почему Обама, нет. Жулики!

Вот тут мы нашли полное взаимопонимание.

— И воры! — добавляю я.

— Точно! — обрадовался дед.

Правда, это оказалось единственным пунктом нашего согласия. Дальше старик стал разглагольствовать про «черных», которых пустили, и теперь они на стройках везде и заполонили всю Сортировку (район в Екатеринбурге около железной дороги).

Спросила его про выборы, ходил ли.

— А как же! По первому бюллетеню за «Родину» голосовал, а по второму — за Вовку-друга! За Жириновского! Хороший мужик, нравится мне. Только делать ему ничего не дают. А так он умный, два высших образования у него. А Путин что? Он русский народ-то не знает, в Германии жил. А Жириновского я даже хотел на рыбалку пригласить. Я на Гати живу, дом там у меня.

— Ну и пригласили бы, — говорю я.

— Думаешь, надо было? Ну да, водку хоть с собой бы привез! (смеется)

В заключение нашей славной беседы дед посоветовал мне беречь и ценить каждую минуту жизни. «Пока молодая». Я не стала сообщать, что не так уж молода, поблагодарила, надела влажную сандалию на подсохший на солнышке носок и попрощалась...

7 октября 2016 г.

Не знаю, зачем это пишу, не то чтобы пожаловаться, а так, пар выпустить немного. В последние дни приняла решение, которое, надеюсь, уже не изменится: распрощаться с радио «Воскресение» после 13-летней совместной жизни.

Недавно я получила очередные ценные указания руководства: о. Александра Меня нельзя даже упоминать. В этот раз упоминание было в новости о конференции «Меневские чтения» (новости у нас вообще-то ищет диктор, и потом читает на пару с ведущей дня. Но когда я работаю в выходные, то несколько выпусков готовлю сама, чтобы не читать людям «старости»). Как мне объяснили: слушатели у нас консервативные, чуть что — обрывают телефоны, обвиняют во всех смертных грехах и грозят писать Патриарху.

— Хорошо, — говорю, — вот бы понять логику. По Союзу идет протестантский мультит «Суперкнига», а про Меня и упомянуть нельзя, ну не странно ли. Особенно странно, что собрание сочинений Меня выходит по

благословию патриарха. Сколько лет прошу: дайте официальную бумагу — о ком можно, о ком и о чем нельзя, чтоб не было скандалов задним числом.

— Нет, — говорят мне, — интуиция должна быть, что можно, а что нет, ты у нас одна такая, все всё понимают отлично.

Да, интуиция у меня есть, а вот желания так работать что-то уже нет. Накопилось, устала. Так что через пару месяцев, думаю, прекрасный наш коллектив освободится от единственной паршивой овцы и воцарится полная гармония в эфире.

В преддверии увольнения написала святочный рассказ про наше радио:

ЭФИРНЫЙ, ИЛИ СКАНДАЛ НА РАДИО «БЛАГОДАТЬ»

Все знали, что он есть, хотя никто его не видел. И никто о нем не разговаривал. Потому что о таком не знали, как разговаривать. Для этого одно слово было — «искушение». И после уже нечего было обсуждать. Можно было бы еще сказать «бесовщина», но это слово хорошо подходило к разговорам о телепередачах, современной одежде, музыке, татуировках, а как на православном радио такое могло быть, никто не знал, поэтому все предпочитали делать вид, что ничего не происходит.

Легче всего делать вид было тем, кто не имел касательства ни к какой технике. Для них любые непонятные косяки были просто ошибками сотрудников. Они страшно злились, порой орали и даже топали ногами, когда куда-то пропадали их передачи, файлы с начитанными объявлениями и рубриками, или запись получалась с браком. Вроде все микрофоны стояли правильно, и настроено все было аккуратно, и микрофоны выведены, какие надо, но в итоге у ведущей голос выходил как из бочки, а у батюшки — с перегрузом, то есть так, будто он говорил в миллиметре от микрофона и периодически в него плевался.

Случалось все это не настолько часто, чтобы бить тревогу или увольнять кого-нибудь, так, раз в месяц примерно. Да и кого было увольнять. На радио «Благодать» работали девять человек за рубль восемь копеек. За рубль работала начальница Лена Валерьевна, и еще восемь человек каждый за свою копеечку. Хорошо было тем, у кого плюс к копеечке еще была пенсия.

Они приходили на работу развеяться и отдохнуть. Ведущая Галочка с голосом сладким и приторным как лакричный сироп, записав свои передачи, объявления и рубрики (типа «советы новоначальным» или «наставления старца Павсикакия о семейной жизни»), еще часа три до окончания и без того краткого рабочего дня болтала со своей коллегой Алевтиной Лаврентьевной, дамой старой коммунистической закалки, с голосом, которым раньше уместно было зазывать на стройки коммунизма, а ныне – призывать покупать именные кирпичики для возведения Храма-на-реке. Болтали они о телепередачах, сериалах, личной жизни известных актеров, детях и внуках, которые жили где-то на растленном, загнивающим Западе, о косметических новинках и, конечно, о болячках и способах их лечения осиновым и тополиным маслом и гомеопатическими шариками травницы Татьяны Удалых.

В то время как они обсуждали все эти животрепещущие темы, ведущая Мариша пыталась работать, периодически, без всякой надежды на успех, робко делая коллегам замечания. Она монтировала и готовила к эфиру свои и чужие передачи, за что к своей одной копейке получала еще полкопейки сверху. Именно Мариша, а также Лиля и Света, звукооператоры эфира, чаще всего сталкивались с его проделками.

Мариша была особой, вечно не уверенной в себе, поэтому в его существовании она тоже была не уверена. Да, она «накидала» программу на сутки до 11 часов следующего утра и, уходя, вроде бы всё проверила, пробежалась глазами по блокам – нигде никаких дырок не было. А потом выясняется – в три часа ночи после псалтири и до новостей в 4 утра радио молчало целых 15 минут. Хотя в расписании стояли песнопения. Ну да, это было какое-то козлогласие, но что делать, благозвучного в базе было не так много – на музыкальном редакторе сэкономили. И хорошо еще, что Марина успевала увидеть пустоту в расписании, неизвестно откуда взявшуюся и срочно «забить» ее. Было что предъявить начальнице и сказать: «Знать ничего не знаю, ведать не ведаю, это какой-то глюк, у меня все было нормально». «Вот старость не радость», — думала при этом сорокатрехлетняя Мариша.

К десятилетию радио, которое отмечали в Рождество, сладкая Галочка выпустила стенгазету. Где-то накопили старых фоток, специально сняли начальницу в зеленом платье с шефом – епископом Борисом, они

трогательно держали вместе наушники и слушали типа как радио «Благодать» – она правым ухом, а он – левым. Было много фоток сладкой Галочки в платочке и без платочка, в студии с батюшками и во дворе студии – с владыкой, и в паломничестве, интимно прижавшейся к диктору Кузьме Николаевичу (на фоне купола).

— А это кто, симпатичный такой, с бородой? – спросила Маришу звукооператор Лиля, приятная фигуристая женщина, многодетная, но на удивление далекая от православия — и такие тут тоже работали, как ни странно.

— А это ж первый наш директор, — ответила та, — Алексей Викторович.

— Ну, я ж не знаю, — сказала Лиля, — я ж пять лет назад пришла. А куда он делся?

Марина вздохнула:

— Умер он.

— О, — уважительно сказала Лиля. — А отчего?

— Это долгая история, — уклончиво сказала Мариша.

— Расскажешь как-нибудь?

Рассказывать совсем не хотелось. История была гадкая, хотя истории о смертях редко бывают приятными. Но, наверно, если бы Алексей Викторович блаженно упокоился от долгой и продолжительной болезни, исповедовавшись и причастившись Святых Тайн перед кончиной, то рассказывать было бы – если не приятно, то хотя бы безопасно. А так – про покойника никто на радио не говорил, кроме как вполголоса, и то редко.

Радио «Благодать» придумал именно Алексей Викторович. Ходил к владыке Нестору, убеждал, что епархии позарез нужно свое радио. Его и сделали редактором – он знал все правильные православные слова («простите, благословите» и прочие), имел некоторый опыт работы в СМИ и филологический факультет в анамнезе, а также убедительную густую с проседью бороду и вкрадчивый баритон. Спустя восемь лет со дня его кончины в базе все еще хранилась заставка с его голосом: «Вы слушаете православный радиоканал «Благодать»», — очень приятная, будто теплым елеем мажут лобик. Мариша ставила ее по ночам и воображала, как одинокие православные тетеньки трепещут и вздыхают от этого голоса.

Куратором и духовником радио был назначен иеромонах, а ныне уже епископ Борис (Крысаков), высокий господин метросексуального вида с мушкетерской бородкой, одевающийся в дорогих магазинах и всегда благоухающий элитным парфюмом-унисекс. Борис, по непонятной причине, Алексея Викторовича возненавидел люто. На беду, несчастный редактор был мягким, вежливым и безответным, типичным гнилым интеллигентом, а Борис за словом в карман не лез, не чуждался обценной лексики и барственно хамил абсолютно всем подчиненным. Всех женщин на радио, чтобы не запоминать имен, он звал «тетеньками», вне зависимости от возраста, и всем тыкал, в том числе и тем, кто старше. Алексей Викторович тоже был старше его лет на 15, если не 20, и страшно ежился и вздрагивал первое время, когда «куратор» ему тыкал. Потом привык, но головомойки от Бориса выслушивал с растерянным видом, наклонив голову набок, время от времени своим мягким извиняющимся голосом пытался что-то возразить, поправляя очки, но вскоре и возражать перестал, будучи не раз посланным за такую наглость по всем известным адресам.

Наблюдающие этот каждодневный абьюз радиодамы Алексею Викторовичу, конечно, сочувствовали, но симпатии их были на стороне сильного, каким они, безусловно, воспринимали отца Бориса. Шеф-куратор очень быстро дал всем понять, что начальник – он, а вовсе не жалкий симпатяга и недотёпа Алексей Викторович, который ничего важного не решал.

За годы, прошедшие со времени кончины первого редактора, отец Борис сильно возвысился – от иеромонаха до викарного епископа, плюс к радиоканалу «Благодать» открыл собственное телевидение «Православная Звезда», объединив то и другое в медиахолдинг, вещающий через спутник на все части света вплоть до Антарктиды. Характер у него стал чуть мягче, теперь не каждый сотрудник, посмеявший ему возражать, увольнялся в тот же день, истерически орать матом он тоже стал реже – видимо, отстроенный шикарный дом в элитном коттеджном поселке с зимним садом, парниками, бассейном и подземным гаражом как-то согрели его мятущуюся душу.

Мариша сама себе удивлялась, как долго она держится на радио, притом, как явно не переваривает ее начальник. Он никогда не звал ее по имени, а только – «Голос Америки», и любил говорить, что она – девушка «ненадежная». Ненадежность заключалась в том, что Марина любила отцов Меня, Шмемана и владыку Антония, коих на дух не переносил отец Борис, и

даже порой дерзала упоминать их в эфире, за что каждый раз получала нагоняй от непосредственной начальницы Лены Валерьевны.

Лена Валерьевна дружила с шефом, у них было много общего – загородные дома, страсть к кошкам и консюмеризму. Не особенно стесняясь сотрудников, они частенько обсуждали покупки золота-серебра, антиквариата и парфюмерных новинок. Марину Лена Валерьевна и отец Борис терпели по одной простой причине – найти человека, который столько работал бы за такие копейки и был при этом надежен и ответственен во всем, кроме мировоззрения, представлялось проблематичным.

Он не знал, кто он теперь и к какой категории духовных сущностей относился. Всё оказалось совсем не так, как писали в своих умных и малопонятных книжках святые отцы. Он был эфирным, как другие становились домовыми, но был ли он одним из многих или единственным – он не знал. Он просто качался на волнах знакомых голосов, парил в монтажной и студии продакшн под потолком, порой играл с кошками (их жило несколько на разных этажах здания, шеф был котофилом, а сотрудники обязаны были убирать за котами и кормить их), они его видели и позволяли дуть на себя, ероша шерстку, иногда незаметно убирал какую-нибудь чепуху из программы или портил запись, когда ему не нравилось, что несли в эфире напыщенные попы или глупые восторженные тётки.

Когда он выплыл из своей потрепанной оболочки в тот страшный день, не было никаких туннелей, ангелов, бесов и мытарств, он просто полетал по своей одинокой неприбранной квартире, с облегчением подумал, что больше ему не нужно мыть за собой посуду, выносить мусор и делать десятки ежедневных бессмысленных дел, а также не надо ходить на работу и видеть крысиную физиономию начальника. После того знаменательного события он вернулся домой таким счастливым, что, наконец, сделал то, о чем давно грезил каждый день, и таким несчастным, что поступил не по-христиански, и что не сможет больше читать на радио свои любимые псалмы и отвечать по телефону приветливым старушкам, не сможет учить Марину говорить «дорогие братья и сестры», одновременно улыбаясь («Да, этого никто не видит, но попробуй, и голос будет ласковым, а не строгим!»), – что просто лег на диван и умер. Порвался какой-то маленький сосуд в голове, все заволкло жаркой болью, а потом настала свобода.

На родном радио он оказался после того, как изрядно поболтался по городу, побывал на собственных похоронах (шеф не почтил их своим присутствием) и исполнил всегдашнюю мечту – поприсутствовал в алтаре во время литургии (только расстроился, когда увидел, что батюшка, которого он считал очень духовным человеком, писал сэмэску любовнице: «И я скучаю, устал»).

Он не только качался на волнах голосов, он практически ими питался, по крайней мере, вне радио, как ему казалось, он бы долго не протянул. Голосовая диета была однообразна. Ледяного, с жестяными интонациями голоса Лены Валерьевны он избегал – и так все время зяб. Оставались – теплый детский голосок Марины, в последние годы приобретающий некоторый эротизм, вялый тусклый голос Алевтины Лаврентьевны, бодрый комсомольский голос Татьяны, дочь которой до своих 12 лет не читала ничего, кроме учебников, житий святых для детей и Евангелия, и запрещала матери краситься и ходить с непокрытой головой. Изредка в качестве десерта можно было причаститься сладкому голосу Галочки, но переборщить было опасно – даже эфирное тело испытывало подобие тошноты.

Он сам не мог понять, как может находиться в одном здании со своим заклятым врагом. Даже будучи эфирным, он избегал соседства с Крысаковым, тот вызывал в нем омерзение, смешанное со страхом, а из сотрудников ближе всех ему была Мариша, которую шеф невзлюбил почти как его когда-то. Ему очень хотелось быть рядом и поддержать, когда настанет ее черед дать отпор начальнику.

— И все-таки, отчего он умер-то, ты так и не рассказала, — отпивая кофе, стала настаивать Лиля.

— Ох, — вздохнула Марина. — Ну, шеф его невзлюбил, это я тебе говорила?

— Говорила вроде, дак он никого не любит, и что?

— И то. А Алексей Викторович он такой, из смиренных и терпеливых, которые терпят-терпят, терпят-терпят, а потом... бабах! — и взрыв. И все удивляются – чего это они.

— Что за бабах? — уточнила Лиля.

— Говорят, что он пришел что-то шефу предложить, какую-то новую рубрику, что ли. А тот, как обычно, его унизил да еще в присутствии наших дам,

которые в это время у шефа тусовались. И все думали, что он это съест, как обычно, скажет «извините» и уйдет. А он взял и шефу по морде врезал.

— Нифигасе! – ахнула Лиля. — Так-таки по морде, отцу Борису? А тот что?

— А тот, кажется, чем-то в него кинул. Вроде Библией, говорят. И орал благим матом на весь этаж, чтоб больше ноги Алексея Викторовича на радио не было. Алексей Викторович ушел домой, а на другой день не пришел. Звонить ему никто не решился ни в этот день, ни в следующий. Потом позвонили из бухгалтерии, узнать, когда он придет увольняться. Звонили-звонили – без толку. Неделя, в общем, прошла, пока какие-то соседи милицию вызвали. Жил-то он один, давно в разводе, сын взрослый уже, никто не хватился. Видимо, он как пришел в тот вечер домой, так лег и умер.

— Инфаркт?

— Не знаю, я в то время тут на договоре была, появлялась раз в неделю. Как раз пришла записываться и узнала. Похоронили здесь, кстати, воон, если из того окошка смотреть – в ту сторону примерно где-то его могила, — Мариша махнула рукой в окно, за которым виднелись кресты и советские памятники с ржавыми оградками старейшего в городе Семеновского кладбища.

Марина давно мечтала уволиться. Радио она любила, но от коллег устала. Когда они не обсуждали телепередачи и актеров, они клеймили бездуховность американцев и европейцев, восхищались родным президентом и возмущались информационной войной, которую вели враги Церкви. От православия Мариша тоже устала за последние годы, в храм ходила все реже, православные книжки читать перестала, а еще влюбилась в одного симпатичного целибатного батюшку, с которым познакомилась на курайнике. Она понимала, что ей не место на православном радио, но деваться было совершенно некуда, кризис и возраст давали мало надежд. Иногда думалось, что вот пусть бы уже Крысаков ее уволил, тогда безвыходная ситуация подтолкнула бы ее в верном направлении. Она с упоением представляла, как последний раз выйдет в прямой эфир перед тем, как уйти, и скажет все, что думает – о Системе, начальстве, президенте и патриархе, но дни шли за днями, месяцы за месяцами, и ничего не менялось.

В новогодние каникулы, все 10 дней, эфир шел «на автомате». Накануне Нового года работы было очень много, ведущим надо было заранее приготовить все передачи и рубрики, диктору начитать новости –

православные новости легко можно читать заранее, в них все равно ничего нет про события и происшествия, а только про ремонт храмов, крестные ходы и всякие конференции. Звукооператорам надо было заполнить каждую минуту эфира в течение недели вплоть до рождественской ночи, когда должна быть трансляция службы.

Маришу 30 декабря сразила мигрень, и «накидать» свои несколько дней она полностью не смогла, пришлось прийти 8 января вечером, чтобы подготовить эфир на ближайшие два дня. Она любила быть на работе одна, в перерывах можно было включать громко «Океан Эльзы» или «Сплин» и танцевать. А еще можно было воспользоваться рабочим телефоном и позвонить другу на мобильный телефон на другой конец страны. И вдоволь поплакать после разговора – дома это было исключено: что бы она сказала сыну, десятилетнему Павлику? Мальчик еще недавно мечтал стать священником, вряд ли он одобрил бы роман своей мамы с батюшкой.

— Да, — сказал Мариша, — поглядывая на фотографию бывшего директора, еще живого, сидящего в студии у микрофона и ласково улыбающегося в камеру, — вот так вот всё хреново, Алексей Викторыч. Тебе там, поди, хорошо, а вот мне-то тут не очень.

Мариша высморкалась, вытерла мокрое лицо, налила себе чай и снова уставилась в монитор. Отчего-то стало сильно клонить в сон.

— Я на минутку только, — сказала Мариша неизвестно кому и положила голову на руки.

Пожалуй, в ночь с 8 на 9 января был самый фантастический эфир за всю историю радио. В полночь прозвучала проповедь никому не известного священника из тверской деревни, отца Федора Простопопова. Вернее, пользователям соцсетей он был известен давно – писал в ФБ под ником Иван Кочерыжкин всю правду-матку о Мордоре, как он называл иерархическую систему МП. В проповеди отец Федор сказал, что Господь пришел для всех и любит всех, а не только православных, которые достали Его как раз больше, чем другие; призывал к дружбе с католиками, протестантами и даже буддистами, убеждал христиан не забывать о сексе как одном из прекрасных проявлений любви к ближнему, назвал гомосексуалистов «детьми

Божиими» и категорически запретил всем, кто хочет стяжать спасение, брать в руки оружие и отпускать детей в армию.

После этого в эфир вышло подряд несколько песен Цоя, потом почти весь «Русский альбом», потом несколько хитов «Серебряной свадьбы» и песня группы «Седьмая вода», в которой рассказывалась трогательная история любви молодой прихожанки к священнику. Как апофеоз всего этого безобразия дивный голос Леонарда Коэна запел «Hallelujah». Когда звучало «I'll stand before the Lord of Song With nothing on my tongue but Hallelujah», на радио ворвался разбуженный под утро технический директор Андрей. Дверь в эфирку оказалась забаррикадирована. Пока дождались рабочих с инструментами, снесли с петель дверь, разгребли стулья и добрались до пульта, песня успела прозвучать двенадцать раз. Телефон в студии разрывался. Мариша спала, положив голову на руки, с блаженной улыбкой.

Симпатичный батюшка сразу после Богоявления отнес в епархиальное управление письмо владыке с единственной фразой «прощайте и не поминайте лихом», купил билет на самолет и с единственным чемоданом прилетел к Марише.

Сейчас она зарабатывает записью аудиокниг для подростков, православное радио продолжает вещать, правда, владыка Борис стал внимательнее относиться к составу трудового коллектива и от каждого требует раз в полгода справку об исповеди и причастии, а при приеме на работу использует детектор лжи.

Эфирный Алексей Викторович больше не дает о себе знать. О той святочной ночи никто не вспоминает, считается плохой приметой, а все передачи, сделанные Мариной, тщательно удалены из архива, а диски сожжены в контейнере на кладбище.

Пояснение к рассказу:

Прототип главного героя этого рассказа – покойный Виктор Александрович Дунаев, первый директор радио «Воскресение». История о том, как он был с треском уволен с радиоканала, у истоков которого стоял, которому посвятил все свое время и силы, после того, как ударил тогда игумена, а ныне архимандрита Димитрия (Байбакова), известна всем старым сотрудникам медиахолдинга.

Виктор Александрович по образованию был искусствоведом, с 1996 года вел еженедельную православную передачу на местном радио. Называлась она «Воскресение», как позже и радиоканал. Человеком он был, по моим впечатлениям, безмерно наивным и добрым – из тех, что так легко становятся мишенью хамов и абьюзеров.

Про ссору Виктора Александровича и о. Димитрия мне рассказывали так. Байбаков вызвал нашего редактора к себе и в свойственной ему хамской манере стал за что-то отчитывать и оскорблять, типа в порошок сотру и ты никто. И тут Виктор Александрович ему сказал: «Замолчи, дура» (именно в женском роде). Игумена это взбесило еще больше, и он стал наступать на Дунаева, размахивая руками. И тут Дунаев отмахнулся от него и смазал ему по щеке. Если это было так, то Виктор Александрович пострадал ни за что, а хам-начальник остался безнаказанным, не получив даже настоящей пощечины, что делает действительность куда трагичней моего рассказа.

После конфликта с начальником и увольнения Виктор Александрович не умер, как в моем рассказе. Случилось это несколькими годами позднее. Я встречала его последний раз на православной ярмарке, он мечтал вслух о том, как найдет спонсора и сделает свое православное радио, на которое обещал позвать меня.

Его несправедливое изгнание с радио было не единственной гадостью, которую сделали с ним чиновники РПЦ. В 2010 году все местные СМИ пестрели заголовками о возможном банкротстве епархии, которая задолжала бизнесменам много миллионов. Тогда же стало известно еще про одну некрасивую историю, СМИ цитировали Виктора Александровича:

«Три года назад помощник архиепископа Викентия Александр Алексеев сказал мне, что епархия хочет взять кредит в банке на развитие, и попросил меня заложить под этот кредит мою квартиру. Я согласился. Они взяли кредит, но денег оказалось мало. Тогда Алексеев попросил меня взять кредит уже на мое имя. Я взял 2 млн рублей в Промсвязьбанке. Мне их дали потому, что Алексеев без моего ведома в документах указал, что я в месяц получаю по 200 тысяч рублей. Обязательства выплачивать кредиты взял на себя архиепископ, но за все время епархия оплатила лишь мизерную сумму порядка пары сотен тысяч рублей, — рассказывает Виктор Дунаев. — Потом в 2009 году меня уволили с радиоканала «Воскресение», который я же и создал. Трудовую книжку мне испортили, и теперь я даже не могу встать на

учет по безработице. Летом 2011 года мне надо погасить кредиты. Но денег у меня нет, боюсь, что случится страшное».

Бывшая сотрудница медиахолдинга рассказывала мне, что встретила Виктора Александровича летом 2010 года, он был обросший, худой, в поношенном плаще, бывшую коллегу не узнал, и ей показалось, что он не в себе.

Оказалось, что за годы после увольнения наш бывший директор перенес инсульт. Работы он не нашел, на нем висели кредиты. На форуме портала Е1 доброты собирали для него деньги на продукты – он голодал. Знал ли кто-то на нашем радио о его отчаянном положении? Разговоров об этом не помню. Помню, что как-то собиралась ему позвонить, может, раз и звонила. А потом, как это обычно бывает, закрутилась и забыла. И это очень стыдно и горько...

8 октября 2016 г.

Вчера еще услышала от начальств дивную фразу: «Отец Александр Мень не принят нашей Церковью!» Я даже в легкий ступор впала. Ну, что на это скажешь? Конечно, если для кого Церковь – это наш шеф, архимандрит Димитрий, то тогда да. Помню, как-то он остановился у моего стола, а у меня на пачке книг сверху лежала книжка Василевской «Катакомбы XX века» и рядом «И было утро» — сборник воспоминаний об о. Александре. Он книжку в руки взял, потряс и, обратно кладя, говорит: «Ты давай-ка осторожнее с этим».

24 октября 2016 г.

Вчера владыка произносил после службы напутственное слово семинаристам (у семинарии юбилей). Основное пожелание и установка — будьте послушны. А то есть некоторые, которые ропщут то на одно, то на другое. А всего и надо — послушание. Куда пошлют — туда и езжай, что благословят — то и делай. И будешь хорошим пастырем.

28 октября 2016 г.

О, если бы мне удалось это запечатлеть! Один колоритный старый батюшко к нам регулярно приходит. И он — носит шляпу! Не такую, как дореволюционные попы, а натуральный цилиндр! Седая растрепанная борода, пальто, палка — и цилиндр!

13 ноября 2016 г.

Уже одеваясь, слушала ответ одного батюшки на вопрос: «Чем отличаются православные от католиков». «Ну, как бы вам объяснить... Вот такая аналогия: были у отца два брата, близнецы. Жили они, жили душа в душу, а потом один говорит: мой отец — Ленин, а мать — гулящая женщина, а сами мы живем на помойке. Ну, и как с ним говорить после этого?» Занавес.

Знакомая девушка рассказывала, как разительно меняются молодые люди после рукоположения, она нескольких таких знает. Один уже через полгода после того, как стал священником, едет с бывшим мужем этой девушки к какой-то бабушке освящать хату. Выходит, недовольный: «всего тысячу дала» (перед этим бабуля еще в лавке оплатила требу). Другой, пристроившийся служить в собор, откровенничает: люблю исповедовать, а служить не очень, хорошая традиция у нас — перед исповедью денюжку кладут батюшке. Второй раз за год семью на море везет.

22 декабря 2016 г.

Задала вопрос коллегам из опроса «Среды»: «Какое из утверждений вы считаете правильным: Святой Дух исходит и от Отца, и от Сына или Святой Дух исходит только от Отца?»

Молчат. «Трудно». Потом одна дама говорит: «Я считала, что от Сына». Вторая: «По-моему, от Отца и Сына». Обе на праврадио больше 10 лет, очень православные, меня считают «прокатолически» настроенной.

23 декабря 2016 г.

Пребываю в растерянности. Хотела в передаче «Неделя в истории» рассказать о поэте Дмитрие Кленовском. Перечитываю его биографию и начинаю сомневаться, больно она у него по нынешним временам неподходящая. Эмигрировал в 1942 году с женой-немкой в Австрию, а в 43-м — в Германию. И больше никаких подробностей. Получается, ушел с немцами. Еще несколько лет назад я спокойно говорила о нем, особо не задумываясь, — ушел человек от большевиков. Религиозный поэт, между прочим. А сейчас скажут: ага, предателей Родины пропагандируешь? Пособников фашизма? Задумалась...

27 декабря 2016 г.

Мировой суд Владивостока постановил конфисковать у «Армии спасения» и уничтожить религиозную литературу, в том числе Библию и Евангелие.

Вспомнила, как отдыхали в санатории, а там ходили миссионеры из «Армии спасения» и раздавали бесплатно Евангелие. И меня это возмущало, потому что некоторые брали, а потом выбрасывали. И я из какой-то грязной ямы вытаскивала листочки, чтобы они так не валялись. Где верующие с оскорбленными чувствами, ау?

29 января 2017 г.

— Братья и сестры, в сегодняшнем Евангелии... — отец Ксенон замолчал и погладил бороду. Потом откашлялся, и задумчиво, глядя поверх голов прихожан, произнес: — Ведь не только о гордыне эта притча о мытаре и фарисее. Она о том, дорогие мои, что не хотим мы в ближнем видеть своих. Верующий не хочет видеть ближнего в атеисте, русский — в гастарбайтере, богатый — в бедном, мужчины — в женщинах, гетеросексуалы — в гомосексуалистах. Мы благодарим Бога, что не похожи на тех, кто нам не нравится. Даже атеисты — уверяю вас, братья и сестры, — благодарят Бога за то, что они не так глупы, как верующие. Нехорошо это, дорогие, — последние слова отец Ксенон сказал тихо и почти неразборчиво, потянув себя за бороду и обнажив голый, почему-то синего цвета, треугольный подбородок. Потом дернул левой рукой правую, и она со стуком упала ему под ноги. Выползшее из пустого рукава рысы щупальце вытянулось и нежно погладило по голове маленького мальчика, в немом восторге смотрящего на преобразование батюшки.

— Вот об этом я и говорил, — изрек отец Ксенон, подбирая полы рысы, чтобы переступить через лежащих в обмороке прихожан.

17 марта 2017 г.

Частая реакция старых людей на любую информацию об изменениях в жизни семьи: «Не пугайте меня». Не отъезд за границу, не тяжелая болезнь, не развод, что-то совершенно не судьбоносное. Всё равно — не пугайте.

И вот эта реакция мне что-то напоминает. Церковь — она же старуха только по возрасту, а так-то она — Невеста, вечно юная. А нас хотят убедить, что страх перед любой переменой — это реакция Церкви, а не части ее окостеневших членов.

23 марта 2017 г.

Сажу себе работаю, никого не трогаю. Вдруг меня окутал знакомый аромат. «Хм, — говорю, — странно как. Чем-то кондитерским запахло, ванильными булочками, да как сильно!»

А мне вполголоса: «Так это от отца Дмитрия».

И правда, сообразила, что только что начальник мимо прошел — в новом парфюме.

Перед уходом повторила «Неделю в истории» памяти о. Михаила Шполянского. Удивилась снова, когда переслушивала, что не было скандала по его поводу, хотя я там говорю, что он подвергся гонениям от своих же.

6 апреля 2017 г.

Не для удовольствия, а пользы ради приходится порой заходить на поповские страницы Вконтакте. Мама родная, какая же это тоска зеленая на 99%. Открытки пошлые, перепосты из правпрессы, фоточки со службы, освятил то-то, участвовал в таком-то мероприятии, а вот я и наш архиерей дорогой. Бедные, бедные попы. Такое ощущение, что их обязали вести страницы в соцсетях, и они знают, что кто-то их там отслеживает, и боятся слово лишнее вякнуть...

8 апреля 2017 г.

Так интересно. По Союзу транслируют с какого-то канала «Слово» беседу о. Георгия Митрофанова с какой-то гламурной девицей в стиле а-ля рус. А у нас о. Георгий в стоп-листе, несколько лет назад его лекции о русской истории прервали и сказали: его в эфир больше нельзя. Значит, холдинг один, хозяин один, но правила для ТВ и радио разные.

13 апреля 2017 г.

Когда долго не был там, где раньше бывал часто и подолгу, начинают поражать вещи, на которые раньше не обращал внимания. «Так и надо». «Ну, положено». «Просто ты дура и ничего не понимаешь. А вот если бы изучила литургику, поняла бы».

Вот служба сегодняшняя, Страстные Евангелия. Ведь какой она прекрасной могла бы быть. Но тогда она не была бы службой. А чем-то другим. Человек,

которого любишь, умирает в агонии на кресте. А до этого ты слушаешь, как Его предают, над Ним измываются всякие сволочи. А ты не бьешься в истерике от невозможности ничего изменить и спасти, не кидаешься с кулаками на мучителей, не рвешь волосы на себе, а этого Человека на кресте занудно просишь: дай мне то да подай это. Это ектении. И они выглядят так ужасно среди отрывков из Евангелий и песнопений, некоторые из которых гениальны, что хочется всего этого не видеть и не слышать.

И театр этот. Позевывая, переминаясь с ноги на ногу: поскорей бы все это кончилось! — то гасят, то суетливо ходят туда-сюда со свечами, и поют занудно прекрасное «Тебе одеющегося светом», как будто это поется каждый день и надоело, и читают на красивом языке, который без книжки в руках никто почти не понимает... заученно, механически.

Может, это эффект «ушей Каренина»? Может...

17 апреля 2017 г.

Завтра последний будний день, когда я встаю рано, чтобы идти работать за пультом. Последний в жизни. Не знаю, грустно это или весело. Но, как ни странно, мне нравилось работать звукооператором. Особенно приятно было приходить в субботу, когда никого нет, просто райское занятие для интроверта – сидишь в эфирке, включаешь трансляцию, потом «накидываешь» расписание на ночь и утро, потом идешь в студию, записываешь что-нибудь на следующую неделю или монтируешь впрок. Потом уводишь трансляцию, все проверяешь как следует, закрываешь, едешь домой.

У меня уже была договоренность с руководством, что я ухожу из ведущих дня, буду делать отдельные передачи, даже список рубрик уже обсуждали, ну и останусь на звукооператорской работе. Но вышло так, что приходится уходить совсем. В ближайший четверг последний раз отработаю ведущей дня, и через несколько дней – прощай, радио.

Последние дни собираю свои манатки – а манаток много. Примерно пара сотен книг, которые я принесла из своей безмерно разросшейся домашней библиотеки – в основном, духовная литература. Пользовались этой библиотекой мало, но книжки красиво стояли в шкафах, придавая интеллектуальный флер нашему помещению. Наткнулась на объявление о том, что в одном храме устраивают благотворительную книжную ярмарку,

вырученные деньги пойдут на помощь малоимущим. Позвонила, обещали заехать, забрать. Кое-что увезу домой. Разбирала толстые папки, тоже принесенные из дома – архив текстов «Православного календаря». В основном это рукописания – когда начинала работать на праврадио в 2003 году, компьютера у меня еще не было. Сфотографировала на память и выбросила.

Скачиваю потихоньку все интересные передачи из своего аудиоархива – жалко будет терять.

Есть ценная для меня запись прямого эфира с о. Андреем Кураевым. Из нее потом для повтора было вырезано слово на букву «б», которым он назвал певицу Мадонну. Есть интервью с о. Андреем Дудченко, записанное 2 декабря 2013 года по скайпу. Мне показалось, что после разгрома молодежного лагеря на Майдане, при дефиците трезвой информации, после новостей, с одобрением сообщающих о крестном ходе против евроинтеграции, было бы очень здорово послушать, что расскажет очевидец событий, священник Украинской Православной Церкви.

Отец Андрей был в тот момент в ста метрах от площади Независимости. Объяснил, что граждане Украины хотят ухода Януковича, что большинство людей, участвующих в протестах, настроены мирно, что демонстрации проводят лидеры так называемого «политического православия» и т.д. Пятнадцатиминутная передача получилась очень интересной, на мой взгляд.

Это было вечером, и о. Андрей у себя в ФБ написал, что дал комментарий нашему радио. Но как в воду глядел один из комментаторов-украинцев, который сказал, что в эфир это не дадут, а журналисту еще и по голове настучат. Настучать не настучали, но эфира не было. Оказалось, что в верхах мониторят ФБ, на радио позвонили от г-на Легойды и спросили: «а не собираемся ли мы давать в эфир о. Андрея Дудченко?» Надо отдать должное моей непосредственной начальнице: она, как здравый человек, ничего криминального в интервью не услышала и разрешила дать в эфир. Но господа из СИНФО дали понять, что эта затея им не нравится. Я предложила отправить им файл, на этом и порешили, казалось бы.

Но тут позвонил наш на тот момент формальный начальник, игумен Вениамин. Им временно заменили шефа в результате неких подковерных интриг. Именно он потом говорил прессе, что Церковь не может «насиловать прощением» Соколовского. В категорической форме он повелел передачу в

эфир не давать, и вообще о. Андрея Дудченко – низзя. Видимо, ему позвонили из Москвы и устроили взбучку, что плохо следит за тем, что на радио делается. Так и попал о. Андрей в наш стоп-лист, в компанию хороших людей.

24 апреля 2017 г.

Сегодня был мой последний день. Последние манатки унесены домой, со всеми, кто хотел попрощаться – попрощалась.

Исторический документ — заявление об увольнении, бланк очень смешной, на нем напечатано: «Прошу Вашего благословения уволить меня...» Я вставляю: «24 апреля 2017 г.». Ниже пустая строчка, под которой написано: «указать причину увольнения». Ах, как много этих причин, строчки не хватит. Мне кажется, что я абсолютно спокойна. Но судя по грубой орфографической ошибке, которую заметила постфактум – не совсем. Я пишу: «в виду острых этических разногласий». Только позже поняла, что над строкой о благословении надо было написать: «Для увольнения мне ваши благословения не нужны».

Господи, спаси... неблагочестивыя. А благочестивые и сами спасутся.

ЧАСТЬ II. БЫВШИЕ И НАСТОЯЩИЕ

ТРУЖЕНИК РЕВНОСТЫЙ И НЕУДАЧНИК

Сын бедного пьющего чувашского дьячка, постриженный в монахи из-за несчастной любви, первый раз наказанный духовным начальством за то, что под видом келейника держал при себе любовницу – беглую крепостную; начальник пекинской духовной миссии, сосланный на Валаам за «злоупотребления и развратное поведение»; один из основоположников русской синологии, выдающийся китаевед и переводчик, неоднократный лауреат Демидовской премии, член-корреспондент императорской академии наук, почётный иностранный член Парижского Азиатского общества, знакомец Пушкина и Зинаиды Волконской, друг знаменитого историка Михаила Погодина и декабриста Николая Бестужева – все это Никита Яковлевич Бичурин, в монашестве Иакинф.

В 80-е годы XX века востоковед Владимир Кривцов написал роман, посвященный Бичурину, в предисловии к которому, отдавая дань советской идеологии, писал о своем герое как об «убежденном атеисте и вольнодумце, по печальной иронии судьбы всю жизнь связанном с церковью и самой мрачной ее ветвью – монашеством». Судя по воспоминаниям современников, вольнодумцем его действительно можно назвать, но вот выводы о его атеизме, конечно, поспешны. Впрочем, могла ли выйти в СССР книга, посвященная монаху-ученому, без такого идеологически выверенного предисловия?

Н. Моллер (к сожалению, имя ее неизвестно), которая называла отца Иакинфа — двоюродного дядю своей матери — просто дедушкой, помнила его с раннего детства, и оставила о нем трогательные мемуары, опубликованные в 1887 году. Она вспоминала, что он никогда не постился, *«даже запаха постного масла не мог слышать. Если в посту он приезжал к нам во время обеда, то сидел за столом, не касаясь никакого блюда. Когда же ждали его обедать, то готовили для него одного скоромные кушанья»*. Моллер хорошо запомнила привычки о. Иакинфа, который часто подолгу жил в семье своей двоюродной племянницы в поселке Мурино под Петербургом.

«Завтракал дедушка в одиннадцать часов, всегда у себя на балконе и также не смотря ни на какую погоду. Завтрак его был всегда один и тот же — яйца или простокваша, которые он ел всегда без хлеба. За обедом и завтраком выпивал по стакану красного вина. Водку, как мне помнится, не пил, но шампанское очень любил, и у нас пили его при всяком удобном случае. Вообще он ел так мало, что все удивлялись, чем он только живет. После обеда около часа проводил с нами, курил сигару, пил пунш и вел дружескую беседу».

«...Ходил он с палкой, подобную которой мне больше не случалось видеть. Если ее поднять и махнуть ею сверху вниз, то из конца ее выскакивал довольно большой кинжал. Эту палку он привез из Китая и прятал ее далеко от детей, никогда не забывая ее у нас».

Моллер рисует удивительно симпатичный образ своего любимого дедушки:

«Называл он меня: «моя махонькая, козочка, золотая курочка», но чаще «махонькая». Он исполнял все мои детские прихоти и никогда ни в чем не отказывал».

Наша мать хотя и была характера веселого, беспечного, но очень настойчива. С детьми же она обращалась строго, почти деспотически. За каждую ничтожную шалость наказывала, а за более крупную даже и секла.

Дедушка не любил и сердился всегда, когда наказывали детей, в особенности терпеть не мог розог.

Помню, бывали крупные разговоры между ним и матерью по поводу наказания детей. Он горячился, бранился и доказывал, что наказывать детей не следует и в Китае их никогда не наказывают, а между тем все китайцы умные и хорошие люди.

Если, приехав к нам, он заставлял кого-либо из детей наказанным, он тотчас же настаивал на прощении.

Если же это было пред обедом, он не садился за стол до тех пор, пока провинившийся не был прощен, и сажал его обыкновенно около себя».

Когда «махонькая» повзрослела, мать рассказывала ей о дедушке забавные истории. Например, о том, как, переодевшись купцом и покрасив бороду, он ездил в театр на балет «Дива Дуная», где блистала известная итальянская танцовщица, а потом таким же тайным манером и в оперу. «Да и что он за монах, сама видишь; не постится, в церковь не ходит, даже лба путем не перекрестит, а монашеское все — просто ненавидит. Зато ученый вышел из него известный. (...) Много трудился он на своем веку, но и надурил не мало...»

Разноречивы отзывы об отце Иакинфе. Но понятно, что он был прежде всего ученым, исследователем, монашество его было следствием «романического» порыва, а не обдуманном шагом, оно тяготило его. Был если не атеистом, конечно, то во всяком случае малоцерковным и сомневающимся точно. По версии матери Н. Моллер, романическая история состояла в следующем: по окончании курса Казанской духовной академии он и его двоюродный брат полюбили одну и ту же девушку, оба ухаживали за ней, но никому из них она не оказывала предпочтения. Тогда они решили, чтобы не ссориться и сохранить дружбу — сделать предложение вместе. Тот, который будет выбран, женится, а другой пойдет в монахи. Никита проиграл. Исполняя уговор, принял монашество в 22 года и стал Иакинфом.

Фамилию Пичуринский он получил в семинарии – по названию села, в котором служил его отец, позже уже сам переименовал ее на «Бичурин». Интересно, что родные братья, обучавшиеся в Казанской семинарии, получали разные фамилии. Так, младшему брату Никиты Илье дали фамилию Фениксов.

Никита Бичурин был одним из лучших учеников семинарии, а потом и Академии, в которую она была преобразована, окончил ее, зная четыре языка – древнегреческий, латынь, французский и немецкий. Год преподавал грамматику в Академии, потом постригся в монахи, через несколько дней возведен в сан иеродиакона, еще спустя месяц – иеромонаха. Нам сегодня кажется, что пострижение и рукоположение юнцов – примета нашего времени, но нет – Иакинф стал иеромонахом в 23 года. Правда, при возведении его в сан иеродиакона в метрике был записан возраст в 30 лет – так были «соблюдены» каноны.

Уже через год молодой иеромонах стал архимандритом, настоятелем Вознесенского монастыря в Иркутске и ректором Иркутской семинарии. Головокружительной духовной карьере Иакинф был обязан своему покровителю – митрополиту Амвросию (Подобедову), который заметил талантливого юношу еще в семинарии. Злые языки причину такого покровительства видели в том, что Иакинф был якобы незаконнорожденным сыном владыки, что, конечно, совершенно фантастично.

В Иркутской семинарии о. Иакинф учредил богословский класс и ввёл преподавание светских дисциплин, довольно резко принялся реформировать порядки. Точно неизвестно, что вызвало недовольство семинаристов, но они стали шпионить за ректором и обнаружили, что под видом келейника он держит в келье женщину. Последовали беспорядки (наверняка под лозунгом «и этот человек учит нас не ковырять в носу»), была вызвана караульная команда, началось следствие, которое длилось три года.

Автор книги о Бичурине Владимир Кривцов, изучивший множество архивных документов, посвятил несколько глав своего романа истории отношений о. Иакинфа и крепостной девушки Натальи. Она сбежала от сластолюбивого прапорщика Харламова, была найдена юным иеромонахом в снегу, с вывихнутой ногой. Он приютил несчастную, а потом и выкупил из неволи. Вероятно, что и сошелся с ней, как обычно бывает в таких случаях, по любви или нет – нам уже не узнать. Но не бросил, возил с собой переодетую

мальчиком в качестве послушника Адриана. На следствии Иакинф и Наталья отрицали знакомство друг с другом, потом архимандрит сумел отправить её в Казань, и, наверно, как-то помог устроиться.

Сам же Иакинф был лишен архимандричьего креста и запрещен в священнослужении, отстранен от управления семинарией и монастырем и отправлен учителем в Тобольскую семинарию.

Не прошло и года, как владыка Амвросий помог своему протеже вернуть сан и стать начальником Пекинской миссии.

Миссия, которую возглавил наш герой, была уже девятой по счету (первая прибыла в Пекин еще в 1716 году). Православных албазинцев, которых он должен был укреплять в православии, было 35 человек, и, судя по тому, что через 12 лет их осталось 22 человека, особого миссионерского успеха Бичурин не добился. Зато оставил заметный след в мировой китаистике.

Занятия китайским языком он начал уже на следующий день после прибытия в Пекин, и тут же узнал, что словарей и пособий в русской миссии нет.

В китайской одежде он ходил по улицам Пекина, и если видел неизвестный ему предмет, просил его владельца назвать его и написать иероглифами это название. Далее учитель-китаец проверял правильность написания и произношения. Иакинф познакомился со множеством китайцев различных социальных слоёв, особенно с чиновниками из правительственных и дипломатических служб и с крестьянами загородных деревень. В итоге Бичуриным был составлен небольшой китайско-русский словарь.

Первый его серьёзный труд — перевод «Четверокнижия», свода канонических текстов, который считается введением в конфуцианство. Помимо этого, он сделал черновые переводы нескольких китайских географических и исторических трудов. С 1817 года Иакинф готовил описание Пекина, для составления карты которого исходил все улицы и переулки, перемерив их шагами.

В первое время дела и хозяйство миссии шли благополучно. Но в 1812 году правительство перестало посылать деньги на содержание миссионеров — оно и понятно, началась война. Русским пришлось существовать на скромное жалование от маньчжурского правительства, но этого не хватало, и они выкручивались, как могли: изучившие язык на должном уровне занялись адвокатурой, другие пустились в торговлю, а третьи — и в азартные игры,

остальные требовали денег у своего начальника. Бичурин стал продавать и закладывать церковные вещи, а часть здания, принадлежавшего миссии, сдал в аренду игорному заведению, а по некоторым сведениям — под публичный дом. Потом выяснилось, что начальник миссии последние годы не только почти не служил, но и в церковь редко заглядывал. Иакинф сосредоточился на научной работе и общении с местным населением, а один из камней с митры использовал для ношения на китайской шапочке.

В Пекине о. Иакинф пробыл почти 14 лет. Из Китая он увозил библиотеку, которая была навьючена на 15 верблюдов и весила около 400 пудов (6,5 тонн).

Эти книги составили первооснову китайских собраний Петербурга — Азиатского музея, Публичной библиотеки, университета.

Сразу после возвращения о. Иакинфа в Петербург Синод начал судебное дело о «злоупотреблении и развратном поведении» архимандрита и членов Девятой духовной миссии. К этому времени митрополит Амвросий, покровитель Бичурина, уже скончался, и защитить его было некому.

Синод, не приняв во внимание ученые заслуги Бичурина, лишил его священного сана и сослал в заточение в Валаамский монастырь — навечно, простым монахом. В 1824 году синодальное начальство сподобилось выплатить узнику 4100 рублей — вознаграждение за миссионерскую службу. Игумену монастыря велено было выдать ссыльному 100 рублей, а прочие деньги положить в банк с выплатой процентов «на разные его мелочные надобности, а наипаче на покупку книг».

Настоятель обители оказался гуманным человеком, в результате Иакинф мог позволить себе не тратить время на исполнение монастырского устава, а посвятить его научным занятиям. Через три с небольшим года благодаря хлопотам дипломата и писателя Тимковского, министра иностранных дел графа Нессельроде и Шиллинга, дипломата и востоковеда, Иакинф был отпущен из монастыря и переведен монахом в Александро-Невскую Лавру.

Надо сказать, что шестидесятилетний Бичурин надеялся избавиться от своего монашеского звания. Но если это удалось спустя три десятилетия архимандриту Феодору Бухареву при Александре II, то при Николае I прошение Бичурина было отклонено, хотя ходатайствовал за него сам Нессельроде. В то время Иакинф состоял переводчиком китайского языка

при бароне Шиллинг-фон-Канштате, при экспедиции его в Сибирь на китайскую границу 1830 году. (В той экспедиции, кстати, предполагалось участие Пушкина, но он не получил разрешения императора; за делопроизводство в команде отвечал приятель поэта — литератор В. Д. Соломирский.)

В своем обращении в Синод вице-канцлер писал:

«Находящийся ныне в Восточной Сибири по делам службы монах Иакинф, известный по глубоким познаниям своим в литературе Китая, и доселе не престающий обогащать наше отечество и самую Европу полезными сведениями на счет государства сего... — обратился в министерство с просьбою о предстательстве, дабы с него сложили монашеское звание, по тому уважению, что, при ученых его занятиях и по свойственным человеку слабостям, он не может с точностью и по совести соблюдать всех обетов монашества и что сан сей препятствует ему в свободном отправлении возлагаемых на него по службе обязанностей».

Синод готов был пойти навстречу странному монаху. Но царь указ не утвердил и распорядился держать Иакинфа по-прежнему в Александро-Невской лавре, «не дозволяя оставлять монашества». Однако пиллюлю подсластили — императорским указом Бичурину было назначено жалованье в 1200 рублей в год и ещё 300 рублей на письменные принадлежности, необходимые для работы переводчика. В порядке поощрения Министерство иностранных дел иногда выдавало ему единовременные премии.

Это позволило Иакинфу, формально оставаясь монахом, вести вполне светский образ жизни и быть завсегдаем литературных салонов. Среди его знакомых были: Пушкин (сохранилась его запись о том, что *«самым достоверным и беспристрастным известием о набегах калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком»*), Одоевский (в своем романе «4338-й год» Одоевский отправляет в путешествие по России китайского студента Цунгуева), Крылов, Панаев и многие другие литераторы.

Панаев так вспоминал о Иакинфе:

«Он обыкновенно снимал в кабинете Одоевского свою верхнюю одежду, оставался в подряснике, имевшем вид длинного семинарского сюртука, и ораторствовал о Китае, превознося до небес все китайское.

Он до того окитаился, вследствие своего долгого пребывания в этой стране, что даже наружностью стал походить на китайца: глаза его как-то сузились и поднялись кверху. Отец Иакинф говорил грубо, резко напирал на букву «о» и не стеснялся в своих выражениях.

Какой-то светский фронт перебил его однажды вопросом:

— А что, хороши женщины в Китае?

Иакинф осмотрел его с любопытством с ног до головы и потом, отворотясь, отвечал хладнокровно:

— Нет, мальчики лучше».

Советские исследователи считали, что мысль о снятии сана возникла у Бичурина после общения с декабристами – Бестужевым и Пуциным. Встретиться они могли в Петровском заводе (ныне г. Петров-Забайкальский), когда Бичурин посещал буддийские монастыри, а декабристы отбывали каторгу. Главным подтверждением их знакомства является акварельный портрет синолога в подряснике, выполненный Н. Бестужевым. Внучка Бичурина рассказывает, как получила в подарок от бабушки железные четки, отлитые Бестужевым из кандалов, при этом он сказал:

«С той минуты, когда я получил эти четки, я никогда не снимал их; они мне очень дороги. Был у меня дорогой друг, в Сибирь сослали его... Он сам делал их, и этот крестик из его собственных оков и сделан им самим».

На службе в Министерстве он появлялся редко, работал, как правило, в своей келье в Лавре, на лето снимал дачу на Выборгской стороне. В 1840-е годы часто жил в доме родственников в Мурино.

Трудоспособность его была невероятной: он один сделал столько, сколько под силу только целому коллективу китаистов. Десятки научных трудов, переводов, пять словарей (один из них в девяти томах), пятнадцать больших монографий, публицистические статьи и трактаты, кипы рукописей в архивах.

«Иногда он писал с таким увлечением, что его нельзя было оторвать от занятий; забывая еду и сон, он по несколько дней не выходил из комнаты»,
— вспоминает Н. Моллер.

Мемуары ее написаны с любовью и печалью – о том, что по молодости не понимала масштаб личности любимого деда, что по девическому легкомыслию не успела расспросить его о многом, что не имела

возможности ухаживать за ним в последние месяцы его предсмертной болезни. Вот несколько отрывков из этих мемуаров, рисующих образ не показного, а истинного христианина.

«Отец Иакинф пользовался в Мурине большою популярностью и уважением. Его все там знали — как дачники, так и крестьяне — от мала до велика. Крестьяне называли его отец Иким и предание о нем сохранилось между ними до сих пор. По свойственной ему доброте он помогал каждому из крестьян, кто обращался к нему за помощью. Больным, дряхлым, одиноким он сам носил деньги. Были у него и излюбленные нищие, которым по праздникам он давал серебряные монеты. Не только муринские крестьяне, но из всех окрестных деревень приходили к нему за помощью и никому он не отказывал в ней. За то знали его и любили не только в Мурине, но и во всей окрестности».

«Относясь гуманно и сострадательно вообще ко всем крепостным, о. Иакинф всегда был защитником пред отцом и матерью моею в случае провинности кого-либо из наших людей. Когда же он узнавал, что кто-нибудь из них был отправлен в часть для наказания или в рабочий дом для исправления, то возмущался до глубины души и приходил в большое негодование. Он почти тотчас уезжал от нас и не приезжал иногда довольно долго, пока, наконец, забывал об этом обстоятельстве».

«Личность о. Иакинфа была светлая, гуманная, доступная высоким движениям сердца. Он был отзывчив на горе и несчастье ближнего и когда обращались к нему за помощью, он никогда в ней не отказывал. Правда, у него было много странностей и многие считали его чудаком. Он любил браниться как в разговорах, так и в полемике; в выражениях своих не стеснялся и бывал иногда чересчур резок. Люди же, знавшие его близко, извиняли ему эту слабость и любили его искренно, непритворно. Зло, причиненное ему кем бы то ни было, он легко прощал и тотчас же забывал его навсегда».

«Характер вспыльчивый, раздражительный, иногда резкий. Сердце доброе, великодушное. Прямой и простодушный, он никогда не фальшивил и потому терпеть не мог людей лукавых и заискивающих».

Здоровье учёного непрерывно ухудшалось на протяжении 1840-х годов. В 1848-1850-х годах каждое лето он вынужден был проводить в заведении для больных и слабых монахов Александро-Невской лавры в Киновеях. По

воспоминаниям Н. Моллер, он сильно постарел и обессилел. Монастырское начальство с трудом удавалось уговорить отпустить о. Иакинфа к родне. Появились признаки деменции: рассеянность, забывчивость.

Тогда же произошёл странный инцидент, описанный в воспоминаниях Н. Моллер. Находясь на даче в Мурине, отец Иакинф решил исследовать местность под названием «Чёртово болото». Внучка не хотела отпускать его одного, но, как это бывает со стариками, он стал сердиться на излишнюю опеку, сказал, что идет недалеко. Когда он не вернулся к вечеру, родные переполошились, и *«чуть не вся деревня встала на ноги, крестьяне, любившие его, целой толпой бросились в лес с фонарями»*. Нашли его лишь на рассвете следующего дня — без сознания, привязанным к дереву. При этом нетронутыми остались золотые часы с цепочкой и бумажник с 300 рублями. Он был в невменяемом состоянии, и твердил одно и то же: *«Перекрестись, перекрестись! Сделай святое знамение!»*

Отец Иакинф утверждал, что «его водила нечистая сила, а к дереву привязал леший». Шок был сильным: Бичурин трудом узнавал близких, боялся оставаться один.

Последний раз монастырское начальство отпустило о. Иакинфа пожить у родных зимой 1851 года, а после тяжелого приступа в начале следующего года его забрали в монастырь, в Киновею, куда женщинам вход был воспрещен, а значит, внучка и племянница навещать его не могли. В своей келье он смог принимать посетителей только осенью, подарил внучке к свадьбе деньги и собольи меха, привезенные из Сибири. Потом Моллер очень печалилась, что из-за своего любовного увлечения, а потом и медового месяца редко приезжала к отцу Иакинфу. А когда наконец выбралась к нему после долгого перерыва, застала страшную картину:

«Предо мной, вытянувшись, без движения лежал бедный старик. Исхудалое лицо его было бледно, точно восковое, глаза закрыты. Реденькие, совершенно уже белые, волосы сбились в комки, какие бывают у долго лежащих больных, если их не причесывают. Так много трудившаяся правая рука лежала без малейшего движения».

Слуга, приставленный к старому ученому, не ухаживал за ним, оставлял одного в нетопленной комнате, запирая на ключ. Некоторый порядок был наведен по настоянию родни, но ненадолго. Муж Моллер заболел тифом, ей было не до посещений деда, когда же она наконец приехала к нему — о.

Иакинф умирал. Тело было в пролежнях, по постели ползали насекомые, белье в нечистотах.

«Под впечатлением глубокой скорби, бесконечной жалости и обиды за дедушку я рыдала безутешно и не заметила, как в комнату вошел старик монах.

— Зачем вы здесь? Уйдите! — проговорил он сурово, прикасаясь к моему плечу.

— Я внучка, — сквозь рыдания сказала я и посмотрела на него. Лицо его было строго и сурово. Глаза мрачно смотрели на меня.

— У монашествующей братии земных родных не бывает. У них только один Отец Небесный. Зачем пришли вы смущать покой умирающего старца? Уйдите! — также холодно и сурово продолжал он. Слезы душили меня, я хотела встать с колен и не могла. Он подал мне руку и помог.

— Это мой дедушка, он умирает, он просил есть, покормите его, — говорила я прерывающимся от слез голосом.

— Об этом не беспокойтесь. Отец Иакинф уже покончил все земные расчеты, он соборован и его ждет пища небесная. Уйдите же и не смущайте его больше! — проговорил он строгим, повелительным голосом.

Он выждал, пока я оделась, вышел вместе со мною и долго шел молча зади меня, постукивая своей клюкой по каменному полу коридора».

Учёный скончался в пять часов утра 11 мая 1853 года. О смерти Никиты Яковлевича родные узнали только из газет спустя несколько дней: монастырское начальство не нашло нужным известить их.

На его могиле в Александре-Невской лавре был установлен деревянный крест без эпитафии. Со временем друзья поставили черный мраморный обелиск с надписью: «Иакинф Бичурин. Род. 1777, ум. 1853 г. Мая 11».

Между этими надписями, вдоль памятника, по-китайски записана эпитафия: «Труженик ревностный и неудачник, свет он пролил на анналы истории».

«ВЫХОДОМ ИЗ МОНАШЕСТВА И ВСТУПЛЕНИЕМ В БРАК СНЯЛ МОНОПОЛИЮ СПАСЕНИЯ У МОНАШЕСТВА»

«По некоторым сведениям, архимандрит Феодор Бухарев, автор нашумевшей в свое время книги «Православие в отношении к современности» и запрещенного Издатсоветом толкования на Апокалипсис, оставил монашество и собирается вступить в брак в знак протеста против засилья духовной цензуры. По неподтвержденным пока данным, Синод лишил бывшего архимандрита звания доктора богословия».

Заметка примерно такого содержания в наше время не вызвала бы особого ажиотажа — несколько громких уходов монашествующих из РПЦ мы уже наблюдали, это становится привычным. Но событие, о котором пойдет речь, произошло в 60-е годы аж позапрошлого века, во времена, которые сегодня многим верующим кажутся эпохой процветания и торжества Русской Церкви.

И если в наше время бывший архимандрит от большинства собратьев по вере не получил бы ничего, кроме хамских выпадов, обвинений в предательстве, иудинном грехе, обновленчестве и либерализме, то во второй половине XIX — начале XX века репутация Бухарева как одного из самых ярких русских духовных мыслителей, мученика идеи и человека святой души, могла быть оспариваема лишь одиозными деятелями от духовной публицистики наподобие Аскоченского, которого Василий Розанов назвал диким ослом, топтавшимся в ограде церковной, — таких у нас и сегодня достаточно. Ходила даже легенда, что при встрече с уже не бывшем к тому времени монахом Бухаревым о. Иоанн Кронштадтский поцеловал ему руку.

Русский духовный писатель Александр Бухарев (в монашестве Феодор) родился в Ильин день в 1822 году, в бедной семье сельского дьякона. В детстве Бухарев переболел гепатитом, всю жизнь был очень болезненным. Его друг и любимый ученик протоиерей Валериан Лаврский вспоминал, что когда впервые увидел его в возрасте 32 лет, он уже казался стариком.

Дальнейший его жизненный путь был типичным — Тверская семинария, Московская академия. Незадолго до окончания курса 22-летний Бухарев принял монашество с именем Феодор (о браке он боялся и подумать, по его собственным словам, если ему снились кошмары, то только о том, что его или сватают, или ведут к венцу), и стал подниматься по иерархической лестнице обычным порядком: был пострижен в монахи и на другой день посвящен в иеродиакона, потом в сан иеромонаха и стал преподавать в той

же академии. Тогда же он начал писать и «труд своей жизни» — толкование на Апокалипсис.

Нам трудно сейчас это представить, но «Выбранные места из переписки с друзьями», хрестоматийное ныне для православных произведение Гоголя, в то время вызвало не только бурное возмущение передовой общественности, но и подверглось жестокой цензуре. Сочувствуя любимому писателю, Бухарев написал «Три письма Гоголю». Первое из этих писем он представил митрополиту Московскому Филарету, без разрешения которого ни одно духовное лицо не могло напечатать ни одного более или менее серьезного сочинения. Митрополит взял у него статью, но «выразил неудовольствие». После разговора с Филаретом о. Феодор захворал и остался в больнице при Московской Духовной семинарии; отсюда он списался с Гоголем и с этого времени с ним познакомился.

В 1854 году о. Феодор (к тому времени уже архимандрит) перевелся в Казанскую Духовную Академию, где преподавал в течение 4 лет. Протоиерей Лаврский, бывшей в то время студентом, а впоследствии ставший другом Бухарева, рассказывал о нем в письме:

«О. Феодор после каждого класса возбуждает о себе большие толки. Вот что я выбрал общего из разных отзывов о нем: он поэт, чувство у него преобладает над рассудком; и потому студенты очень много из его слов не могут принять за истину; но он говорит с таким жаром, с таким глубоким внутренним убеждением, что, пока он говорит, с ним нельзя не согласиться; притом, он — прекрасный диалектик, но самый способ его посылок и заключений совершенно своеобразен; на все у него свой, чисто субъективный взгляд...»

Наконец, в 1858 году, у Бухарева возникают трения с ректором. О. Феодор подает прошение об увольнении и назначается в комитет духовной цензуры в Петербург. Это считалось понижением, и все знали, что его причина — не то чтобы либеральное, но недостаточно схоластическое преподавание им богословских предметов студентам Академии.

В Петербурге, как и в Казани, он чувствует себя белой вороной. *«Меня же ныне уже печатно трактуют как человека, почти враждебного православным. Грустно мне собственно нравственное одиночество, в котором мне почти никто не хочет подать руки искреннего или*

отчетливого сочувствия. Начальство, сколько мне известно, стоит за моих противников, а не за меня», — делился он в письме другу.

К этому периоду жизни Бухарева относится его встреча в качестве цензора с Добролюбовым, о которой рассказал в своих воспоминаниях племянник о. Феодора:

«Тогда вышла за границу книга «О сельском духовенстве», вызвавшая сенсацию. По поводу этой книги Добролюбов написал в исключительно обличительном тоне статью в «Современнике», корректура которой была доставлена для просмотра о. Феодору. (...) Беседа цензора и автора была довольно продолжительной относительно самых основ вопроса вообще о духовенстве, и впоследствии сам Добролюбов говорил мне, что он был удивлен, встретив в цензоре не какого-либо отчаянного клерикала, а столь правдиво настроенного человека по вопросу об улучшении быта духовенства. Удивляло его и то, как при таких воззрениях он продолжал быть монахом...»

О характере о. Феодора отзывались многие мемуаристы, но отчетливее всех лучшие качества Бухарева сформулировала его вдова Анна Сергеевна:

«Что касается личных особенностей Александра Матвеевича, то его особенностью, можно сказать основною чертою его характера, было умение уважать... Люди сороковых годов писали нередко о нравственном долге уважать в человеке образ Божий. Белинский иногда особенно хорошо об этом писал, и это пленяло фантазию многих, хотя у большинства так это и оставалось в области одной фантазии; понятие о том, как надо уважать в человеке образ Божий, проникло глубоко в сознание Александра Матвеевича с самых юных его лет и воспринято было им это понятие всею цельностью его духа: он уважал человека и в интеллигенте, и в неграмотном, во взрослом и в ребенке; это чувство было так ему присуще, что казалось ему природным и не изменяло ему ни в больших, ни в малых вещах; даже в порывах самого пылкого против кого-либо негодования в основе его душевных движений оставалось всегда уважение к человеку. Презрения не знала его душа, не постигал он его ни своим умом, ни сердцем.

И так, видно, устроены люди, что чувствующее человеческое сердце подает весть другому человеческому сердцу; Александр Матвеевич, умевший уважать человека, умел привлекать к себе много сердец и умел

вызывать наружу все лучшее, что есть в человеке, иногда даже такое лучшее, что оставалось как бы похороненным на дне души. «Вы говорите, — писал он к одной из своих знакомых, — что в каждом человеке есть какой-то другой, внутренний, человек, а я думаю, что этот внутренний человек и есть именно Христос. Умейте уважать в каждом человеке образ Христа, хотя бы в ином и погребенного, как был Он погребен после Его распятия и смерти»».

Когда в 1860 году вышла в свет книга Бухарева «Православие в отношении к современности», на сцене появляется и злой гений Бухарева — Аскоченский, редактор журнала «Домашняя беседа». Флоренский так писал о нем:

«Тон его полемики был крайне бесцеремонным — он не останавливался ни перед недобросовестным искажением слов противника, ни перед преувеличениями, софизмами, даже клеветой; его ругательства, обидные выходки и балаганские насмешки переплетались с благочестивыми сетованиями и цитатами из Св. Писания». Знакомый типаж, не правда ли?

Бухарев в своей книге писал, что на каждого человека, как созданного по образу Божию, нужно смотреть как на икону. Сейчас нам это кажется банальностью. А тогда Аскоченский возмущался: «Как? Стало быть, и цыганки, и проститутки, и жида, и канканьерши — все это досточтимые иконы Самого Бога? Господи, помилуй! Ведь это открытое иконоборство, договорившееся до последнего слова». Бухарев писал, что не только семья, общество и государство, не только наука и искусство должны развиваться по духу Христову, но даже телесная жизнь, всякое частное отношение, всякий труд — все должно быть по Христу. Аскоченский заявлял, что всякий человек, «ратующий за Православие и протягивающий руку современной цивилизации, — трус, ренегат и изменник».

Эта полемика имела печальные последствия для архимандрита Феодора — ему пришлось в 1861 году оставить должность цензора и уехать в Переславский Никитский монастырь, духовные журналы стали отказываться печатать его статьи, а когда о. Феодор задумал печатать свою книгу об Апокалипсисе, то, по доносу того же Аскоченского, она была запрещена Синодом к публикации.

Рассказывали, что митрополит Филарет потребовал к себе Феодора, сделал ему строгое внушение, а когда тот попытался защитить свои богословские воззрения, швырнул его рукопись на пол.

Спустя время, объясняя свое решение уйти из монашества, он писал издателю Михаилу Погодину: *«Мне не хотелось... фальшивить, оставаясь в монашестве, когда я внутренне всеми силами протестовал против тех, кого должен был, по монашеству, слушаться».*

В своем прошении о снятии сана архимандрит Феодор, между прочим, писал, что он, *«по обстоятельствам, которые касаются не его одного, а и других лиц, и которых поэтому неудобно и для выяснения дела нет нужды расспрашивать, монашеские его отношения соединяются во многом с нарушением внутреннего мира и с смущением совести, чем в корне разрушается монашеское служение Богу».*

Как толковать это «смущение совести» и «нарушение внутреннего мира» — Бог весть. Имеет ли он в виду протест свой против «высших» или любовь к будущей жене Анне Родышевской — понять трудно, хотя второе кажется более вероятным. Вообще, женитьба Бухарева предстает несколько загадочной.

Из обрывочных сведений об отношении Бухарева с Анной трудно понять, относится ли начало их сближения к тому времени, когда он был монахом, или они стали развиваться уже после его расстрижения. Но логично предположить, что именно отношения с Родышевской, начавшиеся во время пребывания его в монастыре Переславля, стали последним толчком, побудившим Бухарева написать прошение о расстрижении. Современник Бухарева публицист Соловьев утверждал, что помещик Родышевский обратился за помощью к о. Феодору, зная его как ученого монаха — чтобы увещевать его дочь Анну, попавшую под влияние так называемого «отрицательного направления». Так началось их знакомство, если верить Соловьеву, а как оно продолжалось до заключения ими брака — покрыто мраком неизвестности.

Многие знакомые Бухаревых после смерти Александра Матвеевича в своих воспоминаниях настаивали на том, что никакого романтического увлечения не было, а женитьба была чуть ли не идейным шагом: войти в самое, так сказать, сердце мирской среды, чтобы там проповедовать необходимость для мирян-христиан жить не себе, а Господу и о Господе, нечто созвучное монастырю в миру, который потом проповедовал о. Валентин Свенцицкий. Возможно, этим они хотели защитить уважаемого ими человека от обвинений в моральной неустойчивости, но представленный ими образ экс-

монаха, венчающегося с юной девушкой ради проповеди дорогих его сердцу идей, получается даже не смешон, а отвратителен, тогда как образ Бухарева, предстающий в мемуарах знавших его людей, весьма притягателен и светел.

Чтобы вернуться в первобытное состояние мирянина, отцу Федору пришлось пройти через увещания — сначала в Переславском Никитском монастыре, потом во Владимире; затем следует консисторская процедура и только тогда, наконец, Синодальное определение о снятии монашества и священного сана, причем его лишили и степени доктора богословия. Пришлось ему дать и специальную подписку:

«Дана сия подписка в присутствии Владимирской Духовной консистории, согласно определению ее, бывшим архимандритом Феодором в том, что как сложивший с себя по собственному желанию и с разрешения Св. Синода сан священнослужительский и монашеский не должен по силе 258 ст. IX т. Свода Законов именовать себя архимандритом, кавалером и магистром, носить монашеской одежды и обязан называться по имени, отчеству и фамилии, а именно: Александр Матвеевич Бухарев. На основании 4 параграфа 254 ст. того же тома он не имеет права жить в тех епархиях, где жил монахом, а именно: в Московской, С.-Петербургской, Казанской и Владимирской, равно и в обеих столицах, под страхом, в противном случае, быть сосланным в Сибирь на всегдашнее пребывание. К сей подписке сложивший с себя сан, бывший архимандрит Феодор, а ныне Александр Матвеевич Бухарев, руку приложил июля 31-го дня 1863 года».

Как бы то ни было, в 1863 году Бухарев женился на Анне Сергеевне Родышевской, дочери переславского предводителя дворянства. Ей было 23 года, ему — 41. Жаль, что не сохранилось портрета этой женщины, только словесный, оставленный о. Павлом Флоренским, который встретился с ней в 1913 году, когда ей было уже 73 года.

Его прошение о расстрижении Синод утвердил только в следующем 1864 году, и бывший архимандрит Феодор продолжил свою литературно-критическую деятельность как духовный писатель Александр Матвеевич Бухарев.

Как выразился о нём священник Александр Устьянский, друг Василия Розанова, Бухарев «выходом из монашества и вступлением в брак снял монополию спасения у монашества».

«Мне кажется, что ко всякому чувству любви, — любви настоящей, вполне приложимы слова Спасителя: «Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть». Я могу с полной откровенностью сказать, что все трудности проходили как бы мимо меня», — говорила Анна Родышевская Розанову уже через годы после смерти Бухарева.

Естественно, враг Бухарева, Аскоченский высказался вслед ему ровно так, как и следовало ожидать от «ревнителя православия» — он извещает читателей, что бывший архимандрит Феодор «завершил дело примирения православия с современностью самым соблазнительным образом — сделался расстригой». «Таковы-то, — восклицает он, — плоды своеобразного умничания, гордого самомнения и упорного противления водительству церкви православной. Бог поругаем не бывает».

Жили Бухаревы в крайней нужде, на скудные гроши, зарабатываемые писанием, и на помощь друзей. Родилась у них девочка, но умерла, не дожив до года. Однажды митрополит Филарет прислал бывшему архимандриту сто рублей. Им часто приходится переезжать с места на место — жили то в Ростове, то в Твери, то в Нижнем.

Последняя публикация Бухарева — «Об упокоении усопших и о духовном здравии живых» — относится к 1866 году. Толкование Апокалипсиса так и осталось неизданным при его жизни.

Скончался Бухарев 2 апреля 1871 года в пятницу Светлой седмицы. Его вдова оставила по просьбе издателя Погодина подробные трогательные записи о последних месяцах его жизни.

«После 16 марта болезнь шла, заметно усиливаясь, но он говорил, что ему после причастия особенно легко. А. М. никогда не жаловался, и на вопрос, как он себя чувствует, отвечал всегда: «хорошо» или «порядочно», — потому и трудно проследить ход его болезни.

(...) Прислугу он ни за что не позволял будить и беспокоить по ночам. Мы с ним вдвоем просиживали до утра и много переговорили в эти бессонные ночи.

(...) Вспоминали мы с ним всю нашу прошедшую жизнь, и он говорил, что она была непрерывное чудо; в продолжение восьми лет мы не знали, чем мы жили совершенно безбедно, прилично, имели всегда приличную квартиру, достаточно прислуги, выписывали книги, журнал, газеты...

Правда, были два семейства преданных ему друзей, уделявших ему постоянно от своих доходов, но этого было недостаточно для того, чтобы просуществовать, а не только жить, как мы жили. Мы затруднялись, да и теперь я затрудняюсь отвечать на вопрос, чем мы жили.

(...) Отличительной чертой его характера было мужество. Он никогда не робел ни перед какой опасностью. В 1848 году в селе, где жил его зять, была страшная холера: по 30 человек приносили в церковь. Он нарочно на это время поехал в это село, чтобы поддержать упавший дух своих родных и, в особенности, чтобы поддержать священника-зятя в его священнических обязанностях. Подобных случаев было много в его жизни.

А. М. не уважал людей, не могущих идти против течения. Помню, когда мы недавно читали с ним про бывшего секретаря Наполеона, заступившегося за него перед гневным собранием и мужественно противостоявшего этой буре, он сказал: «Как я уважаю этого человека! Это истинное мужество. Мало, мало у нас таких людей; все рабы — и в этом наша главная беда».

Никто, как он, не умел так плакать с плачущими и радоваться с радующимися. Чужое горе — было его горе; чужая радость — его радость. Много теперь людей оплакивает его кончину, говоря, что не с кем стало поделиться и горем, и радостью. За то он имел преданных себе людей во всех сословиях и во всех средах. Странно: иные из образованных говорили, что он мудрен; другие, совсем безграмотные, понимали его и были ему преданы всю жизнь».

Бухарев был похоронен на переславском Борисоглебском кладбище, могила его не сохранилась. После революции в Переславском музее оказалась личная икона А. М. Бухарева с изображением святых-покровителей Александра Невского и Фёдора Стратилата.

Анна Сергеевна Бухарева прожила много лет после кончины любимого мужа, друга и учителя, переписывалась с его друзьями и всеми, кто интересовался его наследием, издала в 1916 году его «Исследования Апокалипсиса».

Неизвестна ее судьба после революции, есть сведения, что умерла она после 1919 года, то есть в глубокой старости, когда точно и где — об этом информации найти не удалось.

СМЕРТЬ КНЯГИНИ

7 февраля она вышла из дому последний раз. Вернулась с ознобом, слегла. Вызванный врач поставил диагноз — пневмония. Антибиотиков не было, болезнь быстро прогрессировала. Через 6 дней доктора признали ее положение безнадежным. Ей было 58 лет, сегодня могли бы сказать — безвременная кончина, по тем временам она была почти старуха. Ее мужа, на 6 старше, называли — «старый князь». У них были сложные отношения, но в тот момент он проявил благородство, позвал ее духовника, и она смогла причаститься — открыто, в присутствии всей семьи. А семья была большая, Елизавета Григорьевна родила шестерых детей. По воспоминаниям дочери, незадолго до смерти она много и сбивчиво говорила — то об истреблении армян в Константинополе, то о свободе совести, упоминая Торквемаду — так звала она Победоносцева, то о людском равнодушии к бедам ближних. Иногда бред ее был даже веселым, она улыбалась и, казалось, светилась от радости. Временами переходила на итальянский — это был язык ее детства. Велела передвинуть ее кровать, чтобы пред глазами была картина Христа в Гефсиманском саду. Незадолго до смерти прошептала:

— И что находят в этом такого страшно-ужасного?

Муж наклонился к жене и спросил:

— Тебе хорошо?

Она ответила:

— Еще бы!

Ее кончина была кончиной праведницы, все, как в житиях святых: полная покорность воле Божьей, радость от ожидания встречи с Творцом.

Духовник сказал, что перевидал немало прекрасных смертей, но такую радостную, даже веселую смерть, увидел впервые. Через годы ее сын в мемуарах напишет: *«Из всего прекрасного, что мама нам подарила, самым прекрасным была ее смерть».*

Этой праведницей была княгиня Елизавета Григорьевна Волконская (19/31 октября 1838 г. — 15/27 1897 г.), внучка шефа жандармов Бенкендорфа (по материнской линии) и невестка декабриста князя Сергея Волконского,

первая женщина-богослов в истории России, друг Владимира Соловьева, идеолог российского католического движения в XIX веке.

Умерла княгиня в особняке на Сергиевской улице. После революции здание было перепланировано. С осени 1920-го по осень 1921 года в квартире № 12 жила Анна Ахматова – это жилье ей предоставил Агрономический институт, в библиотеке которого она тогда работала. Здесь Анна Андреевна последний раз виделась с Гумилевым. Интересно, знала ли она, что из этого дома 13 лет назад выносили гроб с телом первой русской женщины-богослова Елизаветы Волконской? Если бы знала, возможно написала бы о ней стихи.

В качестве отступления: со старшим сыном Елизаветы Григорьевны Ахматова почти наверняка была знакома: Сергей Волконский был давним сотрудником журнала «Аполлон», в котором Гумилев вел рубрику «Письма о русской поэзии» и в котором впервые были напечатаны стихи, подписанные «Анна Ахматова».

В недавнем прошлом Волконский был директором Императорских театров. В отставку он ушел после того, как объявил выговор бывшей пассии Николая II балерине Матильде Кшесинской за то, что, танцуя балет «Камарго», она не надела фижмы под юбки, как это предусматривал костюм в стиле XVIII века. В мемуарах Волконский объясняет причину слухов о продолжении связи Николая II с приснопоминаемой ныне балериной:

«Кшесинская достигала всего, что хотела. Через великого князя Сергея Михайловича, с которым она жила, она восходила к государю, который в память своих когда-то близких к ней отношений разрешал все ее просьбы. Она при этом умела так обставить свою просьбу, что выходило, как будто ее обижают. Во всяком случае, государю казалось, что она является страдальцей за прежнее его к ней благоволение. Поэтому он думал, что, разрешая ее просьбы, он тем самым восстанавливает справедливость, избавляет ее от несправедливого преследования».

Зима 1920–1921 годов стояла на редкость холодная, в комнатах не были ни печи, ни даже буржуйки, так что Ахматова чудом не повторила путь княгини Елизаветы Григорьевны, ведь еще в 1915 году у нее был активный туберкулезный очаг в легких.

Но вернемся к истории княгини Волконской, вернее, сперва – к истории ее похорон. В XIX веке православным становиться католиками безнаказанно

было нельзя. Дореволюционный учебник для семинарий Знаменского называл русских католиков «изменниками русской народности и веры», переход в католичество рассматривался как государственное преступление. Им грозило (по Уложению о наказаниях и преступлениях 1845 года) как минимум лишение всех прав состояния, ссылка и изъятие детей (привет ювенальной юстиции!), а как максимум — тюремное заключение. В 60-х, а потом и в 80-х годах, законодательство было либерализовано, но, тем не менее, родственники католички княгини Волконской столкнулись с некоторыми проблемами после ее смерти.

Подробно эту историю описал в своих мемуарах старший сын Волконской — Сергей Михайлович. Духовник Елизаветы Григорьевны, отец Лагранж «сказал, что ему, с точки зрения церкви, безразлично, по какому обряду будет совершаться погребение, — он напутствовал душу покойной, пусть родные поступают с телом по своему усмотрению. Отец пожелал, чтобы погребение было по православному обряду». Сложно понять, зачем, ведь все знали, что княгиня — католичка, она не выставляла этого напоказ, но и не скрывала. Но для старого князя было принципиально, чтобы внешне все оставалось «комильфо». Для взрослых детей эта игра на публику была крайне неприятна. Против воли отца они идти не посмели, однако настояли, чтобы в объявлении о панихиде для газет было указано время не только двух положенных служб, но и третьей. Это был тот час, когда должна была совершаться панихида по католическому обряду.

Объявление привело в негодование Победоносцева. Митрополит Палладий вызвал Михаила Сергеевича к себе и настоятельно посоветовал хоронить супругу по католическому обряду, хотя до этого уже дал позволение на отпевание в Знаменской церкви.

«Что меня больше всего во всех тогдашних обстоятельствах поразило, — писал в мемуарах Сергей Волконский, — это отсутствие в столь важных вопросах определенных, церковной властью установленных и церковным взглядом освященных правил. Вместо церковного глагола — ожидание министерских, как теперь принято говорить, «директив». Помню, в те же дни скончался член Государственного совета Гроот, протестант. Ведомство императрицы Марии просило разрешения отслужить панихиду. Митрополит разрешил, — но „без свечей”».

Единственное, что удалось выхлопотать вдовцу – это разрешение совершить погребение по православному обряду в имении Волконских Павловке. Забегая вперед, скажем, что и это было в конце концов запрещено, похоронили княгиню в итоге на семейном кладбище под Ревелем, в имении Фалле.

От особняка на Сергиевской улице (ныне ул. Чайковского, 7) гроб с телом княгини провожала многочисленная толпа. Пришедшие проститься с Волконской, прочитав объявление в газетах, были удивлены, когда похоронные дроги с Моховой улицы свернули не влево, на Литейную, чтобы направиться в Знаменскую церковь, как стояло в газетном объявлении, а направо, на набережную Фонтанки, и оттуда через Симеоновский мост на Невский и в католическую церковь св. Екатерины.

Вся эта история вызвала много шума в свете, обсуждали, судили-рядили, вешали ярлыки и выносили приговоры – все, как сейчас.

«Одни негодовали на католическое духовенство за то, что оно вырвало такую жертву, другие негодовали на православную духовную власть за то, что она разрешила католический обряд, — писал позже в своих мемуарах Сергей Михайлович. — Я уже забыл те перлы мыслительного убожества, которые тогда сыпались направо и налево, но одно замечание помню. Один почтенный старик, генерал Давыдов, сказал, что, конечно, княгиня Волконская совершила большой грех своим отступничеством, но ведь на панихиде была императрица и приложилась к покойнице; а ведь императрица помазанница, следовательно, через ее молитвенное прикосновение покойная получила отпущение...»

С другой стороны, официальное разрешение и даже предписание похорон русской аристократки по католическому обряду стало фактически признанием права личного выбора в делах веры – пока только для обладателей голубых кровей, но и это было сдвигом с мертвой точки. И как знать, не сыграла ли эта нашумевшая история роль одного из катализаторов появления через 8 лет указа «Об укреплении начал веротерпимости»?

В католичество княгиня Елизавета Григорьевна Волконская официально перешла в 1887 году. В зрелом возрасте она самостоятельно изучила латинский и греческий языки и написала два крупных историко-богословских труда. Один назывался «О церкви» и был напечатан в Берлине приблизительно в 1887 году. Другой — «Церковное предание и русская

богословская литература» — вышел во Фрейбурге через год после ее смерти, в 1898 году.

В своих книгах княгиня не только занималась апологией первенства римского епископа перед прочими, но что, наверно, важнее для нас сегодня — последовательно защищала духовную свободу в делах веры, право каждого верить по совести, а не по принуждению, и равенства всех в этом отношении перед законом.

О господствующим в то время в России настроениям князь Волконский писал: *«У нас, как только человек поднимал голос за свободу веры, его сейчас подозревали, его требованию подыскивалось постороннее побуждение — церковники говорили: он не православный, шовинисты говорили: он не русский, бюрократы говорили: он неблагонадежен».*

Книга «О церкви» вызвала бурю негодования среди чиновников от православия. (Надо сказать, что книга вышла не то чтобы анонимно, но без имени на обложке, однако, по-видимому, княгиня никак специально не «шифровалась», и выяснить авторство не составило труда). Обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев, назвавший Волконскую самой опасной женщиной в России, назначил двух официальных оппонентов, профессора Казанской духовной академии Беляева и настоятеля петербургского Казанского собора протоиерея Лебедева. Они написали свои опровержения на книгу «О церкви», хотя она была запрещена к ввозу в Россию, и ее читателями могли стать лишь немногие. Сергей Волконский вспоминал: *«Ни перед какой низостью не остановились наши чиновники богословия, чтобы не только подорвать доверие к книге, но и опорочить автора. Довольно сказать, что опечатки берлинского издания были использованы и обращены в укор автору как сознательные с его стороны искажения; он был обвинен в самых чудовищных подлогах. Я уже не говорю о всяких побочных обвинениях в области того, что принято называть инсинуациями, — отсутствие патриотизма, неблагонадежность, «польские симпатии» и тому подобная оскорбительная дребедень».*

По закону католическая пропаганда (а издание книги вполне под пропаганду попадало) каралась лишением собственности, не говоря о заключении в монастырь, покаянии и прочих мерах увещательного характера. Но никаким прещением и наказанием княгиня не подверглась — времена были не то чтобы вегетарианские, но в отношении инославия суровость несколько

смягчилась в сравнении с николаевской эпохой, в особенности, когда дело касалось привилегированных сословий. Никак не пострадал и ее супруг, репутацию которого она берегла до такой степени, что о ее труде и его публикации он даже не знал. А когда узнал, выразил свое негодование в письменном виде: то ли отношения между супругами были уже настолько холодными и официальными, что иначе они серьезные темы не обсуждали, то ли, как истинный аристократ, он боялся, что при личном разговоре даст волю эмоциям.

Елизавета Волконская известна как первая католичка, оставшаяся в России. Обычной судьбой русских католиков становилась эмиграция. Князь Дмитрий Голицын стал священником в США в 1795 году, его кузина, Елизавета Голицына, тоже переехала в Америку. Эмигрировал и Владимир Печерин, ставший за границей католическим священником.

Вторую книгу Волконская писала 7 лет и закончила 14 сентября, в день Воздвижения Креста, за 5 месяцев до смерти. Мысль о книге не покидала ее и во время последней болезни. Перед кончиной она сказала дочери: «Просмотри примечания».

Для издания рукописи княгини в Европе нужно было разрешение католического епископа. Немало пришлось Сергею Михайловичу побегать по Риму, родному городу матери, в поисках священника, знавшего русский язык и согласного прочитать книгу и написать о ней отзыв для духовного начальства. Наконец, многострадальный труд в 580 страниц вышел в свет во Фрейбурге в январе 1898 года.

«Всякий, кто интересуется вопросом соединения церквей, должен будет приветствовать появление предлагаемой книги, — писал Волконский в аннотации. — Она имеет целью показать, насколько искусственна та пропасть, которая, по мнению русских богословов, разделяет Римскую церковь и церкви Восточные. Уже несколько столетий подряд восточные христиане воспитываются на том, будто понятие о верховенстве Римского Епископа было неизвестно христианской древности и будто главенство папы есть, таким образом, своего рода узурпация, которой не должны признавать те, кто хотят оставаться верными церковному преданию. За последние двадцать лет русская духовная литература, кажется, особенно усердно потрудились над делом разобщения церковного единства. Для обоснования своих доводов официальные

представители «русского православия», по-видимому, ни перед чем не останавливаются: путем искажения текстов, умышленных пропусков, тенденциозных вставок, произвольных толкований память о вселенском главенстве Римского Епископа понемногу сглаживается со страниц святоотеческих писаний.

Автор настоящей книги разоблачает недобросовестность подобных приемов; его труд поэтому встретит сочувствие не одних верных сынов католической церкви, но и каждого, кто — независимо от религиозных убеждений и вероисповедных различий — стоит за раскрытие истины во всяком деле, уважает добросовестность исторических исследований, умеет ценить бесстрашие в борьбе против невольного невежества и вольного мрака и жаждет лишь одного — да будет свет».

«Церковное предание и русская богословская литература» — не переиздана до сих пор. «О Церкви» переиздавалась в России последний раз в 1909 г.

Католиками стали трое из шести детей княгини. Мария Михайловна в 1901 году приняла католичество в Швейцарии, стала автором ряда религиозных сочинений, переводила на русский язык произведения католических авторов.

Александр Михайлович в 1930 году стал католическим священником византийского обряда. Написал историко-догматический труд «Католичество и Священное Предание Востока».

Петр Михайлович также принял католичество, в 1931-1937 годах работал в архиве католического митрополита Андрея Шептицкого, где занимался сбором и систематизацией материалов, касающихся русского католического движения XX века.

По всей видимости, и Сергей Михайлович тяготел к католичеству — после кончины отпет он был в католическом храме в Америке, и панихида по нему в Париже тоже была в католическом приходе.

РЫЦАРЬ ХРИСТИАНСКОГО ЕДИНСТВА НА ВЕРШИНЕ ПИРАМИДЫ ХЕОПСА

История расстрелянного в этот день восемьдесят лет назад священника Николая Толстого может служить как трагической иллюстрацией косности и нетерпимости православия для католиков, так и косности и коварства

католичества – для православных. Рассказ о нем можно было назвать «Попало зернышко меж двух жерновов», если бы после революции полуистертое зернышко не попало уже под «красное колесо», которое в итоге его и раздавило.

Николай Толстой родился в один год с Иваном Страгородским (будущим патриархом всея Руси Сергием), в аристократической семье старинного боярского рода Толстых (его не графской ветви), и при его талантах мог бы оказаться на месте своего одноклассника, да только монашество, к которому его стали склонять в МДА с первого же курса обучения, его не привлекало, а постригаться ради карьеры, как это делали тогда многие, – претило.

«Меня влекло служить людям на великом поприще простого сельского приходского священника, — писал он позже в своей исповеди. — Монашество ради карьеры меня возмущало, и я не мог понять, как можно быть епископом, не будучи раньше священником в приходе».

Хотя семья его была совершенно не религиозна, и в церковь ходили только потому, что так было принято, Николай уже в 8 лет твердо заявил своему духовнику, что станет священником. И если большинство мальчишек, мечтающих о рясе и бороде в этом возрасте, смеются над собой уже через несколько лет, то у Толстого все оказалось всерьез.

Все карманные деньги подросток употреблял на книги исключительно религиозного характера. Каждое воскресенье ходил в храм, и был счастлив, когда его допустили участвовать в литургии в качестве чтеца. С 14 лет стал изучать еврейский язык, чтобы прочесть Библию в оригинале и сравнить с греческим и латинским переводом. Через много лет внук Николая Толстого рассказывал, что дед на его вопрос, сколько же он знает языков, отвечал, что может думать на 13-ти языках. *«У меня в детстве была русская няня и бонны французская, английская, немецкая. Были соответствующие языковые дни, и когда мы с братом приглашались родителями к обеду, они, выяснив, какой сегодня языковой день, вели беседу на одном из этих языков. Языки, математика и астрономия давались деду легко. Дед объяснил мне, что помимо названных языков увлекся греческим и латинским, а это дало возможность быстро освоить итальянский, испанский и другие. Затем он изучил, кажется, шведский, к которому легко*

присоединились другие скандинавские языки. Также изучил он голландский язык, свободно говорил на польском».

Очевидно по настоянию родителей Николай закончил Пажеский корпус, и был назначен вторым лейтенантом в гвардейский полк, но вскоре вышел в отставку и поступил в МДА. Женился как-то спонтанно, просто от нежелания принимать монашество, к которому его усиленно склоняли в академии, — на небогатой девушке из простой семьи, в доме которой он снимал квартиру в Москве, служа офицером. Обучение в МДА Толстой заканчивал уже будучи семейным человеком.

Еще учась в академии, Николай изучил католический катехизис, и сделал вывод, что ничего противоречащего православному учению в нем нет. Читал Фому Аквинского, книги по истории западной церкви. Интерес к католицизму логично привел его к знакомству с философом Владимиром Соловьевым, симпатизирующим католицизму, и криптокатоличкой Зинаидой Волконской. Здесь надо сделать пояснение: кто же это такие — криптокатолики, тем более, что в наше время ревнителю так называют то патриарха, то митрополита-композитора. Криптокатолик – это тайный католик, тот, кто посещает православные храмы, приступает к таинствам, но про себя считает, что никакой существенной разницы между католичеством и православием нет.

Обвинение в экуменизме и криптокатоличестве – одни из самых распространенных и самых убийственных в православной среде. Вспомним судьбу запрещенного на шесть лет архимандрита Зинона, причастившегося на католической мессе, или произошедший пару лет назад в Оптиной скандал с иеродиаконом Лазарем (Деминим), посмевающим сказать в проповеди, что католики – такие же христиане, как и православные, а разделение – плод человеческой немощи и церковно-политических ошибок.

Ровно так думал и отец Николай Толстой, и что любопытно – совершенно не скрывал своих взглядов.

В «Исповеди священника», изданной в 1916 году, отец Николай рассказывал о том, что его поразило при посвящении в сан: «В консистории меня спрашивали почтенные протоиереи: *«Как это Вы из дворянского сословия снисходите к нам в духовный?»*... И второе: *«духовник, брат архиерея, меня посвящавшего, на мое заявление, что я считаю Католическую Церковь такую же православную, как наша, ответил: «Ну конечно, у них только та*

незначительная разница, что не существует таинства миропомазания (sic!)». А когда я объяснил почтенному иеромонаху, что у католиков миропомазание есть и совершается епископом отдельно от крещения, он совсем успокоился и не нашел в моем исповедании веры ничего предосудительного».

Отец Николай совершил путешествие на Ближний Восток для ознакомления с традициями и обычаями ближневосточных христиан. То, что он увидел у православных греков, его глубоко огорчило: *«Везде я видел только одно: торг святыней и крайнее к ней небрежение».* Неприятно поразило молодого священника открытие, сделанное в Иерусалиме: схождение благодатного огня, которое он искренне считал чудом, оказалось лишь обрядом: *«При этом не совершается никаких молитвословий, а происходит одна толкотня и самая нечестивая ругань и драка, доходящая до кровавых побоищ, укрощать которые призваны магометанские солдаты в полном вооружении».* В противоположность этим тяжелым впечатлениям богослужение католиков в том же храме Гроба Господня показалось отцу Николаю чинным и благочестивым. Ярким событием стало для Толстого служение молебна Божией Матери на вершине пирамиды Хеопса.

Судьбу увлеченного католичеством православного священника решило знакомство с доминиканцем Винченцо Ванутелли. Этот падре Винченцо придерживался странной с ортодоксальной точки зрения практики: посещал русские храмы, присутствовал на богослужениях, прикладывался к иконам и мощам, то есть поступал так, как будто никакого разделения Церквей не существует.

«Я считал, что Восточная Церковь целиком должна соединиться с Римской и составить с ней Единую Вселенскую, — писал отец Николай в своей «Исповеди». — А пока действовать, как было до разделения и как будто разделения этого не было и не существует. Меня всегда возмущало, что латиняне только говорят о соединении, а сами смотрят на нас, как на язычников. (...) Ванутелли своими поступками снял этот тяжелый осадок дурного чувства против латинян с моей души. Он мне рассказал, что так же поступал на Афоне и даже служил там обедню в греческих ризах и чуть ли не исповедовался у православного священника». Ванутелли убедил Толстого, что он может считать себя католиком, так как православие и

католичество — синонимы. И не надо, говорил он, делать какого-нибудь акта отречения, просто не признавать разделения вполне достаточно.

«Разделение Церквей, — считал отец Николай, — явление искусственное, поддерживаемое насилием и страхом со стороны светской власти, которой соединение и вмешательство Рима нежелательны. (...) Какой великий грех берут на себя те, кто разрывает общение церковное и путем насилий и клевет вселяет раздор между святыми Божиими Церквями! Церковь Русская... конечно, неповинна. Но виноваты и ответственные перед Богом, во-первых, творцы раскола, как Фотий, Керулларий, Василий Темный и Марк Эфесский. Во-вторых, правители из-за личных выгод и для усиления своей личной власти над архиереями и духовными отдаляли их от Рима, от установленной канонической власти, и подчиняли себе. (...) В-третьих, виноваты сами духовные, не обладающие апостольской смелостью, дерзновением исповедников и мучеников и бескорыстностью древних святителей, добровольно, ради выгод временного сего жития подчиняющих себя и свою Церковь неканоническому авторитету, усиливающие в угоду светского правительства раздор, смотрящие на братьев и единоверцев как на еретиков, и, забывая собственные недостатки, повторяющие на них клеветы и вздорные обвинения протестантов!»

Вскоре отец Николай отправился в путешествие по Европе, взяв с собой походный антиминс и поминая в городах следования местных епископов. В Дрездене отслужил молебен перед рафаэлевской Мадонной, в Вене впервые присутствовал при униатском богослужении, в лондонском предместье Сиднем-Хилл, подобно активистам «Божьей воли», спровоцировал погром в выставочном зале Хрустального дворца.

Этот забавный эпизод он в «Исповеди» описал так: *«В Хрустальном дворце, который я посетил в компании с другими русскими, мы вдруг увидели фигуры диких зверей в католическом облачении и с крестом. Мои спутники меня спросили: «Батюшка, это кощунство?» «Кощунство», — ответил я. «Ну, в таком случае мы их уничтожим!» И немедленно приступили к делу. Пошел треск по всей галерее. Сторожей не было, но они прибежали. Я же, как только все это началось, спасся бегством, вовсе не желая попасть в тюрьму за эту историю, в которую так неожиданно впутался».*

После возвращения в Москву Толстой написал кандидатскую диссертацию на тему Евхаристии под руководством известного историка церкви, византиниста, профессора Алексея Петровича Лебедева. В 1893 году с отличием закончил Духовную Академию.

Получив кандидатский диплом МДА, отец Николай планировал переработать свою кандидатскую диссертацию об Евхаристии в магистерскую, хлопотал о приходе в Москве, где обосновалась его семья. Но в это время в Москву из Рима прибыл епископ Пассардьер с миссией от Папы — уговорить отца Николая присоединиться к Католической церкви. Оказалось, что о взглядах и настроениях Толстого ему рассказал падре Вануттелли. Отец Николай не видел необходимости в том, чтобы делать какие-то формальные шаги, но святой отец смог уговорить его написать свое исповедание веры для передачи Папе.

«Я, нижеподписавшийся, священник Нижегородской епархии такой-то, твердо верую и исповедую все, чему верует и учит Святая Кафолическая и Апостольская Церковь Римская, а именно относительно исхождения Св. Духа от Отца и Сына, первородного греха и чистилища, непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии и верховенства Петрова преемника, Папы Римского».

Отец Николай ошибочно не приписывал этому особой важности. *«Я письменно засвидетельствовал то, во что верил, вот и все. И остался, чем был: православным русским священником душой и сердцем»*, — писал он в исповеди. Было это в 1894 году.

Самое удивительное для нас сегодня в истории с переходом в католичество о. Николая Толстого, во-первых, то, что сам он никуда переходить не собирался, а искренне был уверен, что может оставаться православным священником и приближать соединение церквей, и еще то, что свои взгляды он не особенно скрывал. Толстой рассказывает, что Московский и Коломенский митрополит Сергей (Ляпидевский), подписав его кандидатский диплом, обратил внимание на католический характер его диссертации. (Удивительные были митрополиты – они читали то, что подписывали!) Отец Николай откровенно заявил, что признает папу римского и верит во все, чему верит и учит Римско-Католическая Церковь. *«Он любопытствовал о том, кого я поминаю за литургией, я отвечал, что местного архиерея и что во время моего путешествия кругом света всегда и везде поминал*

католического епископа той епархии, в которой находился. Он пожелал, чтобы я изложил все это письменно, и когда я ему принес письменные ответы на все им мне поставленные вопросы, удивился моей чистосердечности». Удивлением искренности о. Николая все и ограничилось, Толстой продолжал служить.

Упоминает о. Николай и о своем близком знакомстве с о. Иоанном Кронштадтским и свидетельствует, что никогда не слышал от него порицания Западной Церкви: *«Напротив, он всегда сетовал, что разделение произошло, и сам как бы игнорировал его, посещая призывавших его католиков для молитвы».*

В квартире Толстого одна комната была выделена под молельню и выглядела весьма эклектично: на католическом алтаре стояла статуя Лурдской Богородицы, стены были увешаны православными иконами и католическими изображениями, был и портрет Папы, а вокруг него портреты православных восточных патриархов, ниже – армянский католикос, еще был портрет патриарха Никона.

Гроза разразилась над головой отца Николая через три месяца после отъезда епископа Пассардьера. Оказалось, что Ванутелли опубликовал в католическом журнале письма русского священника, пионера католицизма в России — его, отца Николая, частные письма. Последовал вызов к Саблеру, товарищу обер-прокурора Синода, и ультиматум: «Просите о снятии сана, и Вам оставят все привилегии Вашего образования». В противном случае, его пугали негласным судом и самыми суровыми последствиями вплоть до конфискации имущества.

Такой поворот событий был кошмаром для о. Николая, но очень порадовал его католических наставников, собственно, так ведь и было задумано — загнать его в угол публикацией компрометирующих писем. То ли о. Николай был человеком слабым и подверженным манипуляциям, то ли и правда так мечтал сыграть роль в соединении церквей, но вместо того, чтобы послать интриганов лесом и порвать с ними все отношения, он бежит к аббату Вивьену:

«Ни в каком случае не снимайте сана, — сказал он, — а отправляйтесь в Рим, где Вы будете встречены с распростертыми объятьями. — А моя семья? — Оставьте здесь семью. Бог требует от Вас этой жертвы».

Жена Толстого, конечно, была в шоке, умоляла его смириться и снять сан. Сам он готов был идти на компромисс, лишь бы остаться священником: пусть ушлют на приход как угодно далеко, хотя бы в миссию или в протестантскую страну заграничным священником. Но в Синоде дали понять, что это невозможно, и настаивали на принятии скорейшего решения: или снимайте сан или валите в Рим.

«Родные — православные — требовали отречения от веры и от священнического сана. Единоверцы мне чужие — католики — требовали, чтоб я немедленно ехал за границу и отрелся бы от семьи. Я не мог сделать ни того, ни другого».

В итоге о. Николай уехал, несмотря на слезы жены и детей, уговоры друзей и близких. На родине его заочно судили и лишили сана по настоянию Саблера, несмотря на то, что защищали его несколько владык в Синоде.

Уехав тогда в Рим, он потом трижды возвращался в Россию и трижды уезжал. Снова вернулся, уже окончательно – в 1905 году, после выхода Манифеста о свободе совести. К тому времени жена развелась с ним, а отец и бабушка лишили наследства, пустив слух, что он все свое состояние хочет отнять от семьи и отдать католикам. В 1897 году отец Николай женился вторично — на Ефимии Чельшевой, которая родила ему семерых детей, она умерла в начале 20-х в Киеве.

Но это мы забежали вперед: приехав первый раз изгнанником в Рим, он отслужил последнюю литургию в православной и первую в католической церкви. Папа Лев XIII разрешил его от несправедливого запрещения и позволил служить в католических храмах, причащать под двумя видами, исповедовать и принимать в католичество желающих.

Жил Толстой в греческом монастыре в Гроттаферрата, потом в парижском монастыре ордена ассумпционистов, где за ним следили, не выпускали в город, прятали письма, которые приходили ему из России от жены.

«Здесь все было чуждо, и я многого не понимал и не переваривал. Первое, чего мне не доставало, были церковные службы восточного обряда; и первое, что мне претило, были латинские молитвы. Мне не давали служить публично и заставляли служить обедню в ризнице, на столике, служившем для облачения священников. Во время изысканного мясного стола мой слух терзали заунывным голосом совершаемые чтения из

светских книг, издаваемых общиной, бонапартистского духа. На рекреациях разговоры шли только о выборах и о политике. Религией, по-видимому, интересовались меньше всего. Станным мне казалось, что настоятель трапезует отдельно и что о. наместник получает к своему первому завтраку горячее жареное, тогда как все довольствуются одним кофе. Удивляло меня, что монахи не соблюдают посты и по пятницам пьют молоко, а по субботам едят мясо, против своего же латинского устава. Возмущало меня, когда в виде епитимии одного почтенного иеромонаха заставили во время обеда ползать под столом на четвереньках и прикладываться к сапогам всех присутствующих, не исключая гостей».

Избавившись от опеки ассумпционистов, отец Николай преподавал археологию и восточную литургику в семинарии, где готовили миссионеров для Востока, учил желающих церковнославянскому языку. Построил маленькую униатскую церковь в честь св. Кирилла, учителя славян.

Неопределенность положения священника-экумениста сохранялась долгие годы. Он носил русскую рясу и длинные волосы, и не собирался отказываться от семьи (хотя за время его отсутствия жена подала на развод, а потом его заставили подписать отказ от прав на четверых детей). Католики просили его написать отречение от православия, он отказывался. Просили подписать исповедание, он подписал, но переделав его по-своему, согласно своим взглядам, например, исправил пункт: «Папа — верховный глава всех христиан» на «Христос — верховный глава всех христиан, а папа — Его викарий на земле». Мог вернуться на родину, отрекшись от своих «заблуждений» и пообещав не заниматься «пропагандой», но на это не пошел.

В период жизни в России у него организовалось нечто вроде прихода. Ежедневно утром и вечером шли службы, заказывались молебны и акафисты, читались по четкам молитвы и совершалось поклонение св. Тайнам.

Среди русского духовенства о. Николай Толстой получил ореол исповедника веры, как ни странно — пострадавшего за православие. Его посещали высокопоставленные лица, духовные — православные и католические, начетчики старообрядческие, ученые, профессора, литераторы, купцы, прежние товарищи офицеры, великосветские дамы. Вспоминая о том

времени в «Исповеди», отец Николай приводит любопытнейший эпизод второй встречи с о. Иоанном Кронштадтским, рисующий святого в непривычном свете: *«Возвращаясь, я случайно встретился в поезде с о. Иоанном Кронштадтским, прошел к нему в купе и до поздней ночи беседовал с ним о католичестве, к которому и о. Иоанн относился весьма сочувственно. Он очень негодовал на то гонение, которому я подвергался за веру, и рекомендовал мне искать утешение в возможно частом совершении святой Литургии».*

Второй раз Толстому пришлось бежать в Рим под угрозой ареста после присоединения к католичеству дочери виленского генерал-губернатора и Владимира Соловьева. Каждый раз он надеялся достигнуть какого-то компромисса с властью, остаться с семьей и в России служить Богу так, как велит ему совесть. Тщетно. Приехать на родину с новой семьей он смог только после 1905 года. Работал секретарем газеты «Русское слово», сотрудничал с газетами «Раннее утро», «Церковно-общественная мысль». Написал монографию «Всероссийский собор и церковная реформа», фантастический роман «Цари мира» (один из героев которого — перешедший из католичества в протестантство, а оттуда ушедший к масонам и потом обратно вернувшийся к католичеству, — образ, явно навеянный собственной судьбой) и несколько десятков фантастических рассказов. Преподавал археологию во многих духовных школах.

В 1916 году в «Голосе минувшего» Толстой издал свои воспоминания «Исповедь священника».

В 1918 году, будучи попечителем учебных заведений московского округа, подал в отставку в знак протеста против отмены изучения в учебных заведениях «Закона Божьего». После чего увез семью из голодной Москвы на юг.

Внук, видимо, по рассказам родных, писал, что отец Николай воспитывал семерых детей от второго брака в большой строгости. Повзрослев, только одна дочь Агнесса осталась верующей, «но и она перестала посещать церковь, разочаровавшись в попах».

С 1918 по 1920 год Толстой с семьей жил в городишке Бобров Воронежской губернии, откуда переехал в Киев, из Киева — в Одессу. В 1925 году он вернулся в Киев, служил в греко-католической церкви Пресвятого Сердца Иисуса.

Сведения о его злоключениях в 20-30-х годах обрывочны. Сначала вызвали обратно в Одессу и заставили выступить свидетелем на процессе католического священника Павла Ашенберга. Потом католическое руководство решило с отцом Николаем расстаться и лишило его сана — за вступление во второй брак при живой первой жене (тут все как у православных: второй раз о. Николай женился в 1897 году, но «вспомнили» об этом его преступлении спустя два с лишним десятилетия). Параллельно выяснилось, что собственный сын стал осведомителем ГПУ.

В 1929 году в киевской газете «Пролетарская Правда» появилось открытое письмо Николая Алексеевича Толстого, католического священника униатского обряда, протопресвитера, в котором он отказывался от сана священника.

«В своем заявлении Толстой указывает, что ему неоднократно приходилось выступать публично против вмешательства католических ксендзов в политику и что он, не желая иметь в дальнейшем ничего общего с католическим духовенством, целиком проникнутым польским шовинизмом, а равно не желая оставаться впредь паразитом и эксплуатировать темноту масс, к чему вынуждал его католический костёл, снимает с себя сан католического священника и посвящает себя честному труду».

Насколько искренен был о. Николай в этом заявлении, остается только гадать, но наиболее вероятно, что давление соответствующих органов наложило разочарование от католицизма.

Выпускник Пажеского корпуса и полиглот трудился в должности переводчика треста «Цветметзолото» на Урале и Кавказе, потом вахтером студенческого общежития. В Киеве его часто приглашали в ВУАН (Всеукраинская Академия наук), где бывший священник читал и переводил письма и рукописи на иностранных языках — где, например, во французском тексте были вкрапления на греческом, латинском, английском и других языках.

«...[Я] понимал, что теперь мое положение безысходно и что все уже кончено и поправить нельзя...» — так заканчивается исповедь о. Николая Толстого, опубликованная в 1916 году. Эти же слова он мог бы написать и спустя двадцать с небольшим лет, когда был обречен чекистами на бесславную смерть.

Его арестовали 14 декабря 1937 года, как «одного из руководителей униатского движения на Украине, направленного к ополячиванию украинского населения и подготовке к оказанию активной помощи украинцами-униатами польской армии при вторжении ее на Украину». Уже 25 января 1938 года Особое совещание коллегии НКВД приговорило Николая Алексеевича Толстого к высшей мере наказания по статьям 52-2 и 54-6 УК УССР, и 4 февраля 1938 года он был расстрелян. Ещё раньше, 25 сентября 1937-го, расстреляли его сына Михаила, а чуть позже, 16 февраля 1938-го, другого сына — Валентина.

«Только через 50 с лишним лет я получил официальный документ от комитета госбезопасности Украинской ССР о том, что они безвинно расстреляны, а где захоронены — неизвестно», — заканчивает свои мемуары о дедке Марлен Евгеньевич Скальский.

Его воспоминания об отце Николае относятся к 30-м годам:

«Николай Алексеевич среднего роста, сухощавый, изящный, очень подвижный, походка легкая, быстрая. Мама считала, что он не ходит, а бежит. Никакой транспорт не признавал, ходил через весь город пешком. При стройной фигуре — одухотворенное лицо, высокий лоб, умные светлые глаза. Волосы с густой сединой коротко подстриженные, небольшие бородка и усы. Морщин нет, небольшой румянец, зубы целые, зрение хорошее — очками не пользовался.

Н.А. был прекрасным рассказчиком. Мог интересно рассказывать часами, если были желающие слушать. Н.А. говорил, что думал, а думал он очень интересно, как теперь говорят — нестандартно и совсем не принимал советскую власть и ее вождей. Когда Н.А. высказывался по животрепещущим вопросам, все тотчас разбегались, а мама была в ужасе. В 1934 году был разрушен храм Христа Спасителя. Н.А. всюду высказывал свое возмущение, и боль от утраты русской святыни передал и мне. Я до сих пор с глубокой скорбью смотрю кадры, запечатлевшие его разрушение, и с такой же — восстановление. Однажды Н.А. пришел необыкновенно возмущенным — причина: открытие на Подоле памятника Сталину (теперь там Григорий Сковорода). Помню слова Н.А.: «Русские цари никогда при жизни памятников себе не ставили! А тут поставили. Кому, кто он такой?»

Дед часто приходил к нам домой на Пушкинскую, а после ареста моего отца в дом на Рыльском переулке. Я с дедом совершенствовал свои познания в немецком языке, и еще мы беседовали на вольные темы. Так я стал ему доказывать, что Бога нет, и приводил распространенные в то время «аргументы». Н.А. сказал, что мы на эту тему дискутировать не будем.

...Никогда дед не рассказывал о своем детстве, учебе в Пажеском корпусе, службе в Софийском полку, учебе в Духовной академии, встречах с философом и поэтом Соловьевым, Папой Львом XIII, Победоносцевым, с писателем А.Н. Толстым. О последнем у него сложилось весьма невысокое мнение. Дед рассказывал мне о своих изобретениях, открытиях, о лунных часах, о лифте с водяным противовесом, о вечном календаре и о вечном мире без войн и голодных дней».

Мечтая о вечном мире без войн и голодных дней, сохранил ли он другую мечту, которая стала творцом его бурной биографии, или, как скажет кто-то – сломала ему жизнь? Нам никогда не узнать об этом. Но пусть этот странный мятущийся человек останется в нашей памяти как неудачливый, но верный рыцарь идеи христианского единства, не столько институционального, сколько сердечного.

«СМОТРИ — НЕБО ТЕМНЕЕТ, С НЕГО ПАДАЮТ МЕРТВЫЕ ПТИЦЫ»

Племянник знаменитого философа, внук не менее знаменитого историка, троюродный брат Блока и друг детства Андрея Белого, поэт-символист, православный священник, ставший католиком восточного обряда — всё это о Сергее Соловьеве.

До выхода в свет книги «Последний Соловьев», на основе которой написан этот очерк, о Соловьеве-младшем было мало что известно. Сбирать материалы об о. Сергии Валерий Смирнов (в монашестве – Марк) начал еще в 70-е годы, будучи студентом МДА. Он застал в живых доминиканскую монахиню, сестру Екатерину (в миру — Нору Рубашову), которую крестил в 1926 году о. Сергей Соловьев и которая была арестована по одному с ним

делу в 1931 году (по просьбе Валерия Аркадьевича она оставила краткие воспоминания о Соловьеве), разыскал дочерей Соловьева, поговорил с теми, кто помнил его живым. Работу над книгой об о. Сергии поддержал о. Александр Мень. В свет она вышла только в 2014 году.

Среди предков Сергея Соловьева — первый в России и Украине философ и мистик Григорий Сковорода, и его ученик и жизнеописатель Михаил Коваленский. Один прадед — протоиерей, служил при Московском коммерческом училище, другой — рязанский помещик, женившийся на своей крепостной, занимался библейской хронологией. Третий — морской адмирал, четвертый — ботаник и путешественник. Один из дедов — известный историк, автор «Истории России» Сергей Соловьев, одна из бабушек — детская писательница, «русский Андерсен» — Александра Коваленская.

Мать Сергея Соловьева, Ольга Михайловна, с юности была склонна к религиозным исканиям, серьезно занималась живописью, писала иконы. С будущим мужем познакомилась, когда давала уроки его сестре, он был тогда 16-летним гимназистом, а ей было 22 года. Обвенчались они через 6 лет, когда Михаил окончил университет.

Подробности о детстве Сергея Соловьева известны прежде всего из оставленных им воспоминаний. В детстве мальчик был очень религиозен, и как это ни кажется странным для ребенка — увлечен церковностью. Заметив это увлечение, бабушка-писательница подарила Сереже (видимо, 9-10-летнему) ящик с церковной утварью.

«Можно было начинать облачаться, кадить, справлять все службы, но решительно запрещено совершать таинства и служить обедню. Дело стало за богослужебными книгами. На первых порах у меня был Марусин учебник богослужения, молитвенник и подаренная отцом славянская Библия. Скоро отец подарил мне и настоящий синенький служебник, и коричневую псалтирь с серебряной лирой на переплете. Таково было скудное начало моего храма. (...) Нашу квартиру я обратил в храм. Кабинет отца был главным алтарем, дверь из его кабинета в гостиную — царскими дверями, перед этой дверью кстати висела занавеска на кольцах, которую можно было отдергивать. Темный коридор и моя комната были сделаны приделами, где служились будничные службы. Отец, работая за письменным столом, никогда не мешал мне служить перед его носом, требуя только, чтобы служба совершалась вполголоса.

(...) Во мне пробуждалось желание и самому исповедовать. Я бродил со свернутой епитрахилью по поляне, улавливал где-нибудь Настьку, спрашивал, почитает ли она отца и мать, быстро накрывал епитрахилью и отпускал ей грехи. Из Настюшки мне удалось сделать своего дьячка, и я облакал ее в зеленый стихарь. Иногда я служил всенощно на воздухе, поставив аналой под елями».

А вот что вспоминал о маленьком Сереже в церкви Андрей Белый (Борис Бугаев): *«Ему было тогда лишь девять лет; он поражал надменством, стоя на клиросе с дьячками и озирая прихожан.*

«Такой малыш, а кичится», — так думалось мне.

Бедный «Сережа», неповинный в напраслине: впечатление — от необычного вида; светло-желтое пальто с пелериной, а бледное личико в шапке пышнейших светло-пепельных волос было ангеловидно; что-то не детское: задумчивость нечеловеческих просто глаз, казавшихся огромными, сине-серыми, с синевой под ними; вид отлетающий от земли («не жилец на земле!»); нет детскости, но и нет старообразия: грустно-задумчивая бездетность, — она-то и показалась мне «чванством»; еще показалось: сумел забраться на клирос, куда не пускают, бегают с раздутым кадиллом за иконостас; и, выходя оттуда — оглядывает: знай-де наших!»

Боря Бугаев был принят в доме Соловьевых как свой, вечерами за чайным столом они с Сережей встречались с творческой и интеллектуальной элитой Москвы: Сергеем Трубецким, позднее — Валерием Брюсовым, Зинаидой Гиппиус, Г. А. Рачинским, и, конечно, с Владимиром Соловьевым, Сережиным дядей, причем в разговорах подростки участвовали наравне со взрослыми.

Сергею было 18 лет, когда он осиротел. В январе 1903 года скончался его отец, после его смерти застрелилась мать.

В 1904 году юноша поступил на словесное отделение историко-филологического факультета. С осени 1907 года Сергей перешел на классическое отделение, чтобы заниматься античной литературой.

В эти годы выходили его стихи — и отдельными книжками, и печатались в журналах и альманахах. Сейчас они практически забыты, хотя Евгений Евтушенко включил стихотворение Соловьева «Петербург» в свою

хрестоматию «Десять веков русской поэзии». Сергей вместе с другом детства Андреем Белым входил в литературно-философский кружок «аргонавтов». *«Друзья сочиняли стихи, обсуждали философские трактаты, погружались в бурные литературные дискуссии, но при этом жаждали не создания шедевров, не славы, а реального преобразования мира, изменения самой структуры материального бытия. Они верили, что стихи и философия могут оказаться реально преобразующей силой»,* — пишет о них Марк Смирнов.

Отдельная история – взаимоотношения Соловьева, Блока и Белого, которых он и познакомил друг с другом. Культ Прекрасной Дамы – Любви Дмитриевны Менделеевой, невесты, а потом жены Блока – они создавали и развивали втроем. Но если для Белого это привело к трагической страсти к жене друга, то Соловьев вышел из этой мистической игры без последствий, правда, с Блоком отношения порвал: а потом писал ядовитые критические статьи о блоковских стихах, впрочем, Блок отвечал ему тем же.

Осенью 1912 года Сергей женился на Тане Тургеневой, девушке, мучительный роман с которой привел его в 1911 году к психическому срыву и попытке самоубийства.

С 1913 года Соловьев стал много размышлять о возможности христианского единства, о будущем Вселенской Церкви.

Осенью 1915 года он был принят в МДА, а в феврале 1916 года, в возрасте 31 года, рукоположен в сан священника. Интересно, что Соловьев в эти годы испытывал сильную антипатию к Павлу Флоренскому, в письмах к жене называл его «змием» и «эссенцией ереси».

В 1915 году Сергей Михайлович издает биографию своего дяди Владимира Соловьева, в которой есть строки: *«Будем надеяться, что недалеко и до исполнения его (В.С.) главной молитвы, (...) до восстановления церковного единства между Востоком и Римом».*

Летом 1916 года Соловьев познакомился с четой Абрикосовых, выпускниками Кембриджа, католиками, которые, вернувшись из-за границы в 1910 году, стали католическими миссионерами среди студенчества и интеллигенции.

Накануне революции, 2 февраля 1917 года, отец Сергей Соловьев участвует в прениях Петроградского религиозно-философского общества. *«Во время*

прений Белый и Соловьев много нападали на Флоренского – за его черносотенство, идейную двуличность, утверждение, что христианство вне моральных категорий зла и добра...» (из дневника секретаря РФО С.П. Каблукова)

6 февраля о. Сергей выступает с докладом «Кризис славянофильства». В числе основных тем доклада: «Вселенское призвание славян. Союз православного и католического мира», «Идея соединения церквей как лозунг в борьбе за европейский мир».

В течение 1917 года в журнале «Народоправство» Соловьев публикует ряд критических, даже обличительных по отношению к церковной реальности статей.

«Обильны наши святыни, но кругом них – мерзость запустения, пьяные и вороватые монахи, вялое и отягченное житейскими заботами духовенство». Соловьев видит причины кризиса русского православия прежде всего в том, что «...оторванная от вселенского единства церковь (...) превращается в мирское учреждение».

«Жив святой и вечный Запад... единственная культура, которая из века в век закономерно развивалась под знаменем креста. Мы увидим, что мы были перед Европой дети, и, может быть, с великим будущим, но которым грозит опасность вообразить себя большими и впасть в непоправимую беду».

Если прежние друзья по литературе видели в революции пробуждение новых творческих сил, то Соловьев не верил в то, что справедливость может родиться в противлении Христу. Бывшего когда-то другом Блока за поэму «Двенадцать» он назвал певцом современного сатанизма.

Весной 1918 года о. Сергей закончил Академию и еще недолго оставался при Академии доцентом. Некоторое время жил с женой и тремя дочерьми в доме о. Павла Флоренского в Сергиевом Посаде (видимо, старые распри остались в прошлом).

В страшные годы голода и разрухи Соловьевы спасались в мирных и относительно сытых тогда поволжских местах – жили в семье мельника, о. Сергей зарабатывал на жизнь учительством в школе, служил, видимо, и как священник. Одну зиму прожили благополучно, потом стало тяжело. В семье

мельника все болели, выжить было трудно. Соловьевы потеряли среднюю дочь.

По непонятным причинам, в конце 20-го — начале 21-го года о. Сергей переехал в Москву, оставив жену и дочерей в Балашове, куда перебрались после Поволжья. Отношения с женой испытания разлукой не пережили, нашелся человек, который стал ей поддержкой и опорой. В Москве Соловьев зарабатывал переводами поэзии, преподаванием истории литературы и классических языков.

К общине русских католиков о. Сергей присоединился в конце 20-го года.

Скорее всего, его принял в католичество экзарх русских католиков Леонид Федоров, приехавший в это время в Москву.

«Чем же было вызвано такое решение? С одной стороны, конечно, ему предшествовали длительные духовные поиски, сказалось и влияние идей дяди – Владимира Соловьева. Но, с другой стороны, не следует забывать, что решение принималось в те годы, когда Российская Православная Церковь была раздираема расколами и разделена на взаимовраждующие группировки. У Сергея Соловьева это создавало ощущение неуверенности, перед лицом же надвигающегося на христианство воинствующего безбожия – усиливалось стремление найти незыблемую опору «в твердом камне Церкви», в «скале Христовой». Таким фундаментом Вселенской Церкви, по его мнению, оставалась, как и прежде, Церковь Католическая, возглавляемая епископом Римским», — пишет Марк Смирнов.

Вот что известно о русских католиках согласно исследованиям священника Поля Майе, дьякона Василия фон Бурманна и священника Антония Венгера.

Общины, состоявшие целиком из католиков русского происхождения, появились в начале XX века. Одна община образовалась в Петербурге из кружка Волконской, наиболее активным ее членом была Наталья Ушакова, кузина Столыпина. Постепенно она собрала в столице трех священников, перешедших в католичество из православия и старообрядчества: это были Алексей Зерчанинов, Иоанн Дейбнер и Евстафий Сусалев. Все трое переехали в Петербург после Манифеста 17 апреля 1905 года, даровавшего свободу совести. Появление указа вызвало массовое возвращение в Католическую Церковь бывших униатов, насильственно зачисленных в православные. Но свобода не была полной: при возвращении в католичество

от них требовалось в таких случаях принятие латинского обряда; католичество византийского обряда оставалось совершенно неприемлемым.

Вплоть до Февральской революции католические общины византийского обряда в обеих столицах существовали на полуполюгальном положении.

После Февраля наступил краткий период расцвета. Митрополит Андрей (Шептицкий) посвятил Владимира Абрикосова в священники, сделав его официальным главой Московской общины русских католиков. Экзархом русских католиков восточного обряда стал священник Леонид Федоров. В тот же период состоялся Собор под председательством митрополита Андрея, положивший каноническое основание РКЦ.

В сентябре 1922 года вместе с большой группой ученых, писателей, философов из России были высланы о. Владимир Абрикосов и член московской общины известный публицист Дмитрий Кузьмин-Караваев (первый муж будущей матери Марии). Община была практически обезглавлена. Весной 1923 года, когда власти развернули кампанию против Православной Церкви, обвиняя ее в попытке сопротивления изъятию церковных ценностей, процесс прошел и над католическим духовенством. 13 священнослужителей предстали перед судом. Прелат Будкевич был расстрелян, остальные приговорены к различным срокам заключения. Леонид Федоров отсидел два срока подряд и умер в 1935 г., в московской доминиканской общине было арестовано 38 человек. Именно в эти критические для русского католичества годы Сергей Соловьев присоединяется к Католической Церкви.

Дальше, однако, начинаются странные метания...

Из книги немецкого бенедиктинца Василия фон Бурманна о Леониде Федорове мы узнаем: *«На Фоминой неделе 1921 г. о. Соловьёв сообщил о. Владимиру Абрикосову о том, что сила благодати Божией и молитвы преподобного Сергия вернули его в лоно Православной Церкви. Отцу Леониду Федорову, который пришел поговорить с ним в Румянцевский музей, где тогда работал Соловьев, он сказал, что не вернулся в православие, а считает себя «запрещённым католическим священником»».*

«Оказывается, что он не находит в католичестве глубины православия и ещё не разрешил себе окончательно вопрос о папской непогрешимости, о

момента Пресуществления и об отношении Католической Церкви к русским святым, — вспоминал об этом свидании о. Леонид. — Свой переход он считает ложным шагом (faux pas) и важно заявляет, что призван распространять и углублять «идеи своего дяди»».

Андрею Белому в декабре 1922 года Сергей Соловьёв пишет: *«И пусть в нём (католицизме) много вековых грехов, много демонической жуты, но ведь это волшебный лес с чудовищами, в глубине которого таится чаша с Божественной кровью. Я отвергнут и католиками, и православными, но всё с большей бодростью чувствую, что иду по правильному, хотя очень опасному и скользкому пути».* Из письма к дочери мы узнаём, что в октябре 1923 года отец Сергей ещё совершает богослужения в православной церкви деревни Надовражино (рядом с имением Коваленских).

Однако уже в августе 1924 года, в своем обращении к Католической миссии помощи России отец Сергей говорит о том, что передаёт Ватиканской библиотеке рукопись Владимира Соловьёва «История и будущность теократии». Он подписывает: *«Племянник Владимира Соловьёва, католический священник восточного обряда».*

Незадолго до этого, в мае были вынесены приговоры всем арестованным членам и прихожанам доминиканской общины: различные сроки заключения от трёх до десяти лет. В начале июля осуждённые были отправлены по этапу.

Как ни странно, но именно возросший риск служения привел к тому, что Соловьёв наконец определился по отношению к католицизму. В 1925 году он возглавил маленькую общину русских католиков в Москве. Он служил в римско-католическом храме Непорочного Зачатия на Малой Грузинской улице, где настоятелем был священник Михаил Цакуль, с которым на первых порах у них сложились хорошие отношения.

Питерская католичка С.А. Лихарева встречалась с отцом Сергием в то время. Вот что она вспоминала:

«Зимой во время богослужения замерзала не только вода, но и вино; приходилось перед Пресуществлением отогреть около кадила. Было Рождественское время... Верующих, да ещё восточников, было мало; они же чтецы, певчие. Беседовали мы у о. Сергия на дому; в другой мой приезд —

в одной из небольших чайных. О. Сергия пока ещё не трогали, так как он имел документы профессора и литератора».

Марк Смирнов в своей книге цитирует воспоминания монахини Екатерины, в миру Норы Рубашовой: *«Мне много раз приходилось слышать молитвы на церковнославянском языке в православных храмах, но такого красивого богослужения и таких проникновенных проповедей, как у отца Сергия, мне слышать почти не приходилось. Зимой в храме было холодно, отец Сергий служил в шубе. От соприкосновения с металлом чаши губы его всё время были окровавлены».*

Основной принцип католичества восточного обряда (в литургической практике) сформулировал ещё в 1912 году государственный секретарь Ватикана кардинал Мерри дель Валь: «Ничего не прибавлять, ничего не убавлять, ничего не изменять» (в восточном обряде, аналогичном обряду Православной Церкви. – М.С.). Таким образом, русские католики оказались в межеумочном положении. Для обычных католиков они были обрядово и культурно инородным телом, а для православных – еретиками и предателями отеческой веры.

В 1926 году Россию посетил автор исследований о Владимире Соловьёве, епископ Мишель д'Эрбиньи, член Общества Иисуса, председатель Папской комиссии «Pro Russia», ректор Папского восточного института. Явно — с целью изучения положения религии и Церкви в Советском Союзе, но была и секретная миссия — восстановить католическую иерархию в России. Осенью 1926 года Д'Эрбиньи познакомился с отцом Сергием Соловьёвым. *«Он так меня обнимал и целовал, – писал Соловьёв старшей дочери, – что и не знал, как вырваться».*

Во время пребывания в СССР Д'Эрбиньи рукоположил четырёх новых католических епископов, среди них был Пий Эжен Невё, назначенный апостольским администратором в Москве.

В ноябре того же года Невё назначил Соловьёва вице-экзархом католиков восточного обряда – то есть заместителем экзарха Леонида Фёдорова, находившегося в заключении на Соловках.

Невё избрал отца Сергия своим духовником. Нора Рубашова вспоминает: *«К восточному обряду монсеньор Невё относился с большой любовью, и хотя никогда не служил по восточному обряду, хорошо знал его. В беседах со*

мною он часто высказывал своё неодобрение тем русским католикам, которые практиковали западный обряд. Он считал, что русские должны практиковать только восточный обряд».

Соловьев продолжал поддерживать отношения с дочерьми, переписывался с ними. Несколько лет подряд отец Сергей гостил с ними у Максимилиана Волошина в Коктебеле. Вот как вспоминает о нём один из гостей «Дома поэта» (так называл свой гостеприимный дом Волошин) С.В. Шервинский: *«Последний раз мы встретились летом 1926 года в Коктебеле, в гостях у Макса Волошина. В те годы там собиралась значительная группа литераторов, проводившая в Коктебеле время своего отдыха. Там были священник Дурылин, Белый, Габричевский. Мы довольно весело проводили время, устраивали любительские спектакли, в которых я принимал большое участие, шуточные вечеринки, танцы и т.д.*

С.<ергей> М.<ихайлович> во всём этом никакого участия не принимал. Жил он в соседнем от волошинского дома здании и почти всё время проводил в своей комнате, как в монастырской келье, в полном уединении. Одет он был в цивильный костюм – чёрные брюки и куртку. Однажды я зашёл в комнату к С.М. и стал его уговаривать пойти в наше общество развлечься, немного пообщаться и отдохнуть. При этом я уверял его, что ничего плохого, не подобающего его сану, не произойдёт. На это С.М., показывая на свою очень скромную старенькую чёрную куртку, сказал: «И без того, вот этим святыне ризы унижены, а вы говорите идти развлекаться, нет уж, дорогой, увольте...» Впрочем, он принимал участие в религиозно-философском вечере, посвящённом 700-летию со дня смерти св. Франциска Ассизского, который устроили отдыхающие литераторы».

В 1929 году по какой-то причине отец Михаил Цакуль, с которым первое время у о. Сергия сложились такие хорошие отношения, отказал ему в алтаре для совершения богослужения по восточному обряду. Служить в православных храмах по договоренности с кем-нибудь из друзей – православных священников Соловьев не хотел, чтобы не дать повод православным говорить о его возвращении.

И Соловьёв переходит на «катакомбное» положение. *«Отец Сергей забрал из храма Непорочногo Зачатия несколько облачений, на престольное Евангелие, антиминос и другие вещи, необходимые для совершения богослужения на дому. Богослужения проходили в катакомбных условиях,*

присутствовали только несколько человек, служил он всегда по восточному обряду. Престолом у него был обычный, накрытый белой скатертью стол» (из воспоминаний Н. Рубашовой).

Выживать удавалось благодаря переводам: в первую очередь с греческого, латыни, немецкого, итальянского. Английский и польский были выучены специально ради заработков. Многие из сделанных тогда Соловьёвым переводов стали классическими и публикуются по сей день.

В то время отец Сергей продолжал размышлять о путях к достижению христианского единства. Он полагал, что, если в Католической Церкви будут почитать древнерусских святых, это могло бы помочь молитвенному общению католиков и православных, сблизить их.

Он передал в Рим свою рукопись о преподобном Сергии Радонежском, но получил ответ, что говорить о Сергии Радонежском как о святом нельзя, потому что в Русской Церкви не было святых после разделения Церквей. (Удивительно все-таки, как Церкви-сестры были похожи друг на друга в своей горделивой замкнутости.)

Память православных святых была установлена для русских католиков Папой Пием XII в 1940 году еще при жизни о. Сергия. Правда, он о первом шаге к осуществлению своей мечты о соединении Церквей вряд ли имел возможность узнать...

Монахиня Екатерина (Нора Рубашова) свидетельствовала, что *«после присоединения ко Вселенской Церкви отец Сергей никогда не выступал против Православной Церкви, со священнослужителями которой у него сохранились дружеские отношения... Он терпеливо и незлобиво принимал непонимание и недоброжелательность к восточному обряду как некоторых латинских священников, так и мирян, и иногда с остроумием, ему свойственным, шутил по этому поводу».*

В 1931 году одна из дочерей переехала жить к о. Сергию в Москву. К тому времени у него появился свой приличный угол — комната из фондов Центральной комиссии улучшения быта учёных.

А вскоре после этого отец Сергей Соловьёв, а одновременно с ним и многие прихожане его общины, в том числе Нора Рубашова, были арестованы. Обвинялись они в шпионаже в пользу Ватикана и Франции и содействии интервенции.

В тюрьме Соловьёв пробыл чуть более четырёх месяцев. Нора Рубашова вспоминала о случайной встрече с о. Сергием в тюремных коридорах: *«По его виду я поняла, что ему очень плохо, что он тяжело болен. Я была так потрясена его внешним видом, что не смогла ничего ему сказать. Было заметно, что его рассудок уже помутился».*

Приговор был вынесен довольно мягкий — десять лет ссылки в Алма-Ату (шесть лет спустя расстреляли бы). Но в ссылку он не уехал. Болезнь обострилась, и Соловьёва доставили в так называемую Троицкую колонию — психиатрическую больницу на станции Столбовая Курской железной дороги в 64 километрах от Москвы.

Епископ Невё тогда писал в одном из писем в Рим об отце Сергии, ссылаясь на сообщение женщины, освобождённой вместе с Соловьёвым: *«О здоровье отца Сергия она рассказала очень грустные факты. Он так худ, что при виде его можно испугаться... Ему сказали, что <...> обе дочери арестованы. Вследствие этого отец Сергей потерял способность здраво рассуждать».* *«В разговоре у себя дома он обронил слова: «Я всех выдал». Правда ли это? Или это игра его воображения? Один Бог знает истину».*

На Столбовой отец Сергей пробыл чуть больше года. В ноябре 1932-го он был выпущен на поруки старшей дочери. В течение трёх последующих лет Сергей Михайлович большую часть времени провел в психиатрических клиниках: 1-го Медицинского института, в Донской больнице, в больнице имени Кащенко. Пока он был в больничных застенках, в издательстве «Academia» вышел в свет последний прижизненный литературный труд Соловьёва — поэтический перевод трагедий Сенеки.

По воспоминаниям дочери, *«болезненное состояние С.М. Соловьёва усугублялось тем, что он подверг себя казни, заключавшейся в отказе от всякой деятельности».* *«Недовольство собой у него начало проявляться задолго до болезни, внешне оно выражалось в том, что он никогда не фотографировался и не смотрелся в зеркало. Единственное изображение его внешности — портрет, выполненный художником М.С. Родионовым в 1925 году. Он не передаёт главного, что одушевляло, озаряло его лицо, — глаз, о которых кто-то из хорошо знавших философа Владимира Соловьёва восклицал: «Опять я вижу соловьёвские глаза!» В болезни глаза приобрели трагическое выражение. Отца мучило ощущение своей вины перед теми, кто ему поверил, за ним последовал и оказался в тюрьме.*

Наступало очередное обострение болезни, и его приходилось в очередной раз помещать в психиатрическую больницу. Он твердил: «Я отравил весь мир! Смотри – небо темнеет, с него падают мёртвые птицы».

В 1909 году Андрей Белый обратился к другу в стихах:

Какою-то нездешней силой
Мы связаны, любимый брат.
Как бы неверная зарница,
Нам озаряя жизни прах,
Друзей минутных вереница
Мелькнула в сумрачных годах;
Ты шел с одними, я – с другими;
Шли вчетвером и впятером...
Но много ли дружили с ними?
А мы с тобой давно идем
Рука с рукой, плечо с плечом.
Годины трудных испытаний
Пошли нам Бог перетерпеть, —
И после, как на поле брани,
С улыбкой ясной умереть.

Годины трудных испытаний предстояли, в этом Белый не ошибся, хотя, если смотреть со стороны, пожалуй, что Соловьеву их досталось много больше. Борис Бугаев скончался от инсульта в 1934 году, об их встречах в 20-30-е годы ничего не известно, их пути разошлись еще до революции.

Соловьев умер 2 марта 1942 года в больнице Кащенко, эвакуированной из Москвы в Казань. Но на поле брани в прямом смысле не умер ни тот, ни другой. Но не была ли кончина Сергея Соловьева смертью мученика идеи церковного единства в брани с духами поднебесной злобы?..

КАК РАССТРИГА И АНТИРЕЛИГИОЗНИК СТАЛ «КЛАССИКОМ ДУХОВНОЙ ПРОЗЫ»

Многим православным читателям хорошо известен роман «Архиерей», написанный в начале XX-го века, и который современными церковными книгоиздателями издавался большими тиражами под авторством загадочного «иеромонаха Тихона» (иногда еще добавляется фамилия «Барсуков»), звучал на православном радио, выложен в сети как аудиокнига на православных сайтах. Романом, конечно, это произведение, назвать сложно, скорее, это повесть. Сложно понять и то, почему его издают и пускают в эфир — ведь при всей назидательно-дидактической стилистике, книга проповедует идеи, чуждые сегодняшнему православному мейнстриму. Сюжет тоже не очень-то характерный для православной литературы — пьющий священник, отправленный за венчание пары без документов в запрет, его друг — тоже священник, отчаявшийся и фактически бросивший служение ради деятельной помощи бомжам и нищим, странный архиерей, который троллит попов, непривыкших к нестяжательным и простым в обращении владыкам, отдающий резиденцию предшественника для христианской коммуны, образованной из деклассированного элемента.

Вот характерный отрывок, рассуждения главного героя, архиерея (безымянного, кстати):

«Великое живое Божие дело в мире, дело перерождения, преображения, воссоздания человечества, люди поняли только как «религию». Из творческих актов Божьей силы, действующей в мире, — из святых таинств — создали религиозный культ, забыв, что Богу нужно единственное — поклонение «духом и истиною». «Духом», то есть благоговейно признавать существование Бога. «Истиною», то есть в последних даже мелочах своей жизни говорить истину, поступать по истине и всячески разоблачать ложь. И только. Богу не нужны ни наши храмы, ни поклоны, ни молебны. Все это нужно нам, чтобы сделать нас христианами. Но мы привыкли падать ниц перед идолами и от христианства усвоили себе только поклонение. Рабы страстей, разделивши всех на сильных и слабых, на богатых и бедных, на начальников и подчиненных, на господ и на прислугу, на ученых и на невежд, на судей и подсудимых и так далее и определивши свои отношения друг к другу правами и обязанностями, люди и к Богу свои отношения определили

тоже как права и обязанности. Угодничая перед сильными людьми, мы и живую веру в Бога заменили «угождением» Богу. Всегда в душе рабы, мы и слово «раб Божий» поняли в буквальном смысле и христианскую добродетель смирения превратили в душевное холопство, забыв слова Христа: «Я уже не называю вас рабами... но друзьями» (Ин. 15, 15). И даже исполняя заповеди Божий и делая добрые дела, мы смотрим на это как на взятку, которую даем Богу, чтобы получить местечко на том свете. Можно ли удивляться после этого тому, что не только люди, но и сами священники даже, принимая Таинства, нисколько не изменяются и остаются все такими же, как были».

Издавая и читая эту книгу, мало кто задавался вопросом: а кто же настоящий автор «Архиерея»? Максимум — упоминалось вскользь, что «иеромонах Тихон» — это псевдоним, но и только.

Но нашелся исследователь, который уверен, что автором этой книги был вовсе не монах, а священник — протоиерей Тихон Андриевский, после революции отказавшийся от веры и занимавшийся антирелигиозной пропагандой. Уральский краевед Юрий Сухарев по крупицам собрал сведения о судьбе этого необычного священника (см. Сухарев Ю.М. «К биографии церковного диссидента Тихона Андриевского»).

Тихон Петрович Андриевский родился в 1873 г. в с. Алагир (Терской области) Северокавказского края. Учился в Тифлисской семинарии в одно время с будущим «отцом народов» Иосифом Джугашвили, но четырьмя курсами старше.

Потом учился в Казанской духовной академии на средства Кавказского миссионерского общества, как сын бедного горского священника.

Выпустился из академии в 1900 году кандидатом богословия.

Несколько лет служил наблюдателем церковно-приходских школ и школ грамоты Северной Осетии.

В 1903 году принял духовный сан и вскоре назначен благочинным города Карса и округа. Из-за расхождения во взглядах на национальную политику правительства, проводимую протоиереем Восторговым, отказался от службы в духовном ведомстве, вышел в отставку и жил на литературный заработок в Казани.

В этот период им и было написано произведение, которое сегодня издается как роман «Архиерей» под авторством «иеромонаха Тихона».

В качестве доказательства того, что роман написан Андриевским, краевед Юрий Сухарев приводит публикацию в «Сибирской торговой газете», издававшейся в Тюмени, в номере от 13 (26) января 1917 года в разделе «Литература»:

«Законоучитель Камышловской гимназии о. Тихон Андриевский готовит новый литературный труд, который станет продолжением его популярного у всего российского духовенства романа "Архиерей"».

17 октября 1905 года социалисты устроили беспорядки в центре Казани. В результате были раненые среди полиции, убито несколько человек из публики. Участие в беспорядках приняли студенты Казанской семинарии. Семинаристы запаслись самодельными бомбами, камнями, кирпичами, из здания семинарии стреляли из револьверов по полицейским.

К 21 октября повстанцы уже создали свою милицию и в значительной степени контролировали ситуацию. В этот день возникла стихийная многолюдная «черносотенная» манифестация, направленная против социалистов. В результате бунтовщики оказались блокированными в здании Казанской городской управы. Осаждённым было предложено сдаться. Вскоре они приняли все условия и приостановили стрельбу из окон.

Исследователь Игорь Алексеев поясняет: *«Согласно данным, содержащимся в «Деле об открытии стрельбы», обстрел здания прекратился после того, как находившийся в нём священник — протоиерей Тихон Андриевский и «другие лица» «обратились по телефону к губернатору с просьбой прекратить стрельбу».* Все сдавшиеся под усиленным военным конвоем, в ограждении от натиска возмущённой толпы, были отведены в Казанскую пересыльную тюрьму.

В 1906 году друзья исхлопотали отцу Тихону место преподавателя в Пермской духовной семинарии, где он и служил до 1912 года. Преподавал греческий язык, психологию, логику, краткую историю и начальные основания философии, всеобщую церковную историю и историю русской церкви, а также основное, догматическое и нравственное богословие.

Своими далеко не ортодоксальными взглядами отец Тихон безбоязненно делился с семинаристами. Спустя несколько лет, уже после февральской

революции, отзыв одного из них — своего племянника — запечатлел в своем автобиографическом романе «Виноградари» протоиерей Николай Буткин, расстрелянный в 1937 году, он вывел там отца Тихона Андриевского под именем Тихановского.

«— Двойки ставил и он, но преподавал интересно и много беседовал с нами.

– На какой кафедре он был?

– Преподавал церковную историю, знал предмет великолепно, но взгляды его расходились с общепринятыми.

– Например?

– Например, он говорил, что Церковь действительная существует только в Избранных и невидима. Видимое же христианство представляет собою отпадение от чистоты веры и включает в себе много человеческого».

С 1912 по 1917 год отец Тихон был законоучителем в гимназиях уральского городка Камышлова.

В 1969 году одна из дочерей отца Тихона, Вера, написала о нем воспоминания по просьбе маршала Голикова, чьим учителем был Андриевский в Камышловской гимназии. Маршал тепло вспоминал священника, организовавшего для ребят литературно-философский кружок.

«У папы в кабинете часто собирались его товарищи, взрослые, молодежь, читали запрещенную литературу, беседовали. Дома у нас устраивались небольшие диспуты, проводились доклады», — писала она.

Отец Тихон старался сблизиться с народом. *«Как добрый и отзывчивый человек помогал бедным солдаткам. Ходил к ним, беря и нас, старших детей с собою. Находясь в среде крестьян, помогал им убирать хлеб, сено. Одна одинокая крестьянка лежала тяжело больная, у нас в флигеле. За ней смотрели, кормили до самой смерти».*

В февральскую революцию о. Тихон отказался от законоучительства и вступил в сельхозкоммуну «Доловка» Камышловского уезда.

Вот что позже сам Андриевский писал в автобиографии:

«Когда разнесся лозунг «Вся власть Советам», стал на сторону советской власти и в Камышловском соборе выступил против анафемы большевиков

патриархом Тихоном, за что был лишен прав служения Екатеринбургским епископом Григорием, но суду епископа не подчинился и объявил себя не зависимым, о чем заявил Камышловскому исполкому.

Камышловский УИК предоставил мне одну из городских церквей, где я и повел фактическую борьбу с духовной властью, запретившей, между прочим, священникам венчать разведенных советской властью. В течение июня (1918 года) мною было перевенчано около 150 браков, чем обезоружил духовенство в его местной борьбе с советской властью».

Он пишет, что вышел из священнического звания ещё при белых, по выходу из тюрьмы, куда был посажен в июле 1919-го, когда город заняли чехи.

«Побуждения, по которым я снял сан – борьба с церковью и духовенством за советскую власть. Доказательством служит тот факт, что начал я эту борьбу в тот момент, когда еще неизвестно было кто-кого».

Вот как он видит причины своего разрыва с церковью:

«...Мало-помалу, я начал видеть в своей прекрасной церкви то, что она есть: капиталистическое предприятие, нераздельную и существенную часть хищнической системы. Я увидал, что несмотря на эстетические, культурные и художественные качества, и как бы ни были искренни отдельные священники, вся она – только приманка, средство заманить бедных в западню подчинения эксплуататорам... После этого, почтенное учреждение, которое мне когда-то казалось достойным и благородным, стало для меня гробом, полным всякой скверны».

При красных Тихон Петрович был сначала сторожем общественных огородов, потом заведовал уездным отделом народного образования, а затем там же был инструктором и организатором.

Из воспоминаний дочери:

«Очень тяжел был для нас 1921 год, голод, холод, болезни, разруха. Умер от тифа младший сын Александр в возрасте 7 лет. Мама убивалась от горя, обращаясь к «всевышнему» со словами: «Помоги, пощади, зачем берешь ни в чем не повинного младенца!» Но, увы, не пощадил. У мамы поколебалась вера в него. А папа принял эту утрату на себя, сказав, что он не досмотрел. Паек тогда выдавался очень маленький, истощались запасы с огорода. Мы ели лебеду, траву, крапиву, часто тяжело болели.

Потом папа нашел живительный источник. На бойне при забитии скота кровь выпускали по канавкам наружу. При сильном морозе мы ее вырубали, оттаивали, варили и этим спаслись. Об этом источнике питания папа рассказал многим. Люди ему в ноги кланялись, благодарили за спасение».

Помогал Тихон Петрович не только советом. «Помню, подобрал шести лет мальчика — распухшего от голода, покормил его кровяными лепешками».

«Папа, когда возвращался с работы, прямо проходил к нему, а потом уже шел к нам. Все меры принимались к тому, чтобы его спасти. Однажды к папе обратилась цыганка (за р. Пышмой стоял их табор) с просьбой помочь ее грудному ребенку. И вовремя данное лекарство спасло ему жизнь».

«В 1924 году опять горе. После тяжелой операции умерла мама. Никогда не забуду горьких слез папы, когда он закапывал ее могилу».

В следующем году Андриевский с детьми покидает Камышлов.

«В 1925 году работал в г. Свердловске антирелигиозником. В 1926 году занимал штатную должность антирелигиозника в Кунгурском ОкрОНО».

В конце 20-х (или начале 30-х) годов снимает с себя сан протоиерей кафедрального Владикавказского собора Иоанн Петрович Андриевский, брат Тихона Петровича. Сделал он это публично. Местная газета «Власть труда» опубликовала его заявление: *«Снимаю сан священника, выхожу из рядов верующих». (Письмо б. священника И. Андриевского) В тексте не столько разочарование в вероучении, сколько в плодах церковной деятельности: «Хочется крикнуть «душу» раздирающим голосом: «да покажите же веру вашу! Покажите же лиц, воспитанных под благодатью веры вашей! Покажите так, как столяр любовно показывает своей работы комод, стул, стол, — а кузнец — колесо, подкову, гвоздь! Не покажете?! Не можете?! Нет этого у вас?!»*

Снятие сана, работа в советских учреждениях не принесли бывшему попу ни благосостояния — дети вспоминают, что жили все время на грани нищеты, — ни спокойствия за судьбу детей. В 1933-м году неприятности начались у одной из дочерей Андриевского, которая работала в школе — чтобы защитить ее от увольнения, Андриевскому и пришлось писать автобиографию, собирать документы, напирая на свои революционные взгляды и активную антирелигиозную работу.

Жизнь на Урале была тяжелой, и в 1934 году Андриевские (к тому времени бывший священник женился второй раз, в этом браке родился сын) решили уехать на Кавказ. Тихону Петровичу удалось устроиться на службу – преподавателем школы ликвидации безграмотности среди осетин в колхозе «Чермен» села Кермен под Владикавказом. Умер он 9 сентября 1935 года, в возрасте 63 лет.

Есть некая ирония судьбы в том, что роман священника, ставшего расстригой и более того — активным идеологом атеизма, издается ныне православными издательствами в качестве классики духовной прозы (хотя, надо отметить, некоторыми читателями воспринимается чуть ли не как еретический).

Недавно опубликованный неоконченный роман отца Николая Буткина, который уже упоминался, — еще одно доказательство того, что автором «Архиерея» был Андриевский. Буткин приводит по памяти выступление Андриевского (в романе — Тихановского) на одном из собраний духовенства после февральской революции. Дух и настрой этой речи явно перекликается с мыслями, высказанными в «Архиерее».

«– Братия! Отбросьте старые негодные песни – жаловаться на людей, – говорил он. – Что люди не верят так, как прежде верили, это верно. Но не усматривайте в этом злую волю, следствие распущенности. Вспомните, ведь и дети духовенства, семинаристы, академики всё чаще и чаще уходят от веры отцов. Скажите ли, что и здесь всё дело в том, что их воспитали плохо и что они погрязли в страстях? Нет, я не хочу порочить детей духовенства. Но если они, всё же, не видят в служении своих отцов ничего привлекательного, достойного подражания, значит действительно перед Судом Совесть положение духовенства, его дело, не заслуживает одобрения. Нас судят, и по праву. Нас осуждают, и заслуженно. Только наша драма не есть вина или грехи, за которые ответственны мы одни. В унижении или позоре духовенства я вижу драму религии, самой церкви».

РАЗРУБИТЬ КРЕСТ ОКАЗАЛОСЬ СОВСЕМ НЕ ТРУДНО

Потеря веры – такая же тайна, как и ее обретение. И тут любые рассуждения со стороны грешат если не ложью, то приблизительностью. Варлам Шаламов писал, что потерял веру в Бога в 6 лет. Возможно, это произошло много

позже – Варлам Тихонович не упоминает никакого события, которое могло быть отправной точкой, и кажется странным, что он помнит себя и верующим – но совсем малышом.

В своих автобиографических записках он прямо не утверждает, что вырос атеистом из-за неприязни к отцу-священнику, но из всего рассказа о семейной жизни Шаламовых можно было бы сделать такой вывод, его и делают довольно часто. Но кроме неприязни к отцу и нежности к матери в «Четвертой Вологде» есть и другое – любовь к странному нетипичному попу, деспотичному, тщеславному человеку, не привыкшему гнуться пред начальством, не боящемуся быть белой вороной, иначе откуда бы эта невероятная память на все, с отцом связанное? Любовь-ненависть, и не поймешь, чего больше. Поэтому не хотелось бы сводить таинственную потерю веры маленьким Варламом к «неправильной» религиозности его отца. Но внимательно присмотреться к этому удивительному представителю священнического сословия – любопытно.

Родословная Шаламовых стала известна благодаря исследователям жизни и творчества писателя только в наше время. У самого Варлама Тихоновича (в крещении Варлаама, в честь Хутынского чудотворца), конечно, не было ни возможности, ни времени заниматься генеалогическими изысканиями, он помнил только отрывочные сведения, почерпнутые от родителей, считал своего отца «сыном шамана» и «полузырянником», упоминал и о дед-пьянице как объяснении непримиримой трезвенности своего отца. На самом деле никаких зырянских корней у Шаламовых не было – русский род Шаламовых с XVIII века связан с Великим Устюгом.

Дед писателя, Николай, был священником старинного села Вотча в Коми и вовсе не таким пропащим человеком, как думал Шаламов. Младший сын отца Николая Шаламова, Прокопий, тоже ставший священником, отзывался о родителе очень уважительно. Жила семья, как пишет сын, в скромном деревянном домике, отец Николай ходил пешком за много верст, чтобы «утешить больных и умирающих», «нищие никогда не имели отказа у него дома». Детей было пятеро, Тихон, отец Варлама, был старшим.

Отец Прокопий в 1904 году пошел добровольцем на Русско-японскую войну – и был на ней не только священником, но и медицинским братом. Был арестован в Вотче в 1931 году, в разгар коллективизации на Севере, и вскоре расстрелян. Ни его брат, отец Тихон, ни Варлам, его племянник, бывший в тот

момент в Вишерском лагере, о смерти брата и дяди никогда не узнали – Тихон не поддерживал отношений с семьей после отъезда на учебу из Вотчи.

Но вернемся к Тихону Николаевичу, отцу писателя. После окончания вологодской семинарии до посвящения в сан иерея, Тихон успел поработать учителем в церковноприходской школе, при этом усиленно изучая английский язык, потому что в это время решался вопрос об отправке его в долгую заграничную командировку – в земли, не так давно за смешные деньги проданные Америке — на Алеутские острова. Перед этим, конечно, вчерашний семинарист должен был жениться. Избранницей Тихона стала выпускница женской Мариинской гимназии и педагогических курсов при ней Надежда Воробьева, умная девушка, любительница поэзии.

Сначала отец Тихон отбыл в далекие края один – матушка ждала ребенка, старшего брата Варлама – Валерия (который после революции публично отречется от отца). Жена с ребенком приехала лишь на следующий год, когда молодой священник уже обосновался на острове Кадьяк и приготовился к встрече семьи.

О жизни отца Тихона на Кадьяке можно судить по его регулярным публикациям-отчетам в «Американском православном вестнике».

Он рассказывал о своих пеших миссионерских походах («приходилось идти до 50 км по медвежьим тропам, а иногда и вовсе без дороги, увязая в болотах по колено»), и о морских, на байдарках («ужаснейшие ветры у берегов Кадьяка делают плавание если не невозможным, то, во всяком случае, крайне затруднительным и опасным»); о борьбе с конкурентами («самым опасным, грозным и сильным врагом для нас является миссия иезуитская»; это кроме протестантов и баптистов, к которым у православного миссионера, конечно, тоже были претензии) и о борьбе с пьянством среди алеутов.

В начале XX века в США возникло общество «Анонимные алкоголики», чья программа и до сих пор считается самым эффективным оружием в борьбе против алкоголизма. А за несколько лет до основания «Анонимных алкоголиков», в 1902 году отец Тихон открыл на Аляске «Общество трезвости имени Святителя Тихона и Марии Египетской».

Обличал батюшка и американские власти — за расхищение богатств Аляски и пренебрежение ее коренными жителями; довольно откровенно, хотя и

витиевато ругал родные власти: *«Велико невежество родное, всероссийское, но да не будет в деле рассеяния сего внешнего мрака, забыта и далекая страна, которая, несмотря на отречение и отверженность, продолжает пребывать в верности и любви к своей покровительнице России, так коварно в своих аляскинских представителях предавшей их в руки врагов. Да дастся ей взамен хлеба насущного хлеб духовный, небесный, свет Христов, и тем да загладится перед Божиим престолом вина русских людей, продавших Аляску поистине за тридцать сребреников...»*

Как пишет американский исследователь Лора Клейн, еще одним препятствием на пути благополучия алеутов являлись рыболовные компании. На Аляске, и в частности на Кадьяке, хищнически уничтожалась рыба, единственный источник жизни местного населения. Рыбные торговые компании почти по всему острову перегораживали реки неводами и другими приспособлениями, чтобы задержать лосося, идущего для метания икры. Ради своей паствы отец Тихон боролся против операций рыболовных компаний, и вызвал такое сильное недовольство торговцев, что даже был обвинен в подстрекательстве местных жителей на бунт.

Многолетние труды молодого священника были вознаграждены: в 1904 году, по окончании службы, он был удостоен золотого наперсного креста — «за крепкостоятельное служение на пользу православия среди инославия» и ордена Святой Анны 3-й степени. Крест своему тезке вручал будущий патриарх — епископ Тихон (Беллавин), назначенный в Северо-Американскую епархию в 1898 году.

В фондах библиотеки столицы Аляски города Анкориджа хранится фотография 1901 года: епископ Тихон с группой священнослужителей, среди которых и отец Шаламова. Отец Тихон в очках, необычайно худ, даже тщедушен.

Еще одна фотография сделана в 1904 году по возвращении в Вологду. Здесь на груди 36-летнего батюшки — крест, очевидно, тот самый, который в начале 30-х годов будет разрублен топором для сдачи в Торгсин (этому посвящен потрясающий рассказ Шаламова «Крест», написанный в 1959 году).

«Слепой священник ощупал крест.

– Принеси топор, – сказал он тихо.

– Не надо, не надо, – зашептала она и обняла слепого, пытаясь взять крест у него из рук. Но слепой священник вырвал крест из узловатых опухших пальцев своей жены и больно ушиб ей руку.

– Неси, – сказал он, – неси... Разве в этом бог?

– Я не буду – сам, если хочешь...

– Да, да, сам, сам.

И жена священника, полубезумная от голода, заковыляла в кухню, где всегда лежал топор и лежало сухое полено – для лучины, чтоб ставить самовар.

Она принесла топор в комнату, закинула крючок и заплакала без слез, криком.

– Не гляди, – сказал слепой священник, укладывая крест на полу. Но она не могла не глядеть. Крест лежал вниз фигуркой. Слепой священник нащупал крест и замахнулся топором. Он ударил, и крест отскочил и слегка зазвенел на полу – слепой священник промахнулся. Священник нашарил крест и снова положил его на то же место и снова поднял топор. На этот раз крест согнулся, и кусок его удалось отломить пальцами. Железо было тверже золота, – разрубить крест оказалось совсем не трудно».

Вернулся отец Тихон в Россию обеспеченным человеком – по меркам своего бедного в целом сословия. Священник Кадыякского прихода получал в то время 1800 рублей в год. Для сравнения — годовое жалованье русского приходского священника начала XX века составляло в среднем 300 рублей. Полагалась после 20 лет службы в трудных условиях севера и приличная пенсия. Отец Шаламова отслужил 12 лет и получал половинную пенсию, тоже вполне достаточную для содержания большой семьи, которая на Кадыяке увеличилась, родилось еще трое детей, а в Вологде появился и самый младший, Варлаам. Еще трое детей — об этом говорила Шаламову мать — умерли на Кадыяке в грудном возрасте.

Глава семейства получил хорошее место четвертого священника в Софийском соборе. Шаламовы получили в свое распоряжение квартиру в доме соборного причта в двух шагах от места службы.

В автобиографической повести «Четвертая Вологда» Шаламов пишет:

«Служба в городском соборе — как ни тесна была наша крошечная квартира на Соборной горе — устраивала отца еще по одной немаловажной причине.

Соборный священник получает жалование или подобие жалования вполне официально и избавлен от унижительного «славления», собрания «руки», подачек в рождественские, пасхальные праздники. А ведь из этих подарков-подачек и складываются главные заработки приходского священника — все равно в деревне или в городе.

Отец не любил этих унижительных молебнов «на дому» с закуской и выпивкой — от закуски можно было бы еще отбиться, от денег — никогда.

Соборный же священник избавлен от этих поездок».

В 1906 году отец Тихон произносит в одном из соборов «города черной сотни», как называл (и не без основания) Вологду Шаламов, удивительно смелую проповедь, да еще совершил панихиду по М.Я. Герценштейну, ученому-экономисту, депутату Первой Государственной думы от партии конституционных демократов, убитому черносотенцами.

Текст этой проповеди был опубликован в местной либеральной газете.

«Уклонение церкви от политических явлений не привело к добру, — говорил отец Тихон. — Она оказалась, с одной стороны, стесняема государством и в лице некоторых своих представителей стала оправдывать такие грустные явления народной жизни, как крепостное рабство, гонение свобод, порицать великую идею народного представительства. С другой стороны, борцы за народное дело, друзья народа, не надеясь встретить от представителей церкви сочувствия своему великому служению за счастье народное, стали сторониться духовенства и даже, к великому горю, охладевать к церкви». Как будто сегодня сказано, правда?

О разогнанной Первой Государственной Думе он сказал: *«Она высказывала желание тех свобод, без которых душа человеческая не может нормально развиваться и жить, как рыба без воды и тело без воздуха. Это ее желание было в гармонии с заветами Христа и самовидцев Апостолов, с идеалами церкви. (...) Она единодушно осудила смертную казнь, скорбя о братоубийственной расправе в народе русском... Она ужаснулась белостокскому и другим погромам, где кроваво пировал зверь-человек...*

Она желала наделить бедный крестьянский люд землей, причем высказалась за отчуждение частновладельческих земель за справедливое вознаграждение... Приснопамятный раб Божий Михаил к этому последнему делу Думы, к работам ее над поземельным вопросом и приложил всю силу своего огромного таланта и знания, всю силу своей практической опытности. Злые люди-убийцы пресекли его славное служение... (...)

Он умер, — заключал отец Тихон, — за великое дело служения меньшей братии Христа-Царя. Эту меньшую братию он видел в лице многострадального люда крестьянского, который и алчет, и жаждет, и наготует, и странно, и больно и в темнице!..»

Сейчас за подобную смелость священник был бы переведен в глухую деревню, а возможно, и отправлен в запрет. А отец Тихон был оставлен на своем месте, хотя наверняка получил «выволочку» от архиерея, и сана протоиерея удостоился уже только после революции от обновленческого владыки. Невероятная мягкость по нынешним временам, однако, Варлам Тихонович писал, что его отцу «мстили все — и за все, за грамотность, интеллигентность», из чего можно заключить, что в Вологде он стал восприниматься маргиналом.

«Естественно, — писал Варлам Шаламов в «Четвертой Вологде», — что поведение сразу его отбросило в лагерь вологодских ссыльных. Ссыльные, которых в Вологде было много — стали друзьями. Это — Лопатин, меньшевик Виноградов, активные сионисты вроде Митловского, значительный слой тогдашних эсеров.

Отец, чрезвычайно активный общественник, непрерывно открывал то общество трезвости, то воскресные школы, то участвовал в митингах, которых тогда было очень много».

О внешности отца Шаламов пишет: *«Умение хорошо одеваться отец не без основания считал важным и надежным средством «паблисити». Зимой он ходил в дорогой бобровой шапке, в хорьковой шубе с широким воротником морского бобра, в шелковой щегольской рясе. Все это было пошито в столицах у модных портных — по чуть укороченному, далеко видному, но все же не нарушающему канон фасону.*

Серая шляпа вроде котелка, самого дорогого качества уверенно сидела на уверенно подстриженной, коротко подстриженной голове.

(...) Камилавки — служебный головной убор отца — всегда были наивысшего качества и всегда свои. В церкви для службы даются и казенные камилавки — но камилавки с другого человека, со следами чьей-то чужой головы внутри — этого бы отец не перенес.

(...) На всех церковных службах отец выглядел самым красивым, самым картинным, во всяком случае, чем мать немало гордилась».

Не только внешний облик, но и образ жизни и увлечения отца Тихона выделяли его в среде местного духовенства.

По его настоянию при доме содержались козы, свиньи, гуси, утки, куры. Дети постоянно привлекались к хозяйственным делам (Варлам ненавидел все это), хотя, конечно, основная нагрузка падала на мать, обида за которую так и не прошла у Варлама Тихоновича.

Глава семьи увлекался и охотой. До сих пор порой возникают споры — можно ли охотиться священникам, и чаще всего приходят к выводу, что для пропитания — можно, а для развлечения — нельзя. Неизвестно, чем была охота для отца Тихона, возможно, что и страстью — недаром же он так рьяно пытался приобщить к этому юного Варлама. Но не будем забывать, что на Аляске клирикам была разрешена охота еще с середины XIX века, именно там Тихон Николаевич мог «подсесть» на это занятие.

«Мое нежелание убивать, стрелять, охотиться, резать кроликов и кур, закалывать кабана — тоже привело к тяжелому конфликту», — вспоминал в «Четвертой Вологде» Шаламов. Охотничий азарт отца отталкивал мальчика. «Это и есть одна из причин, почему я потерял веру в бога. В моем детском христианстве животные занимали место впереди людей. Церковными обрядами я интересовался мало. Вера в бога никогда не была у меня страстной, твердой, и я легко потерял ее — как Ганди свой кастовый шнур, когда шнур истлел сам собой. Драмы рыб, коз, свиней захватывали меня гораздо больше, чем церковные догматы, да и не только догматы».

Надо сказать, что судя по всему, при всей своей вроде бы деспотичности — по крайней мере так воспринимал отца младший сын, — в сфере православного воспитания, как мы его сейчас представляем, отец Тихон был вполне мягким

человеком. Ни о каких строгих постах, принудительных совместных молитвенных правилах Шаламов не упоминает. Он не понимает, в каких отношениях с Богом был отец-священник.

«Я часто наблюдал, как молился отец, особенно в то время, когда после очередного «уплотнения» мой сундук передвигали из проходной в комнату отца с матерью, а сестры выезжали в проходную на мое место.

Отец молился всегда очень мало, кратко — минуту, не больше, что-то шептал привычное, пальцы обеих рук не прекращали свой вечный, бешеный бег, ладони вращались, кружились в обычном своем вращении и было видно, что светские мысли не оставляли его мозг. Это — молитва на ночь.

Никаких утренних молитв, да еще громких, дома я не видел никогда. И почти не слышал, ни раньше, то есть во время спокойной жизни, ни позже.

Возможно, когда-нибудь он и молился. Возможно, что он считал, что его служба в церкви — достаточное свидетельство его смирения, усердия. Возможно.

Дома, во всяком случае, он сообщал богу в двух словах собственные проблемы, а перед сном и вовсе не мог оторваться от мирских дневных мыслей». («Четвертая Вологда»)

Несмотря на то, что откровенного насилия в семье не было, отношения отца к матери по описаниям Шаламова, можно было бы обозначить модным ныне термином психологический абьюз. Строки о матери в «Четвертой Вологде» писаны будто кровью сердца. *«Мама прожила жизнь, мучаясь, и умерла, как самая обыкновенная попадья, не умея вырваться из цепей семьи и быта».*

«Я никогда не видел маму красивой, хотя и прожил с родителями целых семнадцать лет. Я видел распухшее от сердечной болезни безобразно толстое рабочее животное, с усилием переставлявшее опухшие ноги и передвигающееся в одном и том же десятиметровом направлении от кухни до столовой, варящей пищу, ставящей опары, с опухшими руками, пальцами, обезображенными костными панарициями».

«Митрополит Александр Введенский, приятель отца, при сходных обстоятельствах, пользуясь своим правом епископа, причислил к лику святых свою собственную мать.

Я не епископ и не священник. Но свою маму хотел бы причислить к лику святых».

Сыну казалось, что жизнь матери загублена отцом. Как было на самом деле – нам узнать не дано. Но судя по разговору с мамой после смерти отца, все было не так беспросветно, как описывает Варлам Тихонович.

«— Так вот, мы жили дружно. Мы жили трудно. Дело не в последних четырнадцати годах, когда он был слепой, — это все другое, более ясное и простое. Трудно было раньше. Ах, как мне хотелось, чтобы ты женился в Вологде. Тебе я могла рассказать.

Я слушал, затаив дыхание. Но больше мама ничего не сказала». («Четвертая Вологда»)

Шаламов считал, что болезнь Меньера, которую ему диагностировали в 50 лет, была у него с детства – с ней он связывал приступы страха высоты, которые мешали ему вместе с ровесниками лазить на деревья и зорить гнезда, подниматься на колокольню и ходить по гимнастическому бревну – за все эти «неумения» отец презирал сына и смеялся над ним. Современные врачи считают, что это была невротическая акрофобия, но как бы то ни было, боязнь высоты угнетала Варлама, а сильнее всего, конечно, обижало и оскорбляло отношение к этому его отца.

Тихон Николаевич имел еще одну причуду – считал себя способным лечить и себя и всю семью по популярному лечебнику, не обращаясь к врачам.

«В Вологде он вмешался в мою болезнь, не понял ее, и я промучился целую жизнь с хроническим насморком, да не пустяковым, а таким, что заполняет нос. Я навсегда лишен обоняния, слух мой испорчен бесповоротно и безнадежно. Только потому, что меня не показали в раннем детстве врачу. У меня природное искривление носовых перегородок— пустячная операция, и мне возвратился бы орган обоняния.

Мать много раз просила меня показать врачу-специалисту. Ответом был только презрительный хохот. Именно отец дал мне в семье прозвище «тяптя» — ты сопля — из-за вечного насморка. Сопли эти не вылечились и

на Колыме и заливают мой нос и по сей день. В день я трачу два носовых платка.

Отец все толковал слишком просто: «Не хочет высушивать ноги, дрянь. Пройдет»».

Видимо, в подростковом возрасте напряжение между Варламом и отцом достигло апогея, и в «Четвертой Вологде» Шаламов гениально воспроизводит внутренний монолог 14-летнего себя:

«Да, я буду жить, но только не так, как жил ты, а прямо противоположно твоему совету. Ты верил в бога — я в него верить не буду, давно не верю и никогда не научусь. Ты любишь общественную деятельность, я ею заниматься не буду, а если и буду, то совсем в другой форме. Ты веришь в успех, в карьеру — я карьеру делать не буду — безымянным умру где-нибудь в Восточной Сибири. Ты любишь хорошо одеваться, я буду ходить в тряпках, в грош не поставлю казенное жалованье.

Ты жил на подачки, я их принимать не буду. Ты хотел, чтобы я сделался общественным деятелем, я буду только опровергателем. Ты любил передвижников, а я их буду ненавидеть. Ты ненавидел бескорыстную любовь к книге, я буду любить книги беззаветно. Ты хотел заводить полезные знакомства, я их заводить не буду. Ты ненавидел стихи, я их буду любить.

Все будет делаться наоборот. И если ты сейчас хвалишься своим семейным счастьем, то я буду агитировать за фалангу Фурье, где детей воспитывает государство, и ребенок не попадает в руки такого самодура, как ты.

Ты хочешь известности, я предпочитаю погибнуть в любом болоте.

Ты любишь хозяйство, я его любить не буду.

Ты хочешь, чтобы я стал охотником, я в руки не возьму ружья, не зарезу ни одного животного».

Воспитательная и педагогическая система о. Тихона была своеобразной, и если по поводу воспитания в некоторых его аспектах, о которых ниже, можно выразить только восхищение, то за раннее чтение благодарить Шаламов мог только мать. Не отрываясь от обязанностей кухарки и домработницы, она,

профессиональный педагог, помогла сыну научиться читать по кубикам к трем годам.

А потом Варлам стал, по выражению Чернышевского, тоже попovichа – «библиофагом» и открыл в себе талант быстрого чтения – которому нынче пытаются обучить за большие деньги. Он видел в книге двадцать-тридцать строк сразу, а потому глотал их десятками, к чему отец относился с подозрением и даже устраивал Варламу унижительные проверки. При том, что Тихон Николаевич был образованным и начитанным человеком, знающим несколько языков, в доме практически не было книг. Шаламов называет Розанова — «Легенду о великом инквизиторе», «Войну и мир», Гейне, однотомник Жуковского, справочники по животноводству и требники.

О. Тихон считал, что передовая русская интеллигенция должна удовлетворяться народной библиотекой, и приключенческую литературу, которую так любят подростки, будущий писатель брал в рабочей библиотеке.

Детям было разрешено приглашать домой только товарищей — евреев и детей тех знакомых отца Тихона, про которых он точно знал, что они не антисемиты — к этому греху он питал отвращение и старался привить его детям. И это несмотря на склонность к антисемитизму изрядной части русского духовенства и черносотенные традиции Вологды, знававшей еврейские погромы.

«Еще до войны, еще до школы, когда мне было лет пять, — рассказывал Шаламов, — в одну из осенних прогулок отец привел меня к зданию синагоги и коротко объяснил, что это дом, где молятся люди другой веры, что синагога — это та же церковь, что бог — один».

Проповеди отца Тихона в обществе трезвости — а этих обществ он открывал немало — не были пустыми словами.

«Отец не пил и не курил, и никто из его гостей не пил и не курил в его присутствии. Даже в самые большие праздники, так называемые двенадцатые, даже на Пасху и Рождество в нашем доме не подавалось никаких алкогольных напитков — ни виноградного вина, ни настоек или наливок, ни пива — ничего, что могло бы скрывать в себе алкоголь».

Шаламов пересказывает своеобразный взгляд отца на роль духовного сословия:

«...будущее России в руках русского священства, именно русскому священству сужден самой судьбой путь государственного строительства и обновленчества — и государственных реформ, и личного быта.

(...) Священство — четверть населения России. (...) Составляя такую общественную группу, духовенство еще не сыграло той роли, которая предназначалась ему судьбой — дав право исповедовать и отпускать грехи всех людей — от Петербурга до глухой зырянской деревушки, от нищего до царя.

Никакое другое сословие не поставлено в столь благоприятные условия.

Эта близость к народу, знание его интересов начисто снимает для разночинцев проблему интеллигенция-народ, ибо интеллигенты духовного сословия — сами народ, и никаких тайн психологии народ для них не приносит.

Это не разночинство отрицания типа Белинского, Добролюбова, Кибальчича, Гапона, а разночинство созидания типа Ключевского, Пирогова, Павлова, Булгакова, Флоренского, Григория Петрова.

Это должно быть священство мирское, светское — живущее вместе с народом, а не увлеченные ложным подвигом аскеты вроде старчества, монастырей. Монастыри — это ложный путь, как и распутинские прыжки.

Церковь должна быть светской, мирской, жить мирскими интересами, а в самой мирской жизни быть началом разума, культуры, образования, цивилизации.

(...) Славные имена выходцев из духовного сословия — знаменитых хирургов, агрономов, ученых, профессоров, ораторов, экономистов и писателей известны всей России. Они не должны терять связей со своим сословием, а сословие должно обогащаться их идеями.

(...) Не аскеты монашества, не истерические старцы, а традиционная форма грамотного культурного русского народа и русского священства.

Не истерические проповеди Иоанна Кронштадтского, не цирк Распутина, Варнавы и Питирима.

А женатое, семейное священство — вот истинные вожди русского народа. Духовенство — это такая сила, которая перевернет Россию. Надо только

сделать ниву культурной — совершенно земные задачи совершенно земных людей».

Политические взгляды отца Тихона были самые что ни на есть демократические, если не сказать — революционные, хотя это было не редкостью среди духовенства того времени. Шаламов рассказывает, что в дни февральской революции *«отец взял меня с собой, твердя: «Ты должен запомнить этот день навсегда» — и вывел меня на городскую улицу. Оба мы, сняв шапки, шли к городской думе. Туда же со всех сторон города текли ряды людей с красными бантами, снявших шапки, взявшихся за руки. Все пели. Пели разные песни — каждая колонна свою, но главными были: «Смело, товарищи, в ногу», «Отречемся от старого мира», «Вы жертвою пали» и «Вставай, проклятьем заклейменный»».*

На выборах в учредительное собрание отец Тихон голосовал за известного социолога Питирима Сорокина, правого эсера — своего земляка, выходца из зырянского края.

В год революции отец Тихон Шаламов из-за конфликта с епархиальным начальством ушел из собора и был приглашен служить в церковь фабрики «Сокол».

«На отцовских службах присутствовали все иностранные инженеры — американцы, англичане. Им тоже весьма импонировало и то, что отец владеет английским языком, и вся его биография, и то, что он служит на русском языке, а не на славянском». Вскоре, конечно, церковь при фабрике была закрыта.

1918 год для семьи Шаламовых стал катастрофой, отец Тихон лишился пенсии за службу в Северной Америке. Распродали все, что можно. Голодали, ели гнилую картошку. Матушка пекла какие-то пирожки, что-то меняла на хлеб, Варлам эти пирожки продавал на базаре.

Квартира, и без того тесная, была уплотнена. Самая большая комната поочередно заселялась разными людьми, а отец Тихон с матушкой Надеждой и Варламом ютились в двух маленьких комнатах.

Какое-то время священнику удалось проработать заведующим книжным магазином «Жизнь и Знание» — это давало карточки на хлеб. Но после газетной заметки «Поп в книжном магазине» — он был уволен.

К 20-му году отец Тихон ослеп и служить уже не мог, даже если бы было где. Он разделял убеждения обновленческих деятелей, познакомился со знаменитым Александром Введенским, когда тот приезжал в Вологду, вербуя себе сторонников.

«Именно это движение несло дорогую сердцу отца реформу — служба на русском языке, второбрачие духовенства, борьба белого Духовенства с черным монашеством».

Варлам водил слепого отца на встречу с Введенским. Отец Тихон очень гордился знакомством со знаменитым митрополитом и был рад, что Варлам, уже позже в Москве, студентом, добился встречи с ним, чтобы достать контрамарку на его диспут с Луначарским (диспут подробно описан в «Четвертой Вологде»). *«Прекрасно помню вашего отца, — сказал Введенский, — это слепой священник, чье духовное зрение видит гораздо дальше и глубже, чем зрение обыкновенных людей».*

Это было время, когда новые власти разрешали и даже организовывали диспуты о вере – в школах и мастерских, в рабочих клубах и городском театре. Проходили такие диспуты и в Вологде.

«Слепого я водил его на все эти диспуты, и по сигналу председателя — подводил к кафедре или столу, а после выступления отводил на место. Случалось, отец ошибался в направлении — в волнении, в жестикуляции, поворачивался лицом не к залу, и тогда я подходил, поправлял его позицию. Успех его речей был в Вологде велик, да в самом деле он был хороший оратор, опытный полемист. Речь его была абсолютно светская, со множеством светских примеров, что, конечно, производило хорошее впечатление». («Четвертая Вологда»)

У Шаламова была интересная версия того, почему обновленцы потерпели крах:

«Обновленческое движение погибло из-за своего дон-кихотства — у обновленцев было запрещено брать плату за требы — это было одним из основных принципов. Обновленческие священники были обречены на нищету с самого начала; и тихоновцы, и сергиевцы как раз брали плату — на том стояли и быстро разбогатели».

Когда отец Тихон понял, что по духовной стезе младший сын не пойдет, он стал настраивать его на ученую карьеру.

«— Ты должен завоевать успех. Сначала профессия — твердая, врачебная, например, если ты не хочешь по духовной части, а только потом политика. Совершенно неважно, какие ты принципы исповедуешь — все равно. Лучше всего — это научные занятия, профессура, кафедра».

Он еще не понимал, что наступило время, когда социально чуждое происхождение может закрыть даже очень способному юноше все дороги к высшему образованию. Несмотря на прекрасную характеристику, данную Варламу в школе, направления, необходимого для поступления, ему не дали. Отец Тихон ходил в РОНО, пытался заступиться за сына. Шаламов воспроизводит эту тяжелую сцену в «Четвертой Вологде»:

«— Нет, ваш сын, гражданин Шаламов, не получит высшего образования. Поняли? Никто его в школе не обманывает. Поняли?»

Отец молчал.

— Ну, а ты, — обратился заведующий РОНО ко мне. — Ты-то понял? Отцу твоему в гроб пора, а он еще обивает пороги, ходит, просит. Ты-то понял? Вот именно потому, что у тебя хорошие способности — ты и не будешь учиться в высшем учебном заведении — в ВУЗе советском.

И товарищ Ежкин сложил фигу и поднес ее к моим глазам.

— Это я ему фигу показываю, — разъяснил заведующий РОНО слепому, — чтоб вы тоже знали.

— Пойдем, папа, — сказал я и вывел отца в коридор. Всю дорогу отец молчал и вообще со мной не говорил на эту тему, не давал никаких советов насчет моего высшего образования».

После отъезда Варлама в Москву семью окончательно выселили — сначала отец с матерью жили в комнатке на нижнем (подвальном) этаже кафедрального Воскресенского собора, принадлежавшего обновленческой церкви, а последние свои годы они доживали в деревянном доме на улице Благовещенской.

С начала НЭПа матушка Надежда пыталась связаться с Аляской, где двенадцать лет прослужил отец Тихон.

И вот вдруг пришел чек на пять долларов на ее имя, а вскоре и письмо от монаха, сменившего отца Шаламова и собравшего для него деньги среди обращенных алеутов на Кадьяке.

Эти доллары, на которые Надежда Александровна покупала муку, и золото от разрубленного креста, спасли стариков от голодной смерти.

Варлам побывал у родителей вскоре после освобождения из Вишерского лагеря, рассказал им, где и почему был.

«— Мы ведь отцу не говорили, — сказала мама. — Просто сказали, что ты — на Севере.

— Напрасно не говорили. Разве я убийца? Вор?

— Прежде чем заниматься политикой, — миролюбиво сказал отец, — надо получить специальность, окончить высшее учебное заведение. Получай образование и тогда смело принимай участие...»

Через год после этого разговора, 3 марта 1933 года отец Тихон умер от крупозной пневмонии. Могила его на Введенском кладбище Вологды не сохранилась. Надежда Александровна ненадолго пережила мужа, она скончалась 26 декабря 1934 года.

Шаламов, всю жизнь прожив безрелигиозным, вспоминал отца-священника то с неприязнью, граничащей с ненавистью, то с величайшим уважением: *«Я водил его под руку, как поводырь. И учился крепости душевной»*. Эта душевная крепость помогла ему выжить в лагере: *«Физические и духовные силы мои оказались крепче, чем я думал, — в этой великой пробе, и я горжусь, что никого не продал, никого не послал на смерть, на срок, ни на кого не написал доноса»*. («Что я видел и понял в лагере») Он свидетельствовал, что *«более достойных людей, чем религиозники, в лагерях не видел»*.

Но для его читателей остается открытым вопрос – а как выстоял Шаламов в колымском аду без опоры на Бога? Как быть человеком на голгофе без Бога? Стоически принимать Его молчание? Нам остается признать, вслед за журналистом и правозащитницей Фридой Вигдоровой, что, несмотря на весь жестокий беспощадный реализм шаламовских рассказов, они не только не лишают нас веры в честь, добро, человеческое достоинство, но, пожалуй, парадоксальным образом укрепляют ее.

ПРЕДПОЧЕЛ ХРИСТА СПРАВЕДЛИВОСТИ

«Обычный» прихожанин на вопрос «кто такой Иоанн Сторожев и что вы о нем знаете» скорее всего наморщит лоб, подумает, но, в конце концов, разведёт руками: «кажется, слышал, но в связи с чем, не помню».

Между тем, этот прихожанин очень почитает святых царственных страстотерпцев. Но, вроде бы помня, что какие-то священники несколько раз служили для семьи бывшего царя в Ипатьевском доме, не знает, что это были за люди.

Собственно, та же печальная картина и с несчастными слугами, пострадавшими вместе с семьей, причисленной к лику святых. Люди из ближайшего окружения, погибшие вместе или в одно время с царской семьей, интересны разве что церковным историкам и краеведам. Только доктор Боткин был прославлен в прошлом году, а остальные, такие же страстотерпцы, и даже, осмелюсь сказать – более страстотерпцы, чем царская семья, потому что имели возможность избежать страшной участи в отличие от Романовых – в чине святых не прославлены, и будут ли?

Мало кто интересуется и священником, имя которого упоминается во всех рассказах о екатеринбургском убийстве – он и убит-то не был. Но как выясняется, отец Иоанн был очень неординарной личностью, достойной отдельного рассказа. Жизнь его по крупицам восстановил уральский краевед Юрий Сухарев.

Любопытнейшее упоминание об отце Иоанне можно найти у Сергея Нилуса в его книге «На берегу Божьей реки». Кто читал этот неофитский бестселлер, вспомнит душераздирающую историю студента Духовной академии, неудавшегося молодого послушника, который домолился и достиг до глюков и влез голый на храмовый престол во время утрени во Введенском храме Оптиной пустыни. При чем тут Сторожев? Дело в том, что впоследствии этот оскорбитель святыни, Сергей Смарагдов, загадочным образом прошел параллельным путем с о. Иоанном и был с ним знаком. Он, после пребывания в сумасшедшем доме, учился и стал присяжным поверенным, причем тоже в Екатеринбурге, а потом вдруг разочаровался в служении Фемиде и стал священником – на месяц позже отца Иоанна. Это сходство позволило Нилусу помянуть вместе со Смарагдовым и отца Иоанна Сторожева, известного на тот момент в Екатеринбурге проповедника, тоже бывшего адвоката, и намекнуть на то, что на Урале рукополагают непонятно кого.

Популярный историк-конспиролог Петр Мультиатули строит на этом целую «теорию»: если, мол, у отца Сторожева товарищ был с таким богохульным припадком в анамнезе, то само служение о. Иоанна в Ипатьевском доме в 1918 году – возможно, часть некоего зловещего ритуала. (Мультиатули при этом путает время рукоположения Сторожева, утверждая, что священником он стал после Февральской революции, хотя на самом деле – в 1912 году.)

Итак, юрист, ставший священником, Иван Владимирович Сторожев по происхождению своему принадлежал к старинным арзамасским купеческим родам – как по линии отца, так и по линии матери. Окончил юридический факультет университета Св. Владимира в Киеве в одно время с Валентином Войно-Ясенецким (будущим святителем Лукой).

Чтобы платить за свое образование, Иван работал инструктором по верховой езде, а еще преподавал детям одной аристократической семьи.

В 1903 году он поступил на государственную службу судебным следователем в селе Воскресенское Макарьевского уезда Нижегородской губернии.

Женился в 1906 году на представительнице нижегородской элиты – Марии Дмитриевне Тихонравовой. Известно, что она была талантливой пианисткой, не раз аккомпанировала молодому Федору Шаляпину, занималась живописью.

В 1909 году молодая семья, в которой к тому времени родилось двое сыновей, переехала на Урал. Иван Сторожев стал участковым товарищем прокурора Екатеринбургского судебного округа Верхотурского участка.

Чин его был невелик – титулярный советник, он предоставлял чиновнику личное (но не потомственное) дворянство.

В 1911 году Иван Владимирович – товарищ прокурора по Нижнетагильскому судебному участку. Здесь, в Нижнем Тагиле, родится третий сын Сторожевых – Серафим.

Тогда же, в 1911 году он переходит служить присяжным поверенным (адвокатом) в окружной суд.

Он мог бы стать блестящим адвокатом – есть свидетельства о юридическом таланте Сторожева, особенно о его ораторских способностях. Но в 1912 году происходит радикальный поворот в судьбе нашего героя – он оставляет место присяжного поверенного для того, чтобы стать священником.

Его сын, Серафим Сторожев писал: *«В самый расцвет его карьеры ему в руки попал очередной документ: ожидалось следствие по обвинению влиятельным лицом какого-то крестьянина в изнасиловании его племянницы»*. Ивану Владимировичу не советовали браться за это дело, потому что у обвиняемого нет средств, чтобы уплатить за хлопоты, а обвинитель – лицо влиятельное, может испортить карьеру. *«Отец был возмущен и вопреки советам доказал в суде ложность обвинения, бедный мужичок был освобожден и выпущен на свободу»*. А в другом случае адвокат Сторожев выступил с блестящей речью и отстоял крестьянина, уличенного в воровстве. Обвиняемый был оправдан, но оказалось, что он на самом деле вор, которому удалось обмануть суд и адвоката и впоследствии откровенно насмеяться над наивной доверчивостью фемиды. После этого Иван Сторожев понял, что не человеческий суд, пусть даже справедливый и милостивый, а только Христос в человеческом сердце может переменить этот мир.

Протоиерей Николай Буткин, расстрелянный в 1937 году, в своем автобиографическом романе, опубликованном недавно Вестником ЕПДС, пишет: *«В 1912 году в Екатеринбурге, на одном из архиерейских служений совершено было посвящение во священники бывшего товарища прокурора Ивана Владимировича Сторожева. Факт был исключительным и говорили о нём много. До о. Григория доходили слухи, что Преосвященный Митрофан на прошение Сторожева дал согласие не сразу, но послал к нему кафедрального протоиерея с целью выставить перед ним все невыгодные стороны священнического служения. Протоиерей, как говорили, явно старался отклонить его от рискованного шага, выставляя на вид унижительность способа обеспечения духовенства подаяниями, случайность в поступлении средств и трудность в воспитании детей. Но Сторожев не хотел отступить. Посвящение состоялось. Ивану Владимировичу было 40 с лишним лет»*.

16 августа 1913 года о. Иоанн занял второе священническое место при градо-Екатеринбургской Вознесенской церкви, а в феврале 1914 года перемещен в церковь Екатеринбургского Уральского Горного училища, где выполнял обязанности настоятеля училищного храма, а также преподавал Закон Божий и русский язык.

Отец Иоанн стал в епархии заметной фигурой, входил в состав практически всех комитетов, комиссий, братств и советов. Как принято писать в

биографиях, «революцию он встретил» настоятелем градо-Екатеринбургского Екатерининского собора, того самого, что будет взорван в 1930 году, и по поводу восстановления которого в столице Урала до сих пор ломаются копья.

Первого марта в Екатеринбург из центра поступили первые телеграммы о переходе власти от правительства к Государственной Думе. *«При этих необыкновенных известиях душа рвалась к небу; хотелось радоваться и без конца славить Господа, давшего нам дожить до такого времени»,* – писал о вестях из Петрограда редактор епархиальной газеты протоиерей И. Уфимцев.

Нет сомнений, что о. Иоанн вполне разделял эту эйфорию.

4 марта в Екатеринбурге узнали об отречении Николая II и великого князя Михаила от престола. В тот же день в Нуровском приюте епископ Серафим отслужил литургию, на которой в Екатеринбурге последний раз гласно возносились молитвы о царской фамилии.

Екатеринбургская Духовная Консистория приветствовала новое правительство и направила телеграммы об этом обер-прокурору Синода, Председателю Государственной Думы и в Комитет Общественной Безопасности (КОБ) Екатеринбурга. Епископ Серафим был заключен под домашний арест, будучи обвинен в монархизме, распутинщине и антисемитизме.

На первом же свободном собрании духовенства, прошедшем в Екатерининском соборе 8 марта, Сторожев был избран председателем, а потом и представителем от духовенства в комитет общественной безопасности – временный коллегиальный орган власти городского самоуправления, подчинявшийся Временному правительству России.

После коротких прений духовенство решило, что 9 марта после вечернего богослужения во всех городских храмах будет совершена панихида по павшим борцам за свободу; утром 10 марта во всех храмах будет совершено благодарственное моление, а днем – торжественное молебствие при участии всего духовенства города и церковных хоров на площади кафедрального собора.

Кто сидел рядом с о. Иоанном в зале заседаний комитета общественной безопасности? Кадеты Л. Кроль, А. Ардашев (родственник Ленина), Н.

Ипатьев (владелец того самого «расстрельного» дома), эсер А. Кошечев, анархист П. Жебенев, а также большевики, будущие участники и соучастники убийства царя – А. Парамонов, С. Мрачковский, В. Воробьев, П. Быков и Я. Юровский. (Правда, на допросе в 1918 году о. Иоанн утверждал, что до встречи в доме Ипатьева с Юровским знаком не был.)

Вот еще строки из романа о. Николая Буткина. Главный герой (фактически сам о. Николай, в то время шадринский протоиерей, в романе – под именем о. Григория) получает письмо из Екатеринбурга от друга-священника. Тот пишет: *«Покончив с архиереем, отцы навязчиво спешат заявить себя сторонниками переворота. Служат панихиды по убитым в борьбе за свободу, провозглашают Многолетие Временному правительству (иронии не чувствуют)».*

В мае 1917 г. состоялся епархиальный съезд. (Протоиерей Сторожев избран вторым товарищем председателя съезда.) Его участники выразили полную поддержку Временному правительству, сдали большую сумму денег (более 30 тыс. рублей) на ведение войны и послали от имени съезда приветствие екатеринбургскому комитету партии эсеров, назвав эту партию «защитником трудового народа».

Епархиальные съезды один за другим продолжались практически до конца 1917 года. После третьей неудачной попытки выборов епископа Синод, «не признавая возможным назначение новых (четвертых) выборов кандидата», назначил епископом Екатеринбургским и Ирбитским епископа Григория (Яцковского).

17 апреля (30 апреля н.с.) 1918 г. в Екатеринбург привезли бывшего Императора с семьей и разместили в «доме особого назначения», принадлежащем инженеру Николаю Ипатьеву. Это метрах в пятистах от Екатерининского собора, где служил о. Иоанн.

В период с 30 апреля до расстрела царской семьи, последовавшей в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, священники Екатерининского собора Иоанн Сторожев и Анатолий Меледин, чередуясь, пять раз совершали богослужения – пасхальную заутреню, литургию на Троицу и три обедни. (Обедница – замена литургии, служитя либо мирянским чином, либо священником, когда нет возможности совершать Евхаристию, иногда в конце обедни происходит причащение запасными Дарами. В Екатеринбурге

обедница служилась без причащения – последний раз узники приобщались Святых Тайн в Тобольске 23 марта.)

Отец Иоанн, в октябре 1918 года давая показания своему бывшему коллеге, члену Екатеринбургского окружного суда Ивану Александровичу Сергееву, сказал: *«Почему именно на нас, священнослужителей Екатеринбургского собора (в то время я был настоятелем сего собора), возложена была обязанность совершать богослужения в доме Ипатьева, я не знаю».*

Разводящий караула охраны «дома особого назначения» А. А. Якимов, между тем, показывал следователю Н. А. Соколову в мае 1919 года: *«Первый раз послал меня Авдеев (комендант ДОНа) за священником и указал мне церковь, из которой требовался священник».* Странно, ведь напротив, на горке – Вознесенский храм, зачем идти в Екатеринбургский собор? Какими же соображениями руководствовался комендант?

Краевед Юрий Сухарев предлагает следующее объяснение: *«Большевики допускали, что какие-то группы могут пытаться освободить Царскую семью. Вознесенская церковь – крайне удобная база для этого. С её колокольни наверняка просматривался двор Ипатьевского особняка. (...) Настоятель Вознесенского храма о. Василий Львович Топорков – батюшка старорежимный, во священстве с 1884 г. Допускать в «дом особого назначения» людей из этой подозрительной соседней церкви, с точки зрения комиссаров, было опасно.*

Другое дело Екатеринбургский собор. (...) Клер церкви с марта 1917 года известен как приверженный идеалам свободы. (...) Настоятель, священник Иоанн Сторожев – лидер церковных реформаторов, ещё год назад публично отмежевался от промонархической позиции епископа. Да и о. А. Меледина трудно заподозрить в симпатиях к царизму – в 1906 году за участие в кружке «Свободная Церковь» он был сослан из Екатеринбурга в Березовский завод».

14 июля, за три дня до убийства, в Ипатьевский дом служить обедницу был приглашен именно Сторожев – так распорядился второй комендант ДОНа, Яков Юровский. Сначала позвали отца Меледина, он жил ближе, но Юровский дал отбой, потребовал отца Иоанна. Почему? Вот версия Юрия Сухарева: *«Юровский сделал нормальный “чекистский” ход. Меледин был в доме Ипатьева уже три раза и его могли использовать для передачи узникам какой-то информации, тем более он предупрежден о службе*

заранее». По другой версии Сухарева, «Юровский хотел показать общественности, что отношение к узникам со стороны власти (т.е. его, Юровского) вполне цивилизованное. Был у него при этом и личный интерес. Он знал, что скоро предстоит эвакуироваться, а в городе останется его мать, а также фотоателье, собственником которого он являлся. (...) Приличный имидж увеличивал шансы сохранить и жизнь матери, и имущество после захвата города колчаковцами.

Отец Меледин фигурой был не публичной и для такой миссии не подходил. Другое дело священник Сторожев: лидер городского духовенства, интеллигент с большим кругом знакомств. Юровский встречал о. Иоанна в Комитете общественной безопасности, слышал его речи, имел о нём представление. (...) И Юровскому эта PR-акция удалась».

Сторожев говорит о нем уже после того, как злодеяние вскрылось: «Юровский держал себя безо всякого вызова и вообще был корректен с нами». Комендант охотно говорил со священником на медицинские темы. Предлагал услуги: «Надо окно закрыть, чтобы не продуло». Сторожев: «Я поблагодарил, сказав, что все равно сейчас пойду на улицу». Юровский: «Можете переждать». Неожиданно Юровский продемонстрировал свою толерантность, если не более: «Ну вот, помолились и от сердца отлегло». Сторожев: «Сказаны были эти слова с такой, мне показалось, серьезностью, что я как-то растерялся от неожиданности и ответил: “Знаете, кто верит в Бога, тот действительно получает в молитве укрепление сил”».

Юровский, продолжая быть серьезным, сказал мне: “Я никогда не отрицал влияния религии и говорю это совершенно откровенно”. Тогда и я, поддавшись той искренности, которая послышалась мне в его словах, сказал: “Я вам тоже откровенно отвечу – я очень рад, что вы здесь разрешаете молиться”. Юровский на это довольно резко спросил: “А где же мы это запрещаем?” (...) На прощание Юровский подал мне руку, и мы расстались».

На допросе о последнем богослужении в доме особого назначения отец Иоанн рассказал: «Едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустились на колени, и здесь вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва. Еще в большей степени дано было пережить это, когда в конце

богослужения я прочел молитву к Богородице, где в высоко поэтических, трогательных словах выражается мольба страждущего человека поддержать его среди скорбей, дать ему силы достойно нести ниспосланный от Бога крест».

Серафим Сторожев вспоминал: *«Все время его отсутствия мама, стоя на коленях перед образами, тихо плакала и молила Бога сберечь отца. Поздно вечером он вернулся в целости и сохранности».*

Из рассказов Сторожева на допросе видно, что, испытывая сочувствие по отношению к несчастной семье, он, однако же, считает их судьбу если не справедливым, то по крайней мере закономерным итогом правления Николая II – никаких слов, выражающих теплые чувства или сострадание, от священника узники не услышали. По крайней мере, он об этом не рассказал. Да и жестов сочувствия тоже не было. Хотя, например, тобольский священник Владимир Хлынов, как вспоминал Пьер Жильяр, нагнулся и поцеловал в лоб Алексея, когда тот подошел ко кресту после водосвятия. Что думал и переживал о. Иоанн после того, как узнал о гибели всей семьи Романовых, жалел ли о своей сдержанности, о том, что пожал руку палачу Юровскому – мы, наверно, никогда не узнаем.

Младший сын Сторожевых Серафим писал: *«Что произошло в доме Ипатьева, я не знал, а отец не вдавался в подробности, так как воспоминания причиняли ему душевную боль...»*

25 июля 1918 года чехословацкие и русские части под командованием генерала С. Н. Войцеховского вошли в Екатеринбург.

В кафедральном соборе епископом Григорием было совершено торжественное богослужение, во время которого на площади перед собором строились войсковые части: чехословацкий, башкирский и казачий полки, офицерская рота, добровольцы и артиллерия. Приветственную речь перед соборным торжественным молебном произнес протоиерей Иоанн Сторожев.

Ровно через год Екатеринбург был занят красными.

В своих воспоминаниях Серафим Сторожев пишет: *«В смутное время папа был назначен военным священником, и в помощь ему были приписаны два солдата. До сих пор в своих молитвах я поминаю их имена – Фома и Прохор. Они вывезли нашу семью из России. Отец отказывался покидать родину, но Прохор хорошо был осведомлен о том, что происходило в*

городе, и, уловив момент, когда папа пошел служить в собор, приказал маме уложить необходимые вещи в чемоданы и сказал, что отвезет нас на вокзал, так как последний поезд с эвакуирующимися семьями уходит вечером. (...)

Когда эшелон уже приближался к китайской границе, поступили сведения, что какой-то пограничный город на нашем пути захвачен большевиками и они не пропустят наш поезд, в котором было около 370 юнкеров, полдюжины «господ офицеров», генералов и несколько семейств. Все эти отважные «господа генералы», обвешанные медалями (не знаю, за что?), собрались на совещание – что делать? Так как эти «командиры» боялись за свою шкуру, попросили отца обратиться к бунтовщикам со словом. Когда остановился поезд, папа вышел, надел епитрахиль и держа в руках образ Нерукотворного Спаса. Встав на какое-то возвышение, обратился к толпе (мне тогда было девять лет от роду).

Прослушав его проповедь, бунтовщики стали расходиться. В это время какой-то пьяный воскликнул: «Да ну, чего слушать этого попа!» – и когда папа, подняв образ над головой, стал благословлять толпу, в тот момент, когда образ находился на уровне его лица, раздался выстрел. Пуля попала в лоб изображения Христа, благодаря чему отец остался жив.

Эшелон благополучно доехал до Харбина. В Харбине мой брат Дмитрий захворал гнойным плевритом, и находящийся при этом поезде врач Владимир Алексеевич Казем-Бэк увез его в городскую больницу, так как требовалось сделать немедленную операцию. Наша семья осталась на время в Харбине, пока брат не поправится».

В сентябре 1920 г. о. Иоанн стал настоятелем Харбинского Софийского собора, с февраля 1923 года – настоятелем Алексеевского храма при Коммерческих училищах КВЖД. Здесь же, а также в Новой смешанной гимназии он исполнял должность законоучителя.

В октябре 1924 году китайское правительство передало КВЖД Советской России. Таким образом, под советскую юрисдикцию попали и четыре средних учебных заведения, в том числе и Харбинское коммерческое училище. Вскоре после этого преподавание Закона Божия в них было отменено.

Выселена была из Коммерческого училища и церковь. Она была перенесена в Торговые ряды Косаткина на Зелёном базаре в 1925 году и стала существовать как приходская.

Усилиями о. Иоанна при Алексеевской церкви была открыта школа для детей бедняков района церкви на 70 учащихся. Детей не только бесплатно учили, но и кормили.

Умер отец Иоанн в ночь на 5 февраля 1927 года – от повторного кровоизлияния в мозг. Ему шел 49-й год.

На могиле о. Иоанну был установлен обычный, как вспоминал Серафим Сторожев, «квадратный памятник». На одну из сторон прихожане прикрепили мраморную плиту с надписью (перефразирующей пушкинскую цитату): «Глаголом жёг сердца людей».

Сыновья о. Иоанна, Владимир и Серафим, дожили до глубокой старости, скончались в США.

ВОЛОСОК БЫТИЯ, ИЛИ ЖЕНА ЦЕЛИБАТА

14/26 сентября 1886 года родился Сергей Николаевич Дурылин — знаковая фигура Серебряного века, русский педагог, богослов, литературовед, этнограф, религиозный писатель, поэт, священник, — человек чрезвычайно и разносторонне одаренный, творчество которого по-настоящему стало изучаться только в последние десятилетия. Множество литературоведческих, театроведческих работ, «антимемуары» «В своем углу», все, написанное Дурылиным начиная с 20-х годов и до его смерти в 1954 году (27 сентября), было создано во многом благодаря простой, крестьянского происхождения женщине — Ирине Комиссаровой. Она надолго стала его для него спутницей жизни — дочерью, матерью, другом, музой, женой.

Снял ли сан священник Сергей Дурылин? С одной стороны, его хоронили как мирянина, с другой — есть воспоминания Екатерины Гениевой (филолог, директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы с 1993 по 2015 год, умерла в 2015 г.) о том, как девочкой она причащалась из его рук в его доме в Болшево. Есть его портрет в рясе, написанный Михаилом Нестеровым в 1926 году. В ходатайстве Красного Креста в ОГПУ 1927 года с просьбой о пересмотре его дела, Дурылин называется «бывшим священником,

снявшим сан». Но никаких документов, подтверждающих отказ от сана, до сих пор не найдено.

Как сам Дурылин был человеком загадочным, так и семейная его жизнь осталась загадкой, которую прояснить до конца уже не удастся. Да и была ли она, семейная жизнь, в привычном нам понимании, или был «белый», «духовный», а на юридическом языке — фиктивный брак? Была ли Ирина женой Дурылина, духовной дочерью или тем и другим вместе? Была ли она тайной монахиней? Сплошные загадки.

Но обо всем по порядку.

Ирина Комиссарова родилась в деревне Сытино на Смоленщине. Отец работал в Москве в услужении у булочника, потом истопником в богатом доме. Глава семьи приезжал только летом на сенокос и жатву, а зимой жена навещала его в Москве. Такая вот была «идиллическая» семейная жизнь в деревне. Девочке было 8 лет, когда умерла ее мать. Трое осиротевших сестер остались на попечении бабушки. На зиму Ирина уезжала к отцу, была «девочкой на побегушках» в том же доме, где он служил.

После революции девушка работала в Москвотопе (Московский топливный комитет) и трудилась в сестричестве при храме святителя Николая на Маросейке. Сестры посещали больных, в основном тифозных, разносили продуктовые пайки — пшено, чечевицу, муку, картофель. В ту пору недолгого оживления приходской жизни православные имели возможность собираться в храме на беседы, и даже посещать лекции в Народной Духовной Академии, где наряду с профессорами закрытой МДА преподавал и Дурылин. Слушала эти лекции и Ирина, наверняка восхищаясь умом и образованностью о. Сергия.

Рукоположен он был в марте 1920-го епископом Феодором (Поздеевским) — в сан диакона, а через неделю — иерея с обетом безбрачия (целибат). Было ему тогда 33 года.

Когда от плохого и скудного питания, недосыпания у о. Сергия Дурылина начались обмороки, Ирина подкармливала его распаренной рожью, которую приносила с работы. Однажды пригласила его в зоопарк, на экскурсию, организованную Москвотопом для сотрудников. Странное предложение для целибатного священника от юной прихожанки, но, может, в то время все

было как-то проще и такого пиетета, граничащего с идолопоклонством, перед духовенством не было? *«Сергей Николаевич всю дорогу до зоопарка подшучивал надо мной и пугал встречей со зверями. Мне было и весело, и смущало меня, что скажут, когда увидят меня с Сергеем Николаевичем»*. А что могли сказать сослуживцы — наверно, подумали, что ухажер. После экскурсии Ирина пригласила Дурылина домой, на ужин. Разговор, который она воспроизводит в своих воспоминаниях, свидетельствует о том, что о. Сергей был пастырем очень трезвомыслящим.

«Сергей Николаевич спросил меня, что я читаю. „Священные книги. Вот они, а больше ничего“. — „Тебе не хочется читать другие книги?“ — „Нет, да и к тому же у меня не хватает времени. Спать люблю, а день очень коротенький“. — „Сколько же ты спишь в день?“ — „Часа четыре-пять, не больше“. — „Почему так мало?“ — „Заданий много, говорят, все молитвы надо прочитывать, утренние и вечерние, а я их и так читаю через зерницу“. — „Как-как ты читаешь? Через зерницу?“ — улыбка прошла по губам Сергея Николаевича при этом моем выражении. „Это значит не подряд, а спято-надесято“. Тут он не выдержал и так рассмеялся, что я пришла в недоумение. (...) Уходя, Сергей Николаевич мне строго приказал молитв много не читать, духовные книги читать вперемешку с другими. „Почитай Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гоголя и других. Молитву одну-две и довольно“».

Вот так начинались их отношения. По воспоминаниям, написанным спустя годы, видно, как нравилось о. Сергию воспитывать юную малообразованную девушку, и как ей нравилось его по-матерински опекать, быть ему полезной. Понятно и то, что до этого сближения о. Сергей не был духовником Ирины - ведь он понятия не имел, что она читает и как молится.

Поделилась Ирина с о. Сергием тревогой о сестре-подростке, которая жила в деревне с бабушкой. По просьбе Дурылина Шуру взяли в семью его друзей — Нерсесовых, и она некоторое время воспитывалась наравне с их дочерьми.

В 1921 году Дурылин был назначен настоятелем в Боголюбскую часовню у Варварских ворот Китайгородской стены. Но в «свои» дни он продолжал служить в церкви Святителя Николая в Клённиках. В июле 1922 года о. Сергия арестовали по делу об изъятии церковных ценностей. Сидел он во внутренней тюрьме ГПУ.

По ходатайству друзей через месяц Дурылина перевели во Владимирскую тюрьму, где условия содержания были в те годы легче, и где ему довелось сидеть в одной камере с епископом Афанасием (Сахаровым).

СО ГПУ приговорил Дурылина к высылке в Туркестанский край на два года с обязательной регистрацией в Облотделе ГПУ, как «элемент политически, безусловно, вредный для Советской власти».

Сразу после ареста родные, друзья, знакомые, духовные дети начали хлопотать о смягчении его участи и об освобождении. Среди ходатаев был даже Луначарский.

По решению Комиссии НКВД по административным высылкам, куда в конце попало «дело» Дурылина, он был сослан в административном порядке на два года в Челябинскую область под гласный надзор ГПУ с разрешением отправиться «за свой счёт».

Из Владимирской тюрьмы Дурылин написал Ирине примечательное письмо:

«Дорогое о Господе возлюбленное чадо мое духовное Ирина! Если придется мне ехать в дальний край, то одного человека я хочу видеть около себя и одного зову с собою — ТЕБЯ. (...) Я чувствую тебя родною себе, близкою, дорогою. (...) Никому я не дам встать на твое место около меня. Оно твое и только твое».

Ирине в то время всего 24 года, юная неискушенная девушка. Можно представить себе, какой это бальзам на сердце одинокой девице — одаренный, умнейший мужчина, священник, выделяет тебя среди всех, зовет с собой, нуждается в тебе. Но зовет не в отпуск на теплое море, а в ссылку на Урал, фактически предлагает стать декабристкой, бросить работу, свой угол и ехать в неизвестность. Сама Ирина рассказывала, что ехать в ссылку с Дурылиным — это было благословение о. Алексия Мечева, дескать, здоровье у него слабое, а он нужен людям — пропадет без помощи.

Опять загадки: что было первично, а что вторично — письмо Дурылина с обращением к Ирине следовать за ним (и судя по тону, Сергей Николаевич не сомневался, что поедет) или благословение о. Алексия Мечева? Что за странное благословение девушке ехать с молодым еще, хоть и болезненным мужчиной в ссылку? Зачем этот соблазн совместного проживания и постоянного общения целибатному священнику, не лучше ли смерть в ссылке, чем возможное падение? Да, некоторые монашествующие

действительно уезжали в места ссылок с «келейницами» — чаще всего монахинями, бравшими на себя труд по обеспечению бытовой стороны жизни, но одно дело — монахиня средних лет, имеющая опыт духовной жизни, и другое — молодая девушка, да еще явно неровно дышащая к духовному отцу.

Единственное, что может быть оправданием такого благословения — о. Алексей видел, что Дурылин поторопился стать священником, что эта ноша не для него, видел, что эти двое тянутся друг к другу, и этим благословением снял с них обоих чувство вины и греха за «отступление» и «падение».

В страшные и тяжелые времена любовь и чувство родства — драгоценность, которую нужно беречь, а не разрушать и осуждать, так пусть будут вместе. Звучит не православно, да, но без этого допущения призыв Сергея Николаевича разделить с ним тяготы ссылки и благословение о. Алексея выглядят жестоким эгоизмом с одной стороны, и явным злоупотреблением духовнической властью — с другой.

Благодаря рекомендательному письму Луначарского, Дурылин устроился работать в музей, Ирина занималась обустройством быта, ведением хозяйства. Она взяла на себя все бытовые проблемы, а Дурылин много писал — работал над книгами о Нестерове, Лескове, Врубеле, начал писать «антимемуары» «В своем углу». Не прошло двух лет, как благодаря ходатайствам друзей ссылка была отменена, можно было вернуться в Москву. Отец Сергей больше не служил в храмах, есть сведения о том, что служил на квартирах у друзей.

Ирине после уральской ссылки пришлось лечиться от начавшего развиваться туберкулеза. Наблюдалась она у доктора Никитина (будущего епископа Можайского Стефана), летом поправляла здоровье в деревне, Дурылин в это время был в Коктебеле. Они переписывались, Сергей Николаевич уговаривал Ирину подыскать в Москве работу полегче.

«Вся ночь без сна. „Навалится — и давит, давит“. Нет покою. Покой зависит от одного человека. Как странно: человек — условие жизни, самого существования другого человека. Не воздухом одним — можно дышать человеком, и когда для легких не хватает этого человека — дыхание замирает, — „и было бы слаще не дышать!“» («В своем углу»)

В июне 1927 года его снова арестовали. В Бутырках он пишет стихи — такие не духовным дочерям пишут, а любимым женщинам. Там есть строки: *«Сентябрь мой золотой! Ты золотом зари, ты песенкой дождя ей тихо повтори, что я люблю ее, навек, навек люблю, мою весеннюю и вечную зарю!»*

В ссылку в Томск с Дурылиным снова поехала Ирина. Первые три месяца жили в грязной, сырой, холодной комнате с пьяницами-соседями. Сергей Николаевич все время болел: ангины, сердечные приступы, да еще стал глухнуть на одно ухо. Места было мало, Ирина спала на столе. Ухаживала за Дурылиным, доставала продукты, писчую бумагу, сама шила одежду, пряла шерсть для носков и варежек.

Давний друг Сергея Николаевича Елена Васильевна Гениева, получив письмо от Ирины, писала ему: «Иринино письмо замечательно (она и письма его друзьям успевала писать! — прим. К.В.): умно, интересно, живо и глубоко трогательно, и все „о нем“. Хорошо, что „он“ имеет, чем ответить на такую любовь».

На работу нигде не брали. Чтобы хоть немного заработать, Сергей Николаевич писал статьи в сибирские журналы. Выручали друзья, подбрасывали денег — все понемногу. Потом директор музея Л. Толстого заказал воспоминания о нем к столетнему юбилею, на гонорар купили два тулупа «имени Толстого» и валенки, чтобы в морозы можно было выходить из дому.

В своих воспоминаниях Ирина Алексеевна рассказывала трогательные эпизоды: *«Бывало, сунешь ногу в валенок, а там что-то лежит, вынимаешь бумагу, а там то халва или еще что-нибудь, с надписями и стихами веселыми»*. Писал Сергей Николаевич Ирине смешные стихи от имени кошки Мурки или деда Мороза, иллюстрируя рисунками. Вечерами, пока Ирина пряла, шила или вязала, читал ей русскую классику, в письмах рассказывал Гениевой, что Ирина влюбилась в Кутузова и ненавидит Элен.

«38, 6. Я лежу в постели. Горчичники странствуют по мне то у правой лопатки, то у начала правой ноги. Я принял аспирин. Ирина ждет, когда я вспотею. Она ждет, не ложась спать, час, другой, третий. Я вспотел. Переменили рубашку. Потом я заснул. Ночью проснулся в 5 ч. Опять

горчичники: на грудь. И опять термометр: 37,5. Горчичник снят. Мне легче. И я вижу: она берет этот горчичник с меня и ставит себе.

— *Зачем ты?*

— *Да у меня бок болит.*

— *Что же ты вчера не сказала?*

— *А ты плохо себя чувствовал.*

Это значит: „Теперь тебе лучше — теперь могу и я болеть и лечиться...”»
(«В своем углу», Томская ссылка, 1929 год)

Сибирская ссылка продлилась 3 года. Потом, опять же, благодаря хлопотам доброжелателей, удалось заменить ссылку на «минус шесть» — то есть живи где хочешь, кроме шести крупных городов и приграничных территорий.

Дурылин выбрал Киржач, поближе к Москве, куда и перебрались, опять вдвоем, осенью 1930 года. Здесь Дурылин написал для «Литературного наследства» работу «Русские писатели у Гете в Веймаре».

Ирина, помимо забот по хозяйству, выполняет функции секретаря — ездит по московским издательствам, возит из столицы нужные Дурылину книги. Вскоре было разрешено вернуться в Москву. Перед этим Сергей Николаевич и Ирина оформили брак в ЗАГСе. Биограф объясняет: «Так проще было иметь дело с властями и окружающими».

Спустя много лет понять чужие мотивы — трудное занятие, да и неблагоприятное. Скажут: «надо рассуждать духовно» или «вам не понять». На понимание не претендую, но могу предположить: «духовные люди — особые люди, их сервируют в отдельной посуде» (Б.Г.), они во все времена такие, склонны судить да рядить, обсуждать и осуждать, а знакомых в православной среде было много. И если отношения между священником-целибатом, пусть и не служащим, и бывшей сестрой общины были отношениями двух любящих людей во всей их полноте, то защититься от пересудов можно было только одним способом — зарегистрировать брак.

А для особо духовных годилась версия — духовное чадо ухаживает за батюшкой и для облегчения задачи нужен штамп. Это не лукавство, не ложь — это самозащита и нежелание никого пускать в свою личную жизнь. Не будем делать выводов о степени физической близости этой пары, не наше это дело, но очевидно, что это были отношения не духовника и чада,

это была вполне земная любовь, привязанность и дружба, пронесенная сквозь годы испытаний.

В Москве не удалось получить никакого жилья, а жить в маленькой комнате Ирининых родственников впятером на 18 кв. м оказалось невыносимо. Вместо жилья в Москве удалось «выбить» участок под дачу в Болшево. А гонорар от инсценировки «Анны Карениной» помог в течение нескольких месяцев построить уютный дом. И, конечно, всеми делами по возведению дома занималась опять же Ирина Алексеевна. С материалами тогда были проблемы. Окна и двери попали к Дурылиным из Страстного монастыря, здания которого тогда разрушали — Ирина просто выкупила их у рабочих.

Осенью 1936 г. дом в Болшево был открыт для гостей. Кто тут только не бывал — Михаил Нестеров и Роберт Фальк, Павел Корин и Сергей Рихтер, Надежда Обухова и Василий Качалов... Ирина увлеченно вила гнездо, оборудовала Сергею Николаевичу кабинет, занималась садом. По хозяйству ей помогала монахиня Феофания (тайная, понятное дело, все звали ее Елена Григорьевна). Иконы в доме были задернуты занавесками, за занавеской хранился, по свидетельству биографа Дурылиных Виктории Тороповой, и антиминс в кабинете Сергея Николаевича.

Распорядок дня в доме Виктория Торопова описывает так: «Спала Ирина Алексеевна 4–5 часов. Вставали на рассвете, пили чай. Пока Сергей Николаевич работал, Ирина Алексеевна занималась огородом, садом. Потом готовила завтрак и уезжала в Москву — то отвезти в редакцию готовый материал, то получить гонорар, то передать письма. Она присутствовала на всех выступлениях Сергея Николаевича, ходила с ним на спектакли и концерты, сопровождала в Ленинград, Киев, Ярославль и другие города, куда он выезжал с лекциями или для сбора материала. Иногда Сергей Николаевич веселил ее (чувство юмора не изменяло ему даже в самые тяжелые моменты жизни). Ирина Алексеевна рассказывала: „Однажды перед лекцией он говорит: „Хочешь, я во время лекции скажу — бе-бе, черный баран?“ (...) И действительно в какой-то момент слышу: „Бе-бе черный баран“. И так озорно глянул на меня. Но в зале никто ничего не заметил — или решили, что им показалось“».

Когда Сергей Николаевич болел, Ирине Алексеевне приходилось и печатать под его диктовку, дел было так много, что приходило в голову найти молодую помощницу, но Дурылин был против и ничьей помощи, кроме ее,

не хотел. В 1942 году приняли к себе родных Ирины, у которых немцы сожгли дом — одну из сестер (вторая давно жила в Москве и часто с мужем и детьми приезжала в Болшево) и старого отца.

У Ирины было два комплекта одежды — для дома и для поездок в город. Она вспоминала, что в самом начале их знакомства был у них такой разговор с Сергеем Николаевичем: «„Хочешь ли ты быть богатой?“ — „Нет, вон висит на колышке одно платьице, другое на мне — и довольно“.

— „Почему?“ — „Богатство не дает свободы, вещи связывают человека, приковывают к месту, а я больше люблю свободу“. — „Зачем тебе свобода?“ — „Чтобы всегда быть там, где я нужна, помогать другим, кому трудно живется“. — „И давно так стала думать?“ — „Всегда так думала“. Он благодарно сжал ее руку: „Я так же думаю с детства“».

«По одежде и прическе, — пишет Торопова, — ее можно было принять за деревенскую. Однако комплексом неполноценности она абсолютно не страдала: просто и естественно чувствовала себя среди художников, литераторов, актеров, музыкантов, окружавших Сергея Николаевича».

Из книги Сергея Дурылина «В своем углу», запись 1941 года:

«Ее нет: 8 ч. вечера. Октябрь 28-го. Болшево. Сильная пальба. А я томлюсь душою (...) 9 часов вечера. Она приехала. Вернее, пришла: от Мытищ шла пешком. 29 октября 1941 года. Ариша выехала вчера в Москву в 11 ч. 15 мин. Долго ждала поезда. В 12 началась ужасная пальба зениток. (...) Дважды объявлялась тревога. В Москве прямо с поезда загнали в метро. Дальше пешком ходила по делам. Под бомбами. Пешком, пешком. Видела разрушенный Большой театр. Трупы на Неглинной, трупы на Тверской. Ирина с Шурой, прождав 40 минут на вокзале, сели в первый попавшийся поезд и доехали до Мытищ. От Мытищ пешком в Болшево (6,5 км — прим. К.В.); дважды попадали под зенитный обстрел. (...) Пришли в Болшево под гром зениток. И тишина в душе ее, и ласка ко всем — и забота обо всех: накормила кошек, накормила людей, успокоила меня: этому всему и всей ее жизни, теперь уже ясно, есть только одно имя: героизм, любовь, не знающая страха и крепкая, как смерть. Нет, крепче смерти».

А вот еще отрывки из книги-дневника, которую Сергей Николаевич писал много лет.

«Ниточка, которая привязывает еще меня к жизни, есть человек. Всего один человек. Вся огромность сущего и бывающего не могла бы удержать меня, чтобы быть, а вот слабые руки человеческие — но милые руки, — удерживают и, значит, для моего бытия — они сильней и могущественней неба, земли и моря, а мое бытие — и есть все бытие для меня. Волосок бытия. У каждого он есть. Я живу на волоске бытия — и это ты, милый мой друг, ты со слабыми и усталыми руками твоими, с измученными работой ногами, с великим твоим и бессонным сердцем».

«Прижаться друг к другу, закрыть глаза, сжать руку рукой, и ждать: когда нельзя будет раскрыть глаз, а руки — отнять, — вот лучшее, что можно сделать на земле... если... если есть к кому прижаться. (Думал о том, что я счастлив: есть это „есть“»).

«Боль не нужно лечить. Ее нужно скрывать. Выть не нужно, а нужно учиться стискивать зубы. Главное, чтобы было тише. И еще ничего не нужно беречь старого. А уж если очень больно, то не лечить: — ничего не вылечишь! лекарств нет! — а найти, кто бы пожалел, какое слово: пожалел! Уткнуться голову в колени, и тереться щекой, и плакать, и чувствовать, как руки перебирают твои волосы. А если этого нельзя и не найдешь покоя, тогда умереть».

«Милый мой цветочек... Полевой? Лесной? Нет, еще милее: городской, не погнушавшийся щели меж камнями, тонкой, маленькой щели, чтобы из пыли и сора высунуть свой зеленый стебелек, и расцвести, и обрадовать, — и заменить собою и поля, и лес, и „дыханье тысячи растений“...»

Сергей Николаевич умер 27 сентября 1954 года. Хоронили его как мирянина. В письме Бориса Пастернака в ответ на просьбу Ирины Алексеевны написать воспоминания о Дурылине есть такие строки: «Это нескромно и очень далекие догадки. Но мне кажется, что в жизни Сергея Николаевича, истонченной и одухотворенной до хрупкости, Вы были добрым гением, веянием и дуновением радости и здоровья».

После смерти Дурылина Ирина Алексеевна сделала все для увековечивания его памяти, собрала воспоминания о нем, добилась открытия в Болшеве библиотеки, носящей его имя, издания его книг, публикации статей.

В дурылинском доме по-прежнему бывало много гостей. Виктория Торопова в своей статье памяти Ирины Алексеевны пишет, что темы религии и Церкви были под запретом, а религиозные книги Дурылина не упоминались. Нестеровский портрет, где Сергей Николаевич в рясе, хранился в холщовом чехле за диваном в его кабинете и показывали его только знакомым людям, в 1968 г. он был передан в Троице-Сергиеву Лавру.

По словам биографа, большевский дом становился приютом для многих людей: кто-то приезжал на лето поправить здоровье, кто-то привозил пожить старых родителей. Умерла Ирина Алексеевна в Болшево, 30 ноября 1976 года, похоронена на Даниловском кладбище рядом со своим спутником жизни. Дом-музей в большевском доме родился благодаря трудам ее младшей сестры Шуры в 1993 году.

«Жить — это быть с тобою. Все остальное может быть, а может и не быть, — не от этого зависит жизнь, желание жить определяется, больше, чем когда-либо, тобою, жизнью с тобою, общением, единодыханием с тобою.

И писать об этом трудно, почти невозможно. Ты это знаешь, а другим до этого дела нет. Вот уже поистине:

Как сердцу высказать себя?

Другому как понять тебя?

Поймет ли он, чем ты живешь?

Мысль изреченная есть ложь.

Был тогда такой же серенький денек, как сегодня... (...) Я вышел и встретил тебя... И вот с этой встречи началась новая жизнь, — и вот уже четверть века эта жизнь вся обласкана, озабочена, отеплена, выношена, выстрадана, выпасена тобою, — одною тобою. Ты и есть название и смысл этой жизни» («В своем углу», 1952 год).

Разве можно сомневаться в том, что они вместе?..

БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ЕРЕТИК СЕРГЕЙ ЖЕЛУДКОВ

«Понаблюдайте за молодыми людьми, с каким насмешливым вниманием смотрят они, как «запрягают» архиерея и на прочие всякие финтифлюшки

архиерейской службы. Это только внешность, не дух, конечно, но она прямо выражает и внутреннее, духовное оскудение церковных людей...»

«Опять какой-нибудь анонимный поп с «Ахиллы»», — подумают многие при чтении этого отрывка, и ошибутся. Эти строки принадлежат священнику, родившемуся до революции, рукоположенному в священный сан в первый год после начала Великой Отечественной войны.

Имя отца Сергия Желудкова часто можно увидеть в одном ряду с именами более известными: оо. Александра Меня, Николая Эшлимана, Глеба Якунина. Если искать информацию об отце Сергии в Яндексе, то после Википедии вы увидите ссылку на одиозный ресурс «Антимодернизм», который характеризует о. Сергия как крайнего модерниста, экумениста и даже атеиста, что уж совсем бессовестно.

У меня почти нет сомнений, что в наше время Сергей Желудков был бы одним из самых известных «неформатных» блогеров, пишущих на церковные темы. Он был невероятно диалогичным публицистом, и многие его работы рождались именно из диалога, из споров, которые его вдохновляли. В начале 1960-х годов он организовал переписку по вопросам веры, в которой участвовали профессора духовных академий, священники и миряне. Набрался машинописный том из 700 страниц, из которого потом родилась книга «Почему и я — христианин», опубликованная издательством «Посев» в 1973 году.

Как бы радовался он возможности сразу получать ответ на свои мысли, а не ждать два-три месяца письма от собеседника. Особенно сложно было вести полемику с астрофизиком диссидентом Кронидом Любарским — ему можно было отправлять из лагеря лишь два письма в месяц.

Эту дискуссию священника с атеистом, не потерявшую актуальности и по сей день, полностью можно прочитать на сайте «Разум или вера».

Интересно, что о. Сергий вовлек в этот диспут нескольких своих знакомых верующих христиан. Они переписывались с Любарским (под псевдонимами, конечно) через о. Сергия, который пересылал их письма в копиях (равно как и копии своих писем к этим людям). По сути, эта переписка представляет из себя расширенную версию любой фбэшной или жжэшной публикации: исходный пост обсуждался несколькими участниками, спорящими друг с

другом в нескольких «ветках», с одной разницей – переписка была растянута на годы, и велась в безупречно тактичном и уважительном стиле со всех сторон, не выливаясь в привычный нам холивар. Желудкову не удалось, как ему этого ни хотелось, убедить Любарского назвать себя не только «анонимным христианином», но и агностиком. Но в письме жене Любарский писал, что существование таких людей, как Сергей Алексеевич, «является самым сильным доводом за христианство».

Исходным «пóстом», который открывал эту переписку, стал реферат Желудкова «Церковь доброй воли или христианство для всех», посвященный им Любарскому, который тогда отбывал заключение в мордовском лагере (познакомились они в 1971 году в Москве).

Суть воззрений Желудкова, изложенных в этой работе и неприемлемых для ортодоксов, коротко такова: кроме христианства веры, есть христианство воли, и порой атеисты или люди, исповедующие другие религии, оказываются ближе ко Христу, чем номинальные христиане. Он объясняет, что «волнующее откровение «анонимного» Христианства воли» получил «в личном общении, в драгоценных встречах» с «анонимными христианами», как назвал их католический теолог Карл Ранер.

Что из этого следует? То, что спасены будут все люди доброй воли, а не только крещеные. На это кое-кто из православных даже готов был бы согласиться – ладно уж, пускай. Но еще один вывод Желудкова с ортодоксальной «кочки зрения» — совсем ересь. Он говорит о том, что «Христос — глава всего человечества доброй воли», Церковь шире, чем нам кажется, в Теле Христовом есть живые клетки, не знающие своего Главу, вернее – не признающие Его Главой на словах, но своими делами свидетельствующие о Нем.

Вот лишь несколько выдержек из писем Желудкова Любарскому, дающих представление об экстравагантности его мыслей в глазах церковных традиционалистов:

«Христос — глава всего человечества доброй воли, а не только нашей церковной провинции крещёных, из которых многие столь наивно думают о себе, что только они спасаются. Нет, принцип спасения — не в вере, самой по себе, а в направлении воли».

«... ложно понятая идея покорности Богу освящала покорность властям человеческим».

«О, если бы люди покорялись Богу – не знали бы они никакого тоталитаризма».

О лучших из атеистов: *«Вот подвиг свободы, который с точки зрения Христианства веры заслуживает высочайшей оценки. ДОСТОЙНО ЖИТЬ В НЕИЗВЕСТНОСТИ. Вот девиз мужества и свободы, при исполнении которого бывает радость великая на небесах».*

«...когда в житейском разговоре пробуешь высказать мысль, что стихийное бедствие или мучительная смерть ребенка – не от Бога, что это поражение Бога, временное торжество мирового зла, – то встречаешь недоверие со стороны своих же христиан православных».

«„Не христианин – не спасётся”. Рискую опять подвергнуться обвинению в неблагочестии, я должен смело заявить, что это – ересь. Если уж братья что-то тут формулировать, то правильно, православно будет сказать примерно так: мы спасёмся все вместе и каждый в отдельности, но христиане веры — в самую последнюю очередь».

«Святая Русь сегодня пополняется агностиками и политеистами. Православных в святой Руси очень мало».

С такими взглядами понятно, что судьба Желудкова легкой быть не могла. В наше время он был бы топовым блогером, это да, но, как и в свое время – клириком, скорее всего, заштатным. Судьба его была легкой разве что в сравнении с его побывавшими в лагерях собратьями.

Впервые об отце Сергии верующие узнали в период антирелигиозной кампании 1956-60 годов, когда многие священники публично отрекались от веры через газеты. По рукам тогда ходил ответ отца Сергия своему бывшему однокашнику по Ленинградской семинарии, одному из этих отрекшихся, Дарманскому. О том, какое глубокое впечатление произвел этот ответ, вспоминал учившийся тогда в Киевской духовной семинарии приснопамятный протоиерей Павел Адельгейм:

«Письмо отца Сергия поразило нравственной позицией христианина, сочувствующего беде однокурсника. Он не сказал ни слова осуждения. Разобрав наивные рассуждения Дарманского по существу, с душевной

теплотой отец Сергей утешал его и призывал не отчаиваться, «ибо у Бога море милости»».

Как свидетельствовал отец Павел, Желудков обладал редким для православных талантом никого не осуждать: он «обычно приходил побеседовать на разные темы, которые его волновали, но как только разговор переходил на конкретного человека, сразу поднимался, говорил: «ну, мне пора» и надевал своё тяжёлое пальто».

Публицист, церковный историк Анатолий Краснов-Левитин, который познакомился и сблизился с отцом Сергием в начале 60-х, так пишет о нем в книге «В поисках Нового Града»: «Однажды я, рассердившись на отца Сергия за одно из его писем, написал ему (по своему обыкновению) грубое письмо. Потом, заехав в Псков, попробовал об этом письме заговорить, объяснить. Ответ: «Я этого письма не получил. Почта не сработала». И никогда больше об этом моем письме между нами разговора не было».

Одна из его друзей, ленинградский преподаватель вспоминала, по свидетельству журналиста Сергея Бычкова, об его отношении к стукачам: «Жалость, даже сочувствие вызывали у него недостойные люди: „Это трагическая душа... Пожалеть его надо”».

Сергей Бычков цитирует одного из друзей отца Сергия: «Сергей Алексеевич умел слушать, сердце его ликовало при дружеских беседах, объединявших людей, а в его присутствии незаметно все вокруг уходило от обыденности. (...) он был катализатором, убыстряющим процесс духовного роста окружающих. Однако неверно было бы представлять его как благостного пастыря с доброй улыбкой на устах (а когда он улыбался, лицо его просто светилось) — это был ум тонкий, ироничный, с прекрасным чувством юмора. Людей он видел сразу и «насквозь», любил давать точные, краткие определения. Сергея Алексеевича отличала ныне забытая, изысканная вежливость и почтительность к окружающим. В письменных обращениях он употреблял выражение «глубокоуважаемая госпожа, господин», и это придавало какой-то особый оттенок содержанию текста».

Сергей Алексеевич Желудков родился в московской купеческой семье в 1909 году. В юности общался с одним из лидеров обновленческого движения

епископом Антонином (Грановским), посещал лекции в обновленческой Московской духовной академии.

Два года он провел вольнонаемным на строительстве Байкало-Амурской магистрали. С 1930 года работал в различных строительных организациях десятником, техником-нормировщиком, потом бухгалтером. Практически всю зарплату отсылал сестре, муж которой был репрессирован в 1937 году.

Осенью 1945 года он оставил светскую службу и стал псаломщиком Знаменского храма в посёлке Верхний Тагил Свердловской области.

22 мая 1946 года епископ Свердловский Товия (Остроумов) рукоположил Желудкова во иерея целибатом. А дальше его все время переводят с прихода на приход: служил третьим священником Всехсвятского храма в Свердловске, был настоятелем верхнетагильской Знаменской церкви, Никольского храма в Любятове (ныне в черте Пскова), служил в кафедральном Успенском соборе Смоленска, храмах Тульской и Псковской области.

В 1958 году отец Сергей закончил книгу «Литургические заметки», цитату из которой я привела в начале, отправил рукопись в богословскую комиссию. Сохранилось письмо от 1960 года исповедника епископа Афанасия (Сахарова) архиерею Владимирской епархии, в котором он очень высоко, хотя и дипломатично, отзывается об отце Сергии, объясняя ненависть к нему ревнителей его суждениями и деятельностью, направленной к восстановлению уставных порядков.

О первом впечатлении от «Литургических заметок» о. Александр Мень рассказывал так:

«В 58-м году (я еще был начинающий служитель Церкви) мне попалась книжка, самиздатская, которая называлась «Литургические заметки». Я стал читать — и был поражен! Блестящий стиль, свежая мысль, смелый подход к проблемам, с которыми я в алтаре уже столкнулся давно, ибо с 50-го года уже находился в алтаре и невольно думал об этих церковных проблемах. И вдруг я нахожу человека, который говорит об этом смело, и как он это говорит! И там стояло: «С. Желудков». Кто бы это был? — я понятия не имел об этом человеке, у нас в Москве о нем никто не слышал. Я понимал, что это выдающийся стилист, человек яркой мысли! Откуда он взялся?..

В этом же году я поехал в Ленинград, и в Ленинградской духовной семинарии увидел на стенде фотографии выпускников; среди них была фотография человека, священника, какого-то кавказского типа, с черной, иссиня-черной бородой, лысоватого, с глубокими такими глазами. И я подумал: вот, оказывается, какой этот Желудков».

Говорят, что отец Александр отзывался о нем: «Ну, отец Сергей... Он же еретик, но — благочестивый еретик!»

В Ленинградской семинарии отец Сергей учился два года вместо четырех: поступил, уже будучи священником, сразу на III курс и успешно закончил в июне 1954 года.

В 1959 году на Желудкова завели уголовное дело. Он пытался защитить прихожанку церкви в Великих Луках, которая выздоровела после того, как её провели вокруг часовни Ксении Петербургской, и, конечно, рассказывала об этом знакомым. Против нее было возбуждено уголовное дело «за распространение ложных слухов». Отец Сергей стал обращаться в различные инстанции с жалобами на произвол. Тогда-то и завели уголовное дело на него самого — обвинили в клевете. Дело вскоре было прекращено, но неудобного попа лишили регистрации, необходимой священнослужителю.

Последние 25 лет жизни он был заштатным клириком, жил в Пскове, в доме своей прихожанки Татьяны Дроздовой. Будучи настоятелем Никольской церкви в Любятново, отец Сергей взял ее, отсидевшую по 58-й статье, на работу церковным счетоводом. Когда сам батюшка оказался за штатом, Татьяна Гавриловна дала ему приют в своем доме, создала условия для жизни и работы.

Здесь в 1976 году произошла его встреча с отцом Павлом Адельгеймом. «Отец Сергей запомнился мне, — вспоминал о. Павел, — в старом пальто, тяжелом, как вериги, и облезлой шапке. Он их так и носил до самой смерти. Сокровищ на земле он не собирал и жил подвижником и бессребреником, буквально в голоде и холоде. Не всегда мог затопить печку за отсутствием дров, не всегда мог купить хлеб за отсутствием денег».

В эти годы он много писал, стал известен как церковный публицист и общественный деятель. В 1973 году в Германии вышла его книга «Почему и я — христианин», предисловие к которой написал о. Александр Шмеман, этим же годом датирована его работа «Общая исповедь». Жил, понятное дело,

под пристальным оком органов госбезопасности. Адельгейм вспоминал: «Об офицерах организации говорил: „среди них тоже есть хорошие люди“. Ещё говорил про псковское КГБ: „дракон у нас добрый”».

«Отец Сергей был гуманистом в самом положительном смысле слова. Он любил человека, следуя заповеди Того, Кто «так возлюбил мир, что Сына Своего единородного дал, дабы всякий верующий в Него не погиб, но наследовал вечную жизнь». Подобно Богу, о. Сергей ставил Человека в центре бытия, ибо спасением Человека обусловлен Божий Промысел. О. Сергей полагал, что весь образ жизни церкви и её проповедь следует приспособить к современным особенностям эпохи и психологии человека. Он призывал к «широте церковного разномыслия», основанного на стремлении понять друг друга людям различных взглядов. Какой смысл молиться «о соединении всех», если ничего для этого самим не делать? Противники такого взгляда называли это либерализмом, модернизмом, конформизмом, а то и еkkлезиологической ересью» (из записей отца Павла Адельгейма в Живом Журнале).

В последние годы Желудков сблизился со многими правозащитниками, познакомился с А. И. Солженицыным, А. Д. Сахаровым, много беседовал и переписывался с ними, стал членом организации «Amnesty International», подписывал письма в защиту политзаключённых, помогал участникам диссидентского движения.

Отдельная история – знакомство и общение Желудкова с Надеждой Мандельштам в период ее воцерковления. В начале 70-х она приезжала в Псков на лето и гостила в Любятове у отца Сергея. Вот что вспоминает об этом Е. Дмитриева-Маймина, дочь Евгения Маймина и Татьяны Фисенко, коллег Надежды Яковлевны по псковскому пединституту, где она преподавала английский с 1962 по 1964 год:

«Самым ярким событием бывал день приезда Н. Я. Она прилетала из Москвы на самолете. В псковский, очень сельский по виду, а потому и очень уютный аэропорт мчались в те вечера два такси. В одном — отец Сергей и Татьяна Гавриловна. В другом — мы с мамой и Лина Георгиевна Дюкова (в другой раз была еще и Софья Менделевна Глускина). Надежда Яковлевна медленно сходила с трапа, а мы все уже бежали ей навстречу с цветами. (Наверное, она всё же приезжала три раза, потому что я помню эти встречи именно как повторяющееся действие.) У отца Сергея глаза при этом как-то по-

особому начинали светиться. Впрочем, мне кажется, что светились они у него всегда. А затем все ехали в любятовский деревенский дом. Вокруг дома был яблоневый сад, казавшийся “Эдема списком сокращенным” (Татьяна Гавриловна зарабатывала себе на жизнь, продавая иногда на рынке яблоки). В доме была фисгармония. Отец Сергей прекрасно играл, а у Татьяны Гавриловны был ангельский голос (впрочем, при характере отнюдь не ангельском). Так что “посиделки” в любятовском доме, и в день приезда, и в остальные дни, начинались с духовных песнопений».

Бывал и отец Сергей в гостях у Надежды Яковлевны в Москве.

Вот каким он запомнился Ирине Глинке, хорошей знакомой Надежды Мандельштам: «Позже, чем Мень, появился в доме Н. Я. другой священник, разительно на того непохожий: отец Сергей Желудков. Старенький псковский священник, “отрешенный от служения” местными епархиальными властями (не за нарушения какие-то, а просто за непохожесть на других, как я понимаю), сиял такой добротой, что светлее становилось вокруг, ей-богу!.. Я всё мечтала в Псков съездить к нему, да никак не получалось... Каждая встреча с ним и даже коротенькое общение надолго оставляли произвольно появляющуюся на лице улыбку, про которую кто-нибудь из оказавшихся рядом спрашивал с удивлением: “Ты что?...” А тебе и ответить нечего! Просто на душе хорошо...»

Духовный отец Надежды Мандельштам, отец Александр Мень, «разительно непохожий», по впечатлению Ирины Глинки, на Желудкова своей красотой в противовес невзрачности о. Сергия, оставил о нем подробные воспоминания:

«...я однажды вечером сидел в домике при церкви, в сторожке, вдруг постучался человек: небольшого роста, в шляпе, с короткой седой бородой, с очень знакомым, как мне показалось, лицом. Знаете, бывают такие лица, как родные, как будто ты их тысячу раз видел. Он приподнял свою шляпу и коротко сказал: «Здрате, я — Желудков». И мы сразу почувствовали с ним какую-то близость. И я вам скажу по своему опыту (за многие годы общения с десятками, сотнями, а может быть и больше, людей): этот человек своим общением давал удивительно много! Разговор с ним обогащал! Это была совершенно неповторимая личность. Потому что он пробуждал в собеседнике то, что в том еще дремало. Мне он всегда напоминал Сократа; не только своей, так сказать, внешностью, но его способностью

стимулировать мысль другого человека, его способностью быть открытым к другому. Это редчайший дар — как доброта, веселая ирония, смелость суждений».

А вот как увидел отца Сергия духовный сын о. Александра Меня, литератор, музыкант Владимир Ерохин: «Отец Сергей Желудков был человек абсолютной духовной чистоты. В нем не было ничего пошлого, приземленного, хотя ходил он по грешной земле в рваном сером пиджаке. Он был чистый и оборванный. И напоминал своим обликом Григория Саввича Сковороду, который любил говорить: «Мир ловил меня, но не поймал». «Пока ты не весел, то все ты нищ и гол».

Я удивлялся тому, как охотно он общался с неверующими, но отец Сергей успокаивал:

— Это ничего, что неверующие. Важно — во что не верующие.

Он был ревностный служитель Божий. Это была ревность от чистого сердца и по уму».

Одним из самых своеобразных людей, встреченных им в жизни, считал Желудкова Краснов-Левитин, а уж он верующих, да и священников на своем веку повидал:

«Своеобразие отца Сергия в том, что он представляет собой симбиоз типа религиозного народного искателя (исконный русский тип), сектантского вожака, странника, самоучки с европейски образованным (хотя и не систематически), начитанным интеллектуалом. В нем есть что-то от так называемого «диакона» (из «Жизни Климита Самгина» Максима Горького), от героя «Исповеди» того же автора».

Правозащитная деятельность Желудкова, которую ему ставят в вину ревнители благочестия до сего времени, начиналась, по воспоминаниям Краснова-Левитина, так:

«В январе 1968 года в Москве имел место громкий политический процесс. Суд над Гинзбургом, Галансковым, Лашковой и Добровольским. Суд вызвал целый ряд откликов и в международной прессе, и в самиздате.

С этим процессом, между прочим, связано первое появление на арене самиздата Павла Литвинова, внука знаменитого советского дипломата, который совместно с Ларисой Богораз написал письмо в защиту осужденных.

Впечатлительный и импульсивный, отец Сергей прочел это письмо, и оно его поразило. Ночью он увидел странный сон: покойный Папа Иоанн XXIII, память которого он, как и все мы, глубоко чтит, явился ему и изрек: «Они хорошие люди, но с ними нет священника».

Утром отец Сергей написал Литвинову приветственное письмо. И после этого он становится участником так называемого правозащитного движения.

После этого мы встречались с ним уже в новом качестве, в качестве соратников в русском демократическом движении.

Когда я был в заключении в 1971—1972 годах, отец Сергей писал мне в лагерь прекрасные, глубокие по содержанию письма. Причем наши богословские братские споры продолжались и здесь».

Не только Анатолию Эммануиловичу — многим отец Сергей писал в тюрьмы и лагеря, действительно помогал их близким.

Отец Сергей скончался в Москве 30 января 1984 года после тяжелой онкологической операции. Сергей Бычков пишет: «Он много звонил, сообщая друзьям о своей болезни и предстоящей операции, а в остальном вел себя обычно: говорил, слушал, восторгался новым анекдотом, только руки беспокоились. Знал, что операция смертельно опасная, но утешал: «Что ж, ведь я не воевал, другие ведь воевали, а мне вот — операция». Потом сказал: «Мне нужно еще года два-три. Тогда я успею». К смерти готовился — причастился, перед больницей объездил всех друзей».

Отпели отца Сергия в Богоявленском соборе по священническому чину. Друзья и близкие перевезли его прах в Псков и похоронили его близ храма в Любятове.

В завещании, написанном незадолго до смерти, отец Сергей писал: *«Как можно меньше хлопот с похоронами. Если Смерть случится в Москве или Ленинграде – совершить кремацию и отпеть заочно. Если похороны будут во Пскове, то очень прошу – пусть не вздумает священник говорить речь»*. Оставил и краткие распоряжения: кому сообщить о его кончине, кому раздать «наследство»: крест с эмалью, канцелярские принадлежности (папки, лента для пишущей машинки, копирка – ценные вещи для

занимающихся самиздатом), пара облигаций, сберкнижка с копеечным счетом.

Через пять лет (за полтора года до собственной гибели), на вечере памяти отца Сергия протоиерей Александр Мень сожалел о том, что влияние Желудкова было «весьма ограниченным, осталось в основном в каких-то кулуарах, узких кругах». «У нас не так много таких ярких личностей, — говорил он. — Мы должны их помнить. Как говорил один прекрасный литературовед о своем герое: «Мы ему уже не нужны, но он нам нужен». Так вот, такие люди, как Желудков, нужны нам».

Помним ли мы отца Сергия, нужен ли он современным христианам?